

Фёдор Глинка
ПИСЬМА
РУССКОГО
ОФИЦЕРА

Федор Глинка

Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год

В книге «Письма русского офицера» полковник русской армии Ф. Н. Глинка рассказывает об участии в Бородинской битве над Наполеоном в 1812 году, о мужестве и стойкости русских солдат, отстаивавших свободу и независимость Отечества и освободивших Европу от наполеоновского нашествия.

Глинка Федор Николаевич [8(19).6.1786, имение Сутоки, ныне Смоленская область, — 11(23).2.1880, Тверь], русский поэт, публицист. Брат С. Н. Глинки. Окончил 1-й кадетский корпус в 1802. Участник Отечественной войны 1812, описанной им в «Письмах русского офицера».

Содержание

#1	0006
ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ	0006
I ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ДО ИЗГНАНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ ИЗ РОССИИ И ПЕРЕХОД ЗА ГРАНИЦУ В 1813 ГОДУ	0008
II ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ 1813 ГОДА ПО ИЗГНАНИИ НЕПРИЯТЕЛЯ ЗА ГРАНИЦУ	0166
III ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗ СИЛЕЗИИ В РОССИЮ	0335
IV ОПИСАНИЕ СИЛЕЗИИ И ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОЮЗНИКОВ ЗА РЕЙНОМ ДО ВЗЯТИЯ ПАРИЖА	0412
V ОПИСАНИЕ ПАРИЖА	0537
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	0577

Ф. Н. Глинка

**«Письма русского офицера
о Польше, Австрийских
владениях, Пруссии и
Франции, с подробным
описанием Отечественной и
заграничной войны с 1812 по
1814 год»[1]**

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В 1817 году, когда мне довелось быть Председателем известного в то время Литературного общества и, в чине полковника гвардии, членом Общества военных людей и редактором Военного журнала, посетили меня в один вечер (в квартире моей в доме Гвардейского штаба) Жуковский, Батюшков, Гнедич и Крылов. Василий Андреевич (Жуковский) первый завел разговор о моих Письмах русского офицера, заслуживших тогда особенное внимание всех слоев общества.

«Ваших писем, — говорил Жуковский, — нет возможности достать в лавках: все-де разошлись. При таком требовании публики необходимо новое издание. Тут, кстати, вы можете пересмотреть, дополнить, а иное (что схвачено второпях, на походе) и совсем, пожалуй, переписать. Теперь ведь уже уяснилось многое, что прежде казалось загадочным и темным».

Гнедич и Батюшков более или менее разделяли мнение Жуковского, и разговор продолжался. Крылов молчал и вслушивался, а

наконец заговорил: «Нет! — сказал он, — не изменяйте ничего: как что есть, так тому и быть. Не позволяйте себе ни притачиваний нового к старому, ни подделок, ни вставок: всякая вставка, как бы хитро ее ни спрятали, будет выглядывать новою заплатою на старом кафтане. Оставьте нетронутым все, что написано у вас где случилось, как пришлось... Оставьте в покое ваши походные строки, вылившиеся у бивачных огней и засыпанные, может быть, пеплом тех незабвенных биваков. Представьте историку изыскивать, дополнять и распространяться о том, чего вы, как фронтовой офицер, не могли ни знать, ни ведать! И поверьте, что позднейшим читателям и любопытно, и приятно будет найти у вас не сухое официальное изложение, а именно более или менее удачный отпечаток того, что и как виделось, мыслилось и чувствовалось в тот приснопамятный XII-й год, когда вся Россия, вздрогнув, встала на ноги и с умиленным самоотвержением готова была на всякое пожертвование». <...>

Ф. Глинка

I ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ДО ИЗГНАНИЯ НЕПРИЯТЕЛЯ ИЗ РОССИИ И ПЕРЕХОД ЗА ГРАНИЦУ В 1813 ГОДУ

*М*ая 10, 1812. Село Сутоки

Природа в полном цвете!.. Зеленеющие поля обещают самую богатую жатву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отчего сердце мое отказывается участвовать в общей радости творения. Оно не смеет развернуться, подобно листьям и цветам. Непонятное чувство, похожее на то, которое смущает нас перед сильною грозою, сжимает его. Предчувствие какого-то отдаленного несчастья меня пугает... Но, может быть, это мечты!.. «Недаром, — говорят простолюдины, — прошлого года так долго ходила в небесах *невиданная звезда*; недаром горели города, села, леса, и во многих местах земля выгорала: не к добру это

все! Быть великой войне!» Эти добрые люди имеют свои замечания. В самом деле, мы живем в чудесном веке: природа и люди испытывают превратности необычайные. Теперь в «Ведомостях» только и пишут о страшных наводнениях, о трясении земли в разных странах, о дивных явлениях на небе. Мы читаем в *Степенных книгах*[2], что перед великим нашествием татар на Россию солнце и луна изменяли вид свой, и небо, чудесными знаменениями, как бы предуведомляло землю о *грядущем горе*... Нельзя не согласиться с знаменитым Махиавелем[3], что мыслящие умы так же легко предузнают различные приключения в судьбе царств и народов по *известным обстоятельствам*, как мореплаватели затмение светил и прочее по своим исчислениям.

Известно, до какой степени маркиз Куева де Бедмар[4], описанный Сент-Реалем, силен был в *науке предузнавать!*.. К чему, в самом деле, такое притечение войск к границам? К чему сам государь, оставя удовольствия столицы, поспешил туда разделять труды воинской жизни? — К чему, как не к войне!.. Но

война эта должна быть необыкновенна, ужасна!.. Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; *грудь русская* есть *плотина*, удерживающая стремление, — прорвется — и наводнение будет неслыханно! — О, друг мой! Ужели бедствия *нашествий* повторятся в дни наши?.. Ужели покорение? Нет! Русские не выдадут земли своей! Если не останется воинов, то всяк из нас будет одной рукой *водить соху*, а другой *сражаться за Отечество!*

Кого не мучит теперь любопытство, чтоб разгадать загадку будущего? — Я читаю славную Гедеонову[5] проповедь на *разрушение Лиссабона* — и живо представляется воображению моему, как величавый муж сей в священных сумерках просторного храма, где голос его в таинственных отзывах повторяется, перед лицом императрицы Елисаветы, описывая бедствия колеблющейся природы и страшную гибель Лиссабона, смело укоряет блестящий сонм вельмож в отставлении праточеских нравов, в неге и роскоши, которым

предаются, и вдруг, устами боговдохновенного пророка, гласит им в последнее наставление сии священные слова: и когда услышите голос его, не ожесточите сердец ваших. Прощай! Я иду в свой садик поливать цветы и слушать громкого соловья — пока это еще можно! «Жить невидимкой — значит быть счастливу!» — говорит славный философ Декарт. Еще раз: прощай!..

16 июля 1812 — Смоленск

Сейчас приехал я в Смоленск. Какое смятение распространилось в народе!.. Получили известие, что неприятель уже близ Орши. В самом деле, все корпуса, армию нашу составляющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере близ Дриссея[6] и ожидали неприятеля. Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск? Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего. Народ у нас не привык слышать

о приближении неприятеля. Умы и души в страшном волнении. Уже потянулись длинные обозы; всякий разведывает, где безопаснее. Никто не хочет достаться в руки *неприятелю*. Кажется, в России, равно как и в Испании, будет он покорять только землю, а не людей...

17 июля. Смоленск

Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный, после двухсотлетнего сна, пробуждается, чуя угрозу военную. Губернский предводитель наш, майор Лесли, от лица всего дворянства испрашивал у государя позволения вооружить 20 000 ратников на собственный кошт владельцев. Государь с признательностью принял важную жертву свою. Находящиеся здесь войска и многочисленная артиллерия были обозреваемы самим государем. К ним, по высочайшему повелению, должны немедленно присоединиться идущие из Дорогобужа и других *депо* рекрутские баталионы. Уже передовой отряд, под начальством храброго генерала Оленина, выступил к Красному. Старый генерал Лесли, по-

спешно вооружив четырех сынов своих и несколько десятков ратников, послал их присоединиться к атому же отряду, чтоб быть впереди. Вчера принят Е. И. В. из отставки в службу Г.-М. Пассек и получил начальство над частью здешних войск. — Земское ополчение усердием дворян и содействием здешнего гражданского губернатора барона Аша со всевозможной скоростью образуется. Смоленск принимает вид военного города. Беспреданно звенят колокольчики; скачут курьеры; провозят пленных, или шпионов. Несколько польских губерний подняли знамя бунта. Недаром они твердили пословицу: «Слышит птичка весну». О заблуждение! Они думают *воскреснуть* среди всеобщего *разрушения!*.. Обстоятельства становятся бурны. Не знаю, буду ли с тобой видеться, *но письменное сношение заменяет половину свидания* — так говорит персиянин Бек-али; я верю ему — и буду стараться к тебе писать. — Прощай!..

18 июля, 1812. Село Сутоки

Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений. Но счастливы они, что по-

служат местом соединения обеих армий и приобретут, может быть, в потомстве славу Полтавских: ибо Первая Западная армия, под начальством Барклая-де-Толли, а вторая — князя Багратиона, после неисчислимых препятствий со стороны неприятеля, соединились наконец у Смоленска. Г. Платов прибыл сюда же с 15 000 Донского войска. Армия наша немногочисленна; но войска никогда не бывали в таком устройстве, и полки никогда не имели таких прекрасных людей. — Войска получают наилучшее продовольствие; дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен смоленских. Некоторые из них изъявляют желание это самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: *мы уже видим седые бороды отцов наших, говорят они: отдадим ли их на поругание? Время сражаться!*

19 июля. Там же

Я имел удовольствие обнять брата моего Григория, служащего в Либавском пехотном полку. Общество офицеров в этом полку пре-

красное, солдаты отменно хороши. Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые принимали меня как истинные друзья, как ближайшие родные. Кто же такие эти прекрасные люди? — спросишь ты. — Общие наши товарищи: кадеты! — О! Как полезно общественное воспитание! Никакие уставы, никакие условия обществ не могут произвести таких твердых связей между людьми, как *свычка ранних лет*. Совоспитанники по сердцу и душе встречаются везде с непритворным, сердечным удовольствием... Многие из товарищей наших уже полковниками и в крестах; но обхождение их со мной точно то же, какое было за 10 перед этим лет, несмотря на то, что я *только бедный поручик!* Как сладко напоминать то время, когда между богатыми и бедными, между детьми знатных отцов и простых дворян не было никакой разницы; когда пища, науки и резвости были общими; когда, не имея понятия о *жизни и свете*, мы так сладостно мечтали о том и другом!.. Помнишь, как, повторяя бессмертные слова Екатерины, что *корпус кадетский есть рассадник великих людей*, мы любили воображать себе,

что все до одного будем полезны Отечеству. Но сколько из юных растений этого *рассади-ка*, поверженные в бури случаев, утратили способности свои от *бездействия*, сделались бесполезными от *несправедливости людей* и увяли от *бедности* — или в тени *неизвестности*, лишенные спасительных лучей — *обод-рения!*..

Вчера армии двинулись от Смоленска, вниз по течению Днепра, к окрестностям озера Катани. Авангард пошел к Рудне; оттуда ожидают неприятеля, который теперь толпится на пространстве между Двиной и Днепром. Это *наступательное движение войск наших* много обрадовало народ. Всякий стал дышать свободнее!..

Дай бог нашим вперед! Помоги бог оттолкнуть дерзких от древних рубежей наших!.. Однако ж, идя вперед, кажется, не забывают о способах, обеспечивающих и *отступление*.. На этих днях военное начальство требовало у гражданского губернатора надежного и деятельного дворянина для особенных важных препоручений. Зная из многих опытов усердие и деятельность брата моего Ивана, губер-

натор представил начальству его. Тотчас поручено было ему, со всевозможной скоростью, без лишней огласки, устроить сколько можно более переправ на Днестре у Соловьева, что на большой Московской дороге. Мосты спешат с удивительной поспешностью. Работают день и ночь. Великие толпы народа, бегущие из разных занятых неприятелем губерний, переправляются беспрестанно. «Но неужели и войска пойдут через них?» «Ужели и Смоленск сдадут?..» Солдаты будут драться ужасно! Поселяне готовы сделать то же. Только и говорят о поголовном наборе, о всеобщем восстании. «Повели, государь! Все до одного идем!» Дух пробуждается, души готовы. Народ просит воли, чтоб не потерять волюности. Но война народная слишком нова для нас. Кажется, еще боятся развязать руки. До сих пор нет ни одной прокламации, позволяющей собраться, вооружаться и действовать, где, как и кому можно. «Дозволят — и мы, поселяне, готовы в подкрепу воинам. Знаем места, можем вредить, засядем в лесах, будем держаться — и удерживать; станем сражаться — и отражать!..»

Августа 4 дня. Село Сутоки, в 2 часа, за полдень

В сии минуты, как я пишу к тебе дрожащей рукой, решается судьба Смоленска. Неприятель, сосредоточив *где-то* великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Дивизия Неверовского принесла сегодня французов на плечах; а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город. Сегодня все обыватели высланы; батареи расставлены. Неприятель с двумястами тысяч наступает на Смоленск, защищаемый 150 000 наших. Покровская гора еще в наших руках. Теперь сражение горит под самыми стенами. Когда получишь эти строки, то знай, что чей-нибудь жребий уже решился: или *отбит* Наполеон, или — *дверь в Россию отперта!*..

Я сейчас иду помолиться в последний раз на гробах родителей и еду к старшему брату Василию: от него видно сражение. Прощай!

Августа 8. Село Цуриково

Я видел ужаснейшую картину — я был сви-

детелем гибели Смоленска. Погубление Лиссабона не могло быть ужаснее. 4 числа неприятель устремился к Смоленску и встречен, под стенами его, горстью неустрашимых Россиян. 5 числа, с ранней зари до позднего вечера, 12 часов продолжалось сражение перед стенами, на стенах и за стенами Смоленска. Русские не уступали ни на шаг места; дрались как львы. Французы, или, лучше сказать, поляки, в бешеном исступлении лезли на стены, ломились в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра. Наконец, утомленный противоборствием наших, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. *Злодеи* тотчас исполнили приказ *изверга*. Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем — и все, что может гореть, — запылало!.. Опламенные окрестности, густой разноцветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, падающий на колени с воздеты-

ми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными...

В глубокие сумерки вынесли из города икону смоленской божьей матери. Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий и громом сражений, сопровождал печальное шествие это. Блеск пожаров освещал его. Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу. Смятение людей было так велико, что многие выбегали полунагими и матери теряли детей своих. Казаки вывозили на седлах младенцев из мест, где свирепствовал ад. Наполеон отдал приказ, чтоб Смоленск взят был непременно 5 числа; однако ж русские отстояли его грудью, и 5 числа город не был взят. Но 6 рано — о превратность судьбы! — то, что удерживали с таким усилием, отдали добровольно!.. Главнокомандующий имел на то *причины*. Теперь Смоленск есть огромная груда пеп-

ла; окрестности его — суть окрестности Везувия после извержения. Наши поспешно отступают к Дорогобужу, но сейчас, т. е. 8 числа к вечеру, приостановились недалеко от Бредихи. Третьего дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся и завтра будут драться! Злодеи берут одним *многолюдством*. Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гла-сит, наконец, главнокомандующий в *последней прокламации своей*. Итак — *народная война!*

Его императорское высочество Константин Павлович, усердно разделяющий с войском труды и опасности, был свидетелем кровопролитного боя и страшного пожара смоленского. С душевным прискорбием взирал он на разрушение одного из древнейших городов своего отечества. Жители Смоленска неутешны. Несчастия их неописанны. О, дру-мой! Сердце твое облилось бы кровью, если бы ты увидел злополучие моей родины. Но судьбы вышнего неиспытанны. Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются до-ма, исчезает спокойствие мирных дней, но пусть эта жертва крови и слез, эти стоны, на-

рода, текущие в облако вместе с курением пожаров, умилоствивят, наконец, разгневанные небеса! Пусть пострадают области, но спасется Отечество! Вот общий голос душ, вот искренняя молитва всех русских сердец!

Я и старший брат с нетерпением ожидали, пока выйдет брат наш Григорий из огня. Он был 12 часов в стрелках и дрался так храбро, как только может драться смолянин за свой отечественный город. В этом уверили нас все офицеры его полка. Бригадой их командовал генерал-майор Оленин и водил ее в самый жаркий огонь. Все жалеют о смерти отличного по долговременной службе, необычайной храбрости и доброте душевной генерала Баллы, который убит 5 числа в передней цепи стрелков. Кровопролитные битвы еще продолжаются. Мы ложимся и встаем под блеском зарев и громом перестрелок. Мне уже нельзя заехать домой; путь отрезан! Итак, иду туда, куда двигает всех буря войны!.. Сколько раненых! Сколько бегущих! Бесконечные обозы тянутся по полям; толпы народа спешат, сами не зная куда!.. Мы теперь нищие, с благородным духом, бродим уныло по развали-

нам своего отечества. Бедный С...! В то время как брат его сражается и отечественный город в глазах его горит, узнает он, что отец впал в жестокую горячку, а мать, испуганная приближением врага, умерла!.. Вот пример ужаснейшего положения, в котором находятся теперь многие! Повсюду стон и разрушение!.. Мы живем в дни ужаса! Прощай!.. Может быть, в атом мире уже навсегда!..

13 августа

*Итак, я теперь —
Наследия отцов и родины лишен,
Как птицы без гнезда стал, бурей унесен!..*

Странствую по сторающей земле, под небом, не внемлющим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожарищ.

Полнеба рдеет, как раскаленное железо. Я веду совершенно кочующую жизнь, переезжая из шалаша в шалаш, от огня к огню. В окрестностях Дорогобужа ехали мы некоторое время с конницей генерала Корфа. Старший брат мой, знающий там все тропинки,

служил ей лучшим путеводителем. Теперь пристаем чаще всего в дежурстве генерала Дохтурова. Нередко хожу я и с гренадерами, которых ведет граф Строганов. Смотря на сего вождя, не подумал ли какой-либо себялюбец: имея неисчислимыя способы к жизни, имея чины, заслуги, почести и дома у себя имея рай, зачем ему бросаться в бури, которыми дышит сам ад в дни наши; зачем наряду с простым солдатом, терпя потому труд и голод, стремиться в опасности, на раны в смерть? Но вот что значит *любовь к Отечеству!*.. Потомки не уступают предкам. О, *чувство* благородное, *чувство* священное! Обладай вечно сердцами россиян!..

Помнишь, как мы вместе читали Шиллеру трагедию «Разбойники»? Помнишь, как пугала нас страшная картина сновидения Франца Мора, картина, которую Шиллер с искусством Микеланджело начертал пламенным пером своим? Там, среди ужасного пожара вселенной, леса, села и города тают как воск, и бури огненные превращают землю в обнаженную пустыню! Такие-то картины видим мы всякий раз, ложась спать! Каковы же

должны быть сновидения? — спросишь ты. Их нет: усталость лишает способности мечтать. Уже и Дорогобуж и Вязьма в руках неприятеля: Смоленская губерния исчезает! Прощай!

Августа 16

Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на этого необыкновенного человека. Пылают ли окрестности, достаются ли села, города и округи в руки неприятеля; вопиет ли народ, наполняющий леса или великими толпами идущий в далекие края России: его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердости духа его. Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? для чего уступают области? и чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо это-то вождя сил российских и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет! думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, ко-

нечно, уже сделал заранее смелое предначертание свое; и цель, для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как провидение, не внемлющее пустым воплям смертных и тернистыми путями влекущее их к собственному их благу. Когда Колумб, посредством глубоких соображений, впервые преузнал о *существовании нового мира* и поплыл к нему через неизмеримые пространства вод, то спутники его, видя новые звезды, незнакомое небо и неизвестные моря, предались было малодушному отчаянию и громко возроптали. Но *великий духом*, не колеблясь, ни грозным волнением стихии, ни бурей страстей человеческих, видел ясно перед собой *отдаленную цель свою* и вел к ней *веренный ему провидением корабль*. Так, главнокомандующий армиями, генерал Барклай-де-Толли, проведенный с такой осторожностью войска паши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначатия свои желанным успехом. Потерянное может возвратиться; обра-

ценное в пепел возродиться в лучшей красоте. Щедроты Александра обновят края, опустошенные Наполеоном... Всего удивительнее для меня необычайная твердость ведущего армии наши. Смотри на него, я воображаю Катона и прекрасное место из Лукановой поэмы[7], где автор представляет этого великого мужа под пламенным небом Африки, среди раскаленных песков Ливии <...> Тут же и прекрасный Горациев стих сам собой приходит на ум:

*«И на развалинах попорченная все-
ленной,
Катон, под бурями, неколебим,
стоит!..»*

17 августа

С какой грустью оставляют они дома, в которых родились, выросли и были счастливы! Бедные жители злополучных стран!

В одном прекрасном доме, близ дороги, написаны на стене *женскою рукою* простые, но для всякого трогательные слова:

Прости, моя милая Родина!

Друг мой! Настают времена, когда и бога-

тые, оставляя великолепные чертоги, равняются с бедными и умножают толпы бегущих... Война народная час от часу является в новом блеске. Кажется, что сгорающие села возжигают огонь мщения в жителях. Тысячи поселян, укрываясь в леса и превратив *серп и косу в оборонительные оружия*, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются!.. Сегодня крестьяне Гжатского уезда, деревень князя Голицына, вытесненные из одних *засек*, переходили в другие, соседние леса через то селение, где была главная квартира. Тут перевязывали многих раненых. Один 14-летний мальчик, имевший насквозь простреленную ногу, шел пешком и не жаловался. Перевязку вытерпел он с большим мужеством. Две молодые крестьянские девки ранены были в руки. Одна бросилась на помощь к деду своему, другая убила древесным суком француза, поранившего ее мать. Многие имели простреленные шапки, полы и лапти. Вот почтенные поселяне войны! Они горько жаловались, что бывший управитель-поляк отобрал у них всякое оружие при приближении французов. Долго

ли русские будут поручать детей своих французам, а крестьян — полякам и прочим пришельцам?..

Того же числа

Теперь начальствует арьергардом и почти ежедневно сражается генерал-лейтенант Коновницын, воин, почтенный летами, заслугами и подвигами. У него адъютантом и правителем канцелярии общий совоспитанник и друг наш Ахшарумов, с которым я иногда видаюсь. Быть бою кровавому, быть великому сражению! Всякий раз, когда, идя с солдатами во время ночных переходов, завожу с ними разговор или слушаю их, разговаривающих, то во всех поступках их замечаю ревностное и пламенное желание *стать и сражаться!* Горящие окрестности, разоряемые церкви, поруганная святыня и стон жителей с неизъяснимой силой действуют на души их. О! Как добры и благочестивы солдаты русские! Чего нельзя с ними сделать? Никто не умеет так оценить и помнить храбрости офицера, как они. Один усатый гренадер, когда я с ним вчера разговаривал и объявил свое имя, сказал мне: «Да не родня ли вам Глинка, в Либав-

ском полку что был под Смоленском в стрелках?» «Это брат мой», — отвечал я. «Он прехрабрый, сударь, человек! — говорил гренадер, — с ним весело ходить *вперед!*» Вот нечаянное приветствие — и самое лестное! От часу более распространяется слух о скором прибытии к армии Светлейшего Князя Голицына-Кутузова. Говорят, что народ встречает его повсюду с неизъяснимым восторгом. Все жители городов выходят навстречу, отпрягают лошадей, везут на себе карету; древние старцы заставляют внуков лобызать стопы его, матери выносят грудных младенцев, падают на колени и поднимают их к небу! Весь народ называет его *спасителем*. Государь сказал ему: «Иди спасать Россию!» Россия, указывая на раны свои, вопиет: «Спаси меня!» Бессмертие уже готовит место на скрижалях своих, чтоб передать имя его в бесконечность времен. Помнишь, как мы восхищались неподражаемым местом в Мармонтелевом Велисарии[8], где он представляет сего великого мужа проходящим через те самые области, которые спас от гибели, и повсюду собирающим бесценные дани нелестного

усердия народа. О, как различна слава бичей и спасителей народов!

18 августа

Наконец прибыл сей лаврами и сединами увенчанный вождь! Некоторые из почтенных гжатских купцов привезли его сами па прекрасных своих лошадях в село Царево-Займище. Я сейчас видел Светлейшего Голенищева-Кутузова, сидящего на простой скамье подле одной избы, множество генералов окружили его. Радость войск неописанна. У всех лица сделались светлее, и военные беседы вокруг огня радостнее. Дымные поля биваков начинают оглашаться песнями.

20 августа

Как нетрудно понравиться солдату! Должно показать только ему, что заботишься о судьбе его, что вникаешь в его состояние, что требуешь от него необходимо нужного и ничего излишнего. Когда Светлейший Князь объезжал в первый раз полки, солдаты засуетились было, начали чиститься, тянуться и строиться. «Не надо! Ничего этого не надо! — говорил князь. — Я приехал только посмотреть, здоровы ли вы, дети мои! Солдату в по-

ходе не о щегольстве думать: ему надобно отдохнуть после трудов и готовиться к победе». В другой раз, увидев, что обоз какого-то генерала мешает идти полкам, он тотчас велел освободить дорогу и громко говорил: «Солдату в походе каждый шаг дорог, скорей придет — больше отдыхать будет!» Такие слова главнокомандующего все войско наполнили к нему доверенностью и любовью. «Вот то-то приехал наш „батюшка“! — говорили солдаты, — он все наши нужды знает: как не подраться с ним»; в глазах его «все до одного рады головы положить». Быть великому сражению!

Все обстоятельства предвещают *сражение*, долженствующее решить судьбу отечества. Говорят, что в последний раз, когда Светлейший осматривал полки, *орел* явился в воздухе и парил над ним. Князь обнажил сединами украшенную голову; все войско закричало «ура!». В сей же день главнокомандующий приказал служить во всех полках молебны смоленской божьей матери и для иконы ее, находившейся при армии, сделать новый приличный кивот. Все это восхищает солдат и всякого!

На этих днях смоленский помещик Реад привез двух сынов, прекрасных молодых людей, и просил определить их в службу[9]. Другой смолянин, ротмистр Клочков, оставя прекрасную жену и пятерых детей, приехал служить и определился к почтенному генералу Лихачеву, который, от тяжелой боли едва передвигая ноги и почти совсем не владея руками, ездит на дрожках при своей дивизии и бывает в сражениях.

Вот что значит *война отечественная!*..

21 августа

Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. *Смерть* все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут *целыми обществами* переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! Удивительно, как привыкли здесь к

смерти, в каких бы видах ни являлась: свистит ли в пулях, сеется ль в граде картечи или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб — ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники отечества! Сии достойные офицеры русские. Солдаты видят их всегда впереди. Опасность окружает всех, и пуля редкого минует!..

22 августа

Поутру полки расположились около Колоцкого монастыря[10]. Там еще оставались два или три поседелых монаха. Я был у вечерни. Унылый стон колокола, тихое пение, синеватый сумрак, слегка просветляемый темной лампадою.

Вид пылающего отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Я вышел и смотрел на заходящее солнце, которое усиливалось сохранить блеск свой в мутных облаках, гонимых холодным ветром. Ужели, думал я, и древняя слава России угаснет в бурях, как оно!.. Нет! Восстал дух *русской земли!* Он спал

богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. Нигде не сдается, не хочет быть рабом. Он заседает в лесах, сражается на пепле сел и *просит поля у врага*, готовясь стать и биться с ним целые дни.

Все признаки великого сражения час от часу более становятся видимы. Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостью надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево и темнеют, как дремучие леса, или ходят, как тучи, из которых, по временам, стреляет гром!..

23 августа

«Тут остановимся мы и будем сражаться!» — думал каждый, завидя высоты Бородинские, на которых устроили батареи. Войска перешли Колочу, впадавшую, здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяжении холмов, омываемых сливанием этих двух речек. Стало войско — и не стало ни жатв, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. «Война идет и метет!» Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие лютейшее войны?..

Наступает вечер. Наши окапываются неутомимо. Засеками городят леса. Пальбы нигде не слышать. Там, вдали, неприятель разводит огни; ветер раздувает пожары, и зарево выше и выше восходит на небеса! По последнему расположению войск у нас на правой руке Милорадович; на левой князь Багратион; в середине Дохтуров. Глава всех войск Князь Кутузов, под ним Барклай-де-Толли. Ожидает ют неприятеля и сражения. Прощай!

24 августа

Отдаленный гром пушек приветствовал восходящее солнце. Генерал Коновницын, с передовыми полками, схватился с неприятелем под стенами Колоцкого монастыря. Вот идут они: один искусно уклоняется, другой нагло влечет гремящие тысячи свои прямо на нас. Толпы его, тянувшиеся по дороге, вдруг распахнулись вправо и влево. Смотрите, какая необозримость их *движущихся стен!*.. Поля дрожат, кажется, гнутся под множеством конных; леса насыпаны стрелками, пушки вытягиваются из долин и кустарников и, в разных местах, разными тропами пробираясь, на холмы и пригорки въезжают. Много-

численное неприятельское войско колеблется: кажется, в нерешимости. Вот пошатнулось было влево и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Пыль, взвившаяся до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим к чему...

24 августа. Поздно ввечеру

Неприятель, как туча, засипел, сгустившись, против левого нашего крыла и с быстротой молнии ударил на него, желая все сбить и уничтожить. Но князь Багратион, генерал Тучков, храбрый граф Воронцов и прочие, призвав на помощь бога, укрепясь своим мужеством и оградясь русскими штыками, отбросили далеко пехоту, дерзко приступавшую к батареям. Пушки наши действовали чудесно. Кирасиры врубались с невероятной отважностью. Раздраженный неприятель несколько раз повторял свои нападения и каждый раз был отражен. Поле покрылось грудями тел. Во все время как мелкий огонь гремел неумолчно и небо дымилось на левом крыле. Князь Михаила Ларионович сидел на

своей деревянной скамеечке, которую за ним всегда возили, у огня, на середине линий. Он казался очень спокоен. Все смотрели на него и, так сказать, черпали от него в сердца свои спокойствие. В руках его была нагайка, которую он то помахивал, то чертил что-то на песке. Казалось, что весь он превратился в слух и зрение, то вслушиваясь в гремящие переходы сражения, то внимательно обзревая положение мест. Часто пересылался с ним Багратион. Ночь прекратила бой и засветила новые пожары. Прощай до завтра!

25. Утро

Все тихо, неприятель отдыхает; перевязывает вчерашние раны и окапывает левое крыло свое. И наши не дремлют — готовятся.

25. Сумерки

Я почти целый день просидел на колокольне в селе Бородине. Оттуда в зрительную трубку — все как на ладони! Они роются, как кроты, в земле; строят преогромные *редуты*, а пушек, пушек, и сказать страшно! На одном только окопе насчитал я — сто! Но не один я задержан был любопытством на колокольне: многие генералы всходили туда же. Общее

мнение было, что неприятель для того огораживает *левое крыло свое*, чтобы свести все войска *на правое* и с сугубым усилием ударить на *лево* наше. На середину также ожидали нападения. Но вот уже сумерки! Ветер поднимается с воем и гудит по шалашам. Французы *оговорились* и засветили огни. Я забыл сказать, что почти целый день шайки их стрелялись с нашими егерями: наши не давали им пить из Колочи. Прощай — темно! Иду доставать свечи.

С 25 на 26. Глубокая ночь

Все безмолвствует!.. Русские, с чистой, безупречной совестью, тихо дремлют, облегли дымящиеся огни. Сторожевые цепи пересылают одна другой протяжные отголоски. Эхо чуть вторит им. На облачном небе изредка искрятся звезды. Так все спокойно на нашей стороне.

Напротив того: ярко блещут устроенные огни в *таборах*[11] неприятельских; музыка, пение, трубные голоса в крики по всему их стану разносятся. Вот слышны восклицания! Вот еще другие!.. Они, верно, приветствуют разъезжающего по строям Наполеона. Точно

так было перед Аустерлицким сражением. Что будет завтра? Ветер гасит свечу, а сон смыкает глаза. Прощай!

29 августа. Окрестности Москвы

Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца спокойны были. Так началось беспрецедентное Бородинское сражение 26 августа. Туча ядер, с визгом пролетавших над нашим шалашом, пробудила меня и товарищей. Вскакиваем, смотрим — густой туман лежит между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Неприятель подвез несколько сот орудий и открыл целый ад. Бомбы и ядра сыплются градом. Треск и взрывы повсеместны. Одни шалаши валяются, другие пылают! Войска бегут к ружью в огонь. Все это происходило в *середине*, а на левом нашем крыле давно уже свирепела гроза в непрерывных перекатах грома пушек и мелкого оружия. Мы простились с братом. Он побежал со стрелками защищать мост. Большую часть этого ужасного дня проводил я то на главной батарее, где находился Светлейший, то на дороге, где перевязывали раненых. Мой друг! Я видел это

неимоверно жестокое сражение и ничего подобного в жизнь мою не видал, ни о чем подобном не слышал и едва ли читывал.

Я был под Аустерлицом, но то сражение в сравнении с этим — сшибка! Те, которые были под Прейсиш-Эйлау, делают почти такое же сравнение. Надобно иметь кисть Микеланджело, изобразившую страшный суд, чтоб осмелиться представить это ужасное побоище. Подумай только, что до 400 тысяч лучших воинов, на самом тесном, по их многочисленности, пространстве, почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием: 2000 пушек гремели непрерывно. Тяжко вздыхали окрестности — и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся. Французы метались с диким остервенением; русские стояли с неподвижностью твердых стен. Одни стремились дорваться до вождя конца всем трудам и дальним походам, загрести соковища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице России; другие помнили, что заслоняют собой эту самую столицу — сердце России и мать городов. Оскорбленная

вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о мщении и мужестве.

Сердца русские внимали священному воплю сему, и мужество наших войск было неописанно. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Серые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло *полное солнце*. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее. Сколько потоков крови! Сколько тысяч тел! «Не заглядывайте в этот лесок, — сказал мне один из врачей, перевязывавший раны, — там целые костры отпиленных рук и ног!» В самом деле, в редком из сражений прошлого века бывало вместе столько убитых, раненых и в плен взятых, сколько под Бородином *оторванных ног и рук*. На месте, где перевязывали раны, лужи крови не пере-

сыхали. Нигде не видал я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и размозженные руки до плеч были обыкновенны. Те, которые несли раненых, облиты были с головы до ног кровью и мозгом своих товарищей...

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался *беглый огонь из пушек*. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули; а сколько здесь пролетало пуль!.. Но это сражение неописанно: я сделал только абрис его. По счастью, на то самое место, где случился я с братом, привели уже около вечера нашего брата Григория. Он был ранен пулей в голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязал ее. Вечер наступал, и неприятель начал уклоняться. Русские устояли! Мы благословляли небо и поспешили проводить раненого в Можайск.

30 августа

«Так восходило оно в день Аустерлицкого сражения!» — сказал Наполеон перед строем войск, указывая на восходящее солнце. Надменный вождь хотел заранее читать победу в

Небесах? Но предвещения его не сбылись. О, мой друг! Какое ужасное сражение было под Бородином! Сами французы говорят, что они сделали 60 000 выстрелов из пушек и потеряли 40 генералов! Наша потеря также очень велика. Князь Багратион тяжело ранен. «Оценка людей, — говорит Екатерина, — не может сравняться ни с какими денежными убытками!» Но в отечественной войне и люди — ничто! Кровь льется как вода: никто не щадит и не жалеет ее! Нет, друг мой! Ни берега Дуная и Рейна, ни поля Италии, ни пределы Германии давно, а может быть никогда еще, не видали столь жаркого, столь кровопролитного и столь ужасным громом пушек сопровождаемого сражения! Одни только русские могли устоять: они сражались под отечественным небом и стояли на родной земле.

Однако ж Наполеон не остановился в Бородине: он влечет пронзенные толпы свои прямо к Москве. Там Милорадович, командуя передовыми войсками, принимает все удары на свой щит. Здесь составляется совещание об участии Москвы.

Что будет? Богу знать!

Р. С. Я бы писал к тебе более и пространнее, но от нестерпимой головной боли едва могу мыслить. В течение всего этого времени, имев всегда постелью сырую землю, я сильно простудил голову. Лучшее описание Бородинского сражения получишь разве со временем. Прощай!

2 сентября

Мы привезли раненого брата в Москву. Вот уже другой день, как я в столице, которую так часто видал в блестящем ее великолепии, среди торжеств и пирований, и которую теперь едва-едва могу узнать в глубокой ее печали. О, друг мой! Что значит блеск городов, очарывающий наши чувства? Это самая тленная полуда на меди, позолота на пилюле! Отняли у Москвы многолюдство, движение народа, суету страстей, стук карет, богатство украшений — и Москва, осиротелая, пустая, ничем не отличается от простого уездного города! Все уехало или уезжает. Вчера брат мой, Сергей Николаевич, выпроводил жену и своих детей. Сегодня жег и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплетах, истребляя у себя все пред-

меты роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против заразы французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России. Я забыл сказать тебе, что государь, в последний свой приезд в Москву, пожаловал ему Владимирский крест при следующих словах: «За любовь вашу к отечеству, доказанную сочинениями и делами вашими». Мы было все пять братьев съехались в Москву, но пробыли вместе не более дня. Брат мой Иван уехал к князю Лобанову-Ростовскому, который взял его к себе в адъютанты... Уже враг в Москве! Уже французы в священных стенах Древнего Кремля!.. А мы, вслед за русскими войсками, пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя столица Севера, после двухсотлетней свободы, должна опять почувствовать тяготу оков иноплеменных!

4 сентября. Боровской перевоз

*Москва в слезах; Москва уныла,
Как темная в пустыне ночь!*

Так говорил я, вместе с одним из превос-

ходнейших наших поэтов, стоя на высоком *Мячковском кургане* у Боровского перевоза на Москве-реке. Я видел сторающую Москву. Она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная черно-багровая туча дыма висела над ней. Картина ужасная!.. Войска наши предпринимают какое-то очень искусное движение влево. *Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества.* Так скажет история, и так говорит главнокомандующий: таков есть голос всего войска, готового сражаться до последней капли крови! Ты знаешь, что в 1571 году, при царе Иване Васильевиче, вся Москва разорена и была предана пламени набежавшим с ордой крымских татар ханом Дивлет-Гиреем в день 24 мая. «Все улицы наполнены были кровью и трупами, и Москва-река „мертвых не пронесла!“» — так повествует летописец. В 1612 году она терпела почти такую же участь и славно избавлена Пожарским!

Один знаменитый писатель[12] говаривал часто, что *время настоящее беременно будущим.* А посему-то, видя в настоящем всеобщее вооружение, воскресший народный дух, твер-

дость войск и мудрость вождей, я предчувствую, что *будущее*, рожденное счастливыми обстоятельствами настоящего, должно быть некоторым образом повторением *прошедшего*; оно должно возратить нам свободу, за которую теперь, как и прежде, все ополчается. Друг мой! Будем молиться — и надеяться!

Сентября 10. Рязань

С какими трудами, неприятностями и препятствиями сопряжено всеобщее бегство!.. По Рязанской губернии в нескольких местах переправляются через одну только Оку, и ни в одном месте нет порядочной переправы! Ни к чему не годные паромы на ветхих канатах едва могут поднять десять лошадей и несколько человек, тогда как сотни проезжающих ожидают на берегу. Раненые офицеры больше всего при этом страждут. Целые семейства живут здесь на пустом берегу в ожидании очереди переправиться. Жена одного знакомого нам московского жителя, который простоял на переправе трое суток, разрешилась от бремени. Положение отца было самое печальное, ибо негде было взять никаких средств для вспоможения болящей и младен-

цу. Я еще в первый раз в здешних местах и в первый раз вижу, что Россия здесь так мало населена. Какие обширные поля и как мало жилищ! Кажется, что вся *населенность* в России сдвинулась к ее границам. Если б можно было сделать противное, чтоб народ стеснился ближе вокруг сердца своего Отечества, а *степи* отделили бы от чуждых стран, чтоб разврат и оружие иноплеменников не так легко проникали в него!

Что сказать тебе более о нашем странствовании? Мы проехали Коломну, очень порядочный город, пониже которого сливается Москва-река с Окою. Я едва успел взглянуть там на древние развалины очень красивых башен; вихрь всеобщего смятения умчал и нас с собою далее. Мне очень хотелось найти здесь подполковника артиллерии, двоюродного брата моего и друга Владимира Глинку, который, помнишь, был с нами вместе в Корпусе[13]; но он уже ушел с ротою куда-то за Оку. Мы проезжали Зарайск, прелестный городок на берегу светлой реки Осетра, впадающей в Оку. Там осмотрел я старинную крепость, называемую *Кремлем*.

Говорят, что предки наши были непросвещенны; однако ж они умели выбирать самые выгодные места для своих Кремлей. Зарайский Кремль служит доказательством. Стоя на возвышенном месте, он преграждает переправу на реке и может действовать орудиями далеко по дороге, извивающейся по чистым и гладким полям, по которой прихаживали туда татары. Почти вся Рязанская губерния полиста и безгорна: кое-где холмится. В каждой лощине хутор или деревенька. Ручей и рошица — суть сокровища в сей стороне. Земля отменно хлебородна. Женщины здешние ходят в *шушунах* а на голове носят *остроугольные кички*, которые придают им необыкновенный рост. Они говорят проезжим: «Добрый господин, *касатик*», одна другой говорят: «Подруга *ластушка*». Мужчины великорослы, свежи, белотелы; в обращении несколько суровы. Об Рязани, по причине краткого в ней пребывания, не скажу тебе ни слова. Я заметил только, что лучший и огромный из всех домов в ней есть дом *откупщика*. Как разживаются у нас откупщики и французы-учители!.. Мы полагали, что в таком городе, как Рязань, бу-

дет приют для раненых, но им велят убираться в Касимов; мы едем с братом туда. И здесь все волнуется. Бог знает от чего? Народ суевлив!

Сентября 11

Не припомнишь ли ты в прошлогоднем «Вестнике Европы» одной очень остроумной статьи? — Это было какое-то *сновиденье*, которое теперь можно назвать пророческим. Человек, писавший этот отрывок, *сквозь целый год будущего* видал сбывающееся ныне. Он видел, — говорит он, — во сне, что будто на Россию сделалось нашествие и Москва окружена татарами! Стон и вопли повсеместны. Но победоносный хан Узлу-к-узлу смягчается слезами нежного пола. Он позволяет каждой женщине вынести на себе то, что ей всего дороже. Зритель во сне с нетерпением ожидает, что или кого станут выносить?.. Наконец открылись заставы и повалили толпы женщин. У большей части из них ноши были легки: они несли шляпки, шали, ленты, кружева и прочие освященные модою безделки. Иные тащили кипы романов, другие уносили любимых постельных собачек, попугаев, кучи

сладких записочек и раззолоченных альбомов. Вдруг мелькает знакомое лицо — жена любопытного зрителя.

С помощью нескольких дюжин горничных девушек тащит она на себе преогромный короб. Вот тут-то, верно, спрятаны дети мои, думает чадолюбивый отец и бежит вслед за женою. Молодая супруга останавливается, бережно опускает короб, с нетерпением открывает его, и — оттуда выскакивает... *француз-учитель!* Бедный муж ахнул и проснулся. А теперь не проснешься, видя подобные случаи: ибо видишь их наяву!.. С каким старанием сии скачущие за Волгу увозят с собою французов и француженок! Берегут их, как родных детей! Какое французолобие! Несчастные! Выезжая из чумы, везут с собою вещи, напоенные ядом ее!.. Не совсем-то хорошо и то, что по той же самой дороге, где раненые солдаты падают от усталости, везут на телегах *предметы моды и роскоши*. Увозят вазы, зеркала, диваны, спасают Купидонов, Венер, а презирают стоны бедных и не смотрят на раны храбрых!!

Гремит гром, но не всякий еще крестится!..

21 сентября. Село Льгово — недалеко от Рязани

Мы уже были в Касимове, но не более двух дней. Три перевязки, сделанные искусным лекарем, встретившимся нам на дороге, облегчили рану брата. Он не захотел тесниться в городе, наполненном великим множеством раненых, и, почувствовав себя в состоянии лечиться при полку, решился ехать в армию. В Касимове любопытно видеть древнее кладбище татарских ханов и читать надписи на обломках великолепных надгробников; но я не успел ничего видеть. Я только видел большие барки, на которых благородные семейства со всем домом, с каретами, лошадьми и прочим, тянулись вниз по реке. Все уплывает, уходит или уезжает! Вот времена! Дай бог, чтобы они скорее кончились и никогда не возобновились!

Как странна упряжь *уезжающих!* Часто подле прекрасной английской верховой лошади видим мы запряженную водовозную клячу; видим людей богато одетых в крестьянских телегах! Теперь люди испытывают то, о чем прежде едва ли слышали. Очень ред-

ко видим едущих к Рязани; везде оглобли и дышла повозок и головы лошадей обращены в противоположную сторону.

Сейчас гулял я по берегу Оки и смотрел, как буря играла синими волнами ее и гнала их в далекое пространство открытых степей. В разных местах приметны на берегах Оки огромные горы сыпучего песку: кто насыпал их? веки или наводнения? Песчаные берега, осененные темно-зелеными елями, под туманным небом представляют унылые *Оссияновские картины*.

Здесь, в Ольгове, есть монастырь на пре-высокой скале над Окою. Отшельник, живущий в нем, может смотреть в одно окно на Европу, в другое — на реку и степи, идущие к пределам Азии. С одной стороны слышит он шум страстен и стон просвещенных народов, с другой — представляется ему молчаливая природа, в величественной важности своей. Полудикие племена, кочующие в дальних степях, не имеют великолепных городов и пышных палат, но зато незнакомы с заботами и горестями, гнездящимися в них!

26 сентября. Город Таруса

В Рязани простились мы с братом Сергеем: он поехал отыскивать жену свою и семейство, которое составляло все утешение, все счастье трудами и бурями исполненной жизни его. Кажется, Плутарх сказал, что *брат есть друг, данный нам природою*; мы испытали это, особенно в теперешнем странствии.

От Рязани проехали опять Зарайск, потом Каширу и Серпухов.

Какие прелестные места!.. Здесь берега Оки унизаны селениями, расположенными на прекрасных холмах, между зелеными рощицами. Почти на всякой версте видим красивые господские дома, каменные церкви, больницы и сады. Какое приятное соседство! Как счастливы должны быть здесь люди, если только они так хороши, как их природа! Женщины здешние имеют живой, алый румянец на белом лице, белокуры и вообще очень хороши собою. Здесь, верно, проводят приятные летние месяцы в хозяйственных занятиях, во взаимных друг другу посещениях, в прогулках по светло-голубой Оке и живописным берегам ее. Зимой здесь, верно, пользуются таким близким соседством: катаются на легких

санях или бегают на коньках по светлому льду из дому в дом. Занимаются приятными разговорами, музыкою, полезным чтением и, важность бесед услаждая невинными забавами, живут в дружбе, любви и простоте, вовсе не заботясь о шумных городах и большом свете. Так думаешь, но совсем не то находишь. К сожалению, с того времени, как французские моды вскружили головы французских питомцев, на Руси изредка стали заглядывать в поместья свои. Собрав сельские доходы, тотчас спешат приносить их на алтарь моде во храмах, воздвигнутых ею в Москве. Французские торговки и рассеянная жизнь все поглощают!.. *Питомцы французов*, не заботясь о наследии отцов, входят в долги, читают французские романы и не могут поверить, что в стране своей родной с счастьем можно в селах знаться!

Опустелые каменные дома и различные заведения свидетельствуют, что здесь некогда люди пользовались выгодами и приятностями сельской жизни. Может быть, теперь, вразумленные пожаром Москвы, сожженной их любимцами, дети возвратятся к благим

обычаям отцов своих.

Друг мой! Французы-учители не менее опасны и вредны *французов-завоевателей*: последние разрушают царства, первые — добрые нравы, которые, неоспоримо, суть первейшим основанием всех обществ и царств. Рассказывают, что одна несчастная, не *россиянка по воспитанию*, слюбившись с французом, воспитателем ее детей, выгнала из дому доброго, честного и генеральский чин уже имевшего мужа своего. Она могла это сделать, ибо, к несчастью, все имение принадлежит ей. Нежный отец украдкою только выдается с детьми своими. Когда велено было всех французов высылать за границу, то этот назвался прежде итальянцем, а потом жидом! Каковы французы! Нет брани, которой бы стоил этот превратный и развратный народ!

Теперь здесь *побережье* Оки совершенно пусто; все *господа* уехали в *степи от французов*, так как прежде, заражаясь иноземною дурью, ездили в Москву и в Париж к французам.

Признаюсь тебе, что сколько я ни люблю прежних французских, а особливо драматических, писателей, однако желал бы, чтоб язык

их менее употребителен был у нас. Он такой же вред делает нашему, как ничтожный червь прекрасному величественному дереву, которого корни подтачивает.

Крайне прискорбно видеть и в армии язык сей в излишнем употреблении. Часто думаешь, что идешь мимо французских биваков! Я видел многих нынешнего воспитания молодых людей, которые прекрасно говорят и пишут по-французски, не умея написать правильно нескольких строк на своем природном языке. Я заметил, что люди эти умны только *по-французски*. Послушай их, говорящих по-русски, — и вся ловкость, все обороты, вся замысловатость исчезают! Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у французов почти все умники суть *фразеры* (fraseurs), которые умны чужим умом. Память их испещряется *выражениями* разных писателей, и они беспрестанно повторяют то в разговорах, что затвердили в книгах. Множество *каламбуров*, *пословиц* и *памятных стихов* (des vers a retenir) придают разговорам их какую-то пестроту и приятность... *на первый только раз!* Однажды спросили у Дидерота, каких он

мыслей о том человеке, с которым недавно проговорил целый час? «Он умен», — отвечал. Дидерот. Но те, которые знали его коротко, начали смеяться и доказали, что он дурак. «Ну, так я не виноват, — возразил Дидерот, — что он на *один только час запасся умом!*» Стало, у французов можно *запасаться умом?* По-русски совсем иначе: надобно сочинять свой разговор, *изобретать выражения*, а для этого нужен *незаемный ум*. Суворов знал прекрасно французский язык, а говорил всегда по-русски. Он был русский полководец!

27 сентября

Я сделал бы великое преступление, если б в то время, как загружаю некоторые письма мои к тебе разными подробностями, не упомянул о *деяниях* одного из знаменитых соотечественников наших. Эти деяния, весьма полезные теперь, почтенные во всякое время и драгоценные для истории, пролагают сами себе верный путь чрез благородные сердца современников в память и сердца потомков. Я говорю о *подвигах доброго*, человеколюбивого генерала графа Воронцова. В самых молодых летах, получа одно из величайших наследств

в России, он не уснул на розах. Напротив, по стезе трудов и терний пошел за лавровыми венцами. Не стану распространяться о его храбрости — она известна. Но не могу не разделить с тобою удивления моего тому, что ни богатство, в котором так легко *черствеют сердца*, ни блеск воинской славы не могли отвлечь его внимания от страданий ближних.

Никто больше его не вникал в нужды бедных офицеров, в никто не был ближе к принесению им помощи. Он привлекал к себе любовь подчиненных и славился ею еще в то время, как водил отряд свой по вертепам Балканских гор. Отгремев на берегах Дуная, явился он в войсках Второй Западной армии. В день ужаснейший Бородинской битвы долго отстаивал с преданными ему гренадерами место свое на левом крыле. Наконец, покрытый *ранами* и славою, с потерею крови и памяти унесен с поля. Теперь, остановясь в одном из своих поместий, лежащем на одной из больших дорог, ведущих из Москвы в глубь России, он открыл весь дом свой к помещению, а сердце к просьбам несчастных. Все раненые офицеры, солдаты и бесприютные

странники русские заходят к нему, как в собственный дом. Весьма приличное содержание, пища и покров. Многих благотворительность его оделяет втайне и деньгами. Слухи о сем, доходя до сих мест, восхищают всех истинно русских. А я сердечно рад, когда могу *золотить письма* мои немерцающим блеском отечественных добродетелей. «Где девалты свое имение?» — спросил некогда царь Иван Васильевичу боярина Своего Шереметева. «*Через руки бедных* отправил к богу!» — отвечал он царю. Вот лучшее употребление богатств, употребление, достойное русских вельмож! В царствование Елисаветы, когда *проповеди* начинали уже становиться необходимыми к умягчению дебеливших в роскоши сердец, Гедеон в одной из проповедей, произнесенной им в день сошествия св. духа, жарко вступает за *бедных*. Он сильно и красноречиво доказывает, что *богачи* суть люди, которых бог удостоил быть блюстителями сокровищ земных, не для чего иного, как для вернейшего *подела оных* бедным собратиям своим. Ударит последний час, те и другие явятся с отчетом: первые в раздаче, последние в по-

лучении. Молитвы бедных отворят *врата райские* богачам.

Богачи нашего времени! Какой ответ дадите вы, если глас царя небесного или *голос Отчества* спросит у вас: «Где деваете вы свои имения?» Горе тем, которые, указав на *лиующееся море роскоши*, скажут: «Там утопают они!» Не думаете ли вы, питомцы неги, пресыщаться спокойно *отрадами жизни*, когда придут грозы и вы по-прежнему в домах расставите ломкие сокровища — зеркала и фарфоры свои? Нет! Тогда громкие Стоны бедных, которые роями притекут к пеплу пожарищ своих, заглушат все песни вашей радости!..

29 сентября

Наконец, среди опустошенных селений, по лесистой проселочной дороге, соединяющей большую Тульскую с Калужской, прибыли мы к Тарутину. Небольшие отряды, рассеянные для *фуражирования*, служили нам проводниками. Обширное зарево, пылавшее на горизонте, еще издалека указало место, где стояла армия на *биваках*. Выезжаем из леса — и видим пространное поле, ряды высоких укреплений.

лений; вправо крутые берега Нары, далее представляется множество огней, ярко светящихся в вечерних сумерках, и многочисленное воинство, стройно расположенное в соломенных шалашах по обеим сторонам большой дороги. Веселые клики, повсеместное пение и музыка, в разных местах игравшая, ясно доказывали, что дух войск не был еще удручен печалью. Здесь-то остановились наконец храбрые тысячи русских, безмолвно следовавшие за своими вождями, беспрестанно сражавшиеся и при всегдашней победе уступавшие села, города, целые области хищному неприятелю. Здесь остановились они для того, чтобы всем до одного умереть или нанести смертельный удар нашествию.

Около ста тысяч войск чудесно укрепленное местоположение и большое число пушек составляют в сем месте *последний оплот России*. Но войско наше кипит мужеством; на любовь к отечеству овладела сердцахми всего народа; но бог и Кутузов с нами — будем надеяться!

Сентября 30

На месте, где было село Тарутино Анны

Никитишны Нарышкиной, и в окрестностях
оного явился новый город, которого гражда-
не — солдаты, а дома — шалаши и землянки.
В этом городе есть улицы, площади и рынки.
На сих последних изобилие русских краев вы-
ставляет все дары свои. Здесь, сверх необхо-
димых жизненных припасов, можно поку-
пать арбузы, виноград и даже ананасы!.. то-
гда как французы едят одну пареную рожь и,
как говорят, даже конское мясо! На площадях
и рынках тарутинских солдаты продают от-
нятые у французов вещи: серебро, платье, ча-
сы, перстни и проч. Казаки водят лошадей.
Маркитанты торгуют винами, водкой. Здесь
между покупателями, между продающими и
меняющими, в шумной толпе отдохнувших
от трудов воинов, среди их песен и музыки,
забываешь на минуту и военное время, и об-
стоятельства, и то, что Россия уже за Нарою...

Отдых, некоторая свобода и небольшое до-
вольство — вот все, что тешит и счастливит
военных людей!

1 октября

Брат мой, у которого рана еще не зажила,
являсь на службу, был очень благосклонно

принят генерал-майором Талызиным и дивизионным начальником своим почтенным генерал-лейтенантом Капцевичем. Я приехал сюда также с тем, чтоб непременно определиться в полк. Но мне надо было найти генерала, который, зная прежнюю мою службу, принял бы *бедного поручика* хотя тем же чином, несмотря на то что *все свидетельства и все аттестаты* его остались в руках неприятеля и что на нем ничего более не было, кроме *синей куртки*, сделанной из бывшего синего фрака, у которого от кочевой жизни при полевых огнях полы обгорели. Я пошел к генералу от инфантерии Милорадовичу, живущему в авангарде впереди Тарутинской позиции. Он узнал меня, пригласил в службу; и я уже в службе — тем же чином, каким служил перед отставкой и каким отставлен, то есть поручиком, имею честь находиться в *авангарде*, о котором теперь гремит слава по всей армии.

4 октября. Село Тарутино

Сегодня генерал Милорадович взял меня с собой обедать к генералу Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву, который имел свои биваки за

правым крылом армии. Обед был самый великолепный и вкусный. Казалось, что какая-нибудь волшебница лила и сыпала из неистощимого рога изобилия лучшие вина, кушанья и самые редкие плоды. Хозяин был очень ласков со всеми и прекраснейший стол свой украшал еще более искусством угощать. Гвардейская музыка гремела. Итак, твой друг, в корень разоренный смоленский помещик, бедный поручик в синей куртке, с пустыми карманами, имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов...

К большому моему удовольствию я познакомился здесь с любезным молодым человеком графом Апраксиным, адъютантом генерала Уварова.

7 октября. Тарутино

Еще звенит в ушах от вчерашнего грома. После шести мирных лет я опять был в сражении, опять слышал шум ядер и свист пуль. Вчерашнее дело во всех отношениях удачно. Третьего дня к вечеру генерал Беннигсен заезжал к генералу Милорадовичу с планами. Они долго наедине советовались. Ночью значительная часть армии сделала, так сказать, вылазку

ку из крепкой Тарутинской позиции. Славный генерал Беннигсен имел главное начальство в этом деле. Генерал Милорадович командовал частью пехоты, почти всей кавалерией) и гвардией. Нападение на великий авангард французской армии, под начальством короля Неаполитанского, сделано удачно и неожиданно. Неприятель тотчас начал отступать и вскоре предался совершенному бегству. 20 пушек, немалое число пленных и великое множество разного обоза были трофеями и плодами этого весьма искусно обдуманного и счастливо исполненного предприятия. Движениями войск в сем сражении управлял известный полковник Толь, прославившийся личной храбростью и великими познаниями в военном деле. Предупреждаю тебя, что все мои описания с этой поры будут очень кратки: в авангарде нет ни места, ни времени к пространным письменным занятиям. Подожди! Когда-нибудь при удобнейшем случае я сообщу тебе подробнейшее *описание действий войск под начальством генерала Милорадовича*. Не знаю, почему большая часть знаменитых подвигов этого генерала не

означена в ведомостях; но он, как я заметил, нимало этим не огорчается. Это значит, что он не *герой «Ведомостей»*, а *герой Истории и потомства*.

Скажу тебе, что этот генерал, принявший, по просьбе Князя Светлейшего, начальство над арьергардом после страшного Бородинского сражения, дрался с превосходным в числе неприятелем с 29 августа по 23 сентября, т. е. 26 дней непрерывно. Некоторые из этих дней, как-то: 29 августа, 17 сентября и 20 и 22 того же месяца, ознаменованы большими сражениями, *по десяти и более часов продолжавшимися*. Известно ли все это у вас?

9 октября. Дача Кусковникова близ Тарутина

Как живуч может быть человек!.. Сегодня поехал генерал Милорадович, и мы все за ним, осматривать передовые посты, оставшиеся на том самом месте, где было сражение. В разных местах валялись разбросанные трупы, и между ними один, весь окровавленный, казалось, еще дышал. Все остановились над ним. Этот несчастный за три дня пред сим оставшийся здесь в числе мертвых, несмотря

на холодные ночи, сохранял еще в себе искру жизни. Сильный картечный удар раздробил ему половину головы: оба глаза были выбиты, одно ухо, вместе с кожей и частью черепа, сорвано; половина оставшейся головы облита кровью, которая густо на ней запеклась, и за всем тем он еще жил!.. Влили ему в рот несколько водки, игра нерв сделалась живее... «Кто ты?» — спрашивали у него на разных языках. Он только мычал. Но когда спросили наконец: «Не поляк ли ты?», он отвечал по-польски: «Да!» «Когда ранен?» — «В последнем деле, то есть третьего дня». — «Чувствуешь ли ты?» «Бывают минуты, когда чувствую — и мучусь!» — отвечал он с тяжким вздохом и просил убедительно, чтоб его закололи. Но генерал приказал дать ему опять водки и отвезти в ближайшую деревню. — Нет, друг мой! Славный Гуфланд еще не все изъяснил нам в красноречивейших умствованиях своих о жизни. Надобно было ему увидеть этого несчастного, чтоб понять, сколь долго сей *тончайший духовный спирт*[14] может держаться в полураздробленном скудельном сосуде своем.

Вчера приехал к нам из Пажеского корпуса сын Г. П. М...ча, о котором я тебе столько раз писал и которого благорасположение ко мне поставляю в великой цене. Сын его, племянник генерала нашего, — прекрасный, благовоспитанный молодой человек. Я душевно рад, что он остается у нас. Теперь он был вместе с нами и в первый раз отроду видел поле сражения, где хотя замолкли грома, но еще не обсохла кровь. Генерал приказывал ему смотреть на все внимательнее, чтобы привыкать к ужасам войны. В самом деле, посинелые трупы, кровью и мозгом обрызганные тела, оторванные руки и ноги, в разных местах разметанные, должны возмущать мирные чувства кроткого юноши, пока не привыкнет он к таковым плачевным, но необходимым позорищам[15]!

Мы теперь переместились со всем дежурством в один огромный каменный дом, который, по-видимому, был некогда убран богатую рукою. Теперь все изломано и разорено. На биваках у казаков сторают диваны, вольтеровы кресла, шифоньерки, бомбоньерки, кушетки, козетки и проч. Что сказала бы все-

властная мода и роскошные баловни ее, увидя это в другое время?

23 октября. Город Вязьма

Среди дымящихся развалин города, под громом непрерывно лопающихся бомб и гранат, повсюду злодеями разбросанных, в тесной комнате полусожженного дома, пишу к тебе, друг мой!.. Торжествуйте великое празднество освобождения Отечества!.. Враги бегут и гибнут; их трупами и трофеями устилают себе путь русские к бессмертию. До сих пор я не имел ни одной свободной минуты. В течение 12 суток мы или шли, или сражались. Ночи, проведенные без сна, а дни в сражениях, погрузили мой ум в какое-то затмение — и счастливейшие происшествия: освобождение Москвы, отражение неприятеля от Малого Ярославца, его бегство — мелькали в моих глазах, как светлые воздушные явления в темной ночи. *Печатные известия из армии*, рассылаемые по губерниям, конечно, уже известили тебя подробно обо всем. Итак, я скажу несколько слов только о том, что при свободном досуге надобно бы описать на нескольких страницах. Еще повторяю, что о де-

лах генерала Милорадовича (который почти всякий раз доносит главнокомандующему в двух или трех строках, не более того, что он отразил или побил неприятеля там и тогда-то) я постараюсь представить тебе подробнейшее описание, если останусь жив и записная книжка моя уцелеет.

Вскоре после Тарутинского дела, 6 октября, Князь Светлейший получил известие, что Наполеон, оставляя Москву, намерен прорваться в Малороссию. Генерал Дохтуров, с корпусом своим, отряжен был к Боровску. Вслед за ним и вся армия *фланговым маршем* передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила собой ворота Малороссии и была свидетельницей жаркого боя между нашим 6-м и 4-м французским корпусами при Малом Ярославне.

Генерал Милорадович, сделав в этот день с кавалерией 50 верст, не дал отрезать себя неприятелю и поспешил к самому тому времени, когда сражение пылало и присутствие его с войсками было необходимо. Фельдмаршал, удивленный такой быстротой, обнимал его и называл *крылатым*. В наших глазах сто-

рел и разрушился Малый Ярославец. На рассвете генерал Дохтуров, с храбрыми войсками своего корпуса, присоединился к армии, которая двинулась еще левее и стала твердой ногой на выгоднейших высотах.

Генерал Милорадович оставлен был с войсками своими на том самом месте, где ночь прекратила сражение. Весь следующий день проведен в небольшой только пушечной и ружейной перестрелке. В сей день жизнь генерала была в явной опасности, и провидение явно оказало ему покровительство свое. Отличаясь от всех шляпой с длинным султаном и сопровождаемый своими офицерами, заехал он очень далеко вперед и тотчас обратил на себя внимание неприятеля. Множество стрелков, засев в кустах, начали метить в него. Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: «В вас целят, ваше превосходительство!» — и пули засвистали у нас мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацепила. Генерал, хладнокровно простояв там еще несколько времени, спокойно поворотил лошадь и тихо поехал к своим колоннам, сопровождаемый пулями. После этого генерал Ер-

молов, прославившийся и сам необычайной храбростью, очень справедливо сказал в письме Милорадовичу: «Надобно иметь *запасную жизнь*, чтоб быть везде с вашим превосходительством!» Через два дня бегство неприятеля стало очевидно, и наш арьергард, сделавшись уже авангардом, устремился преследовать его. Темные, дремучие ночи, скользкие проселочные дороги, бессонье, голод и труды — вот что преодолели мы во время искуснейшего флангового марша, предпринятого генералом Милорадовичем от Егорьевска прямо к Вязьме. Главное достоинство этого марша было то, что он совершенно утаен от неприятеля, который тогда только узнал, что сильное войско у него во фланге, когда мы вступили с ним в бой, ибо до того времени один генерал Платов теснил его легучими своими отрядами. Вчера началось сражение, с первым лучом дня, в 12 верстах от Вязьмы. У нас было 30 000, а вице-король италиянский и маршалы Даву и Ней наставили против нас более 50 000. Неприятель занимал попеременно шесть выгоднейших позиций, но всякий раз с великим уроном сбива-

ем был с каждой победоносными нашими войсками. Превосходство в силах и отчаянное сопротивление неприятеля продлили сражение через целый день. Он хотел было непременно, дабы дать время уйти обозам, держаться еще целую ночь в Вязьме и весь город превратить в пепел. Так уверяли пленные; и слова их подтвердились тем, что все почти печи в домах наполнены были порохом и горючими веществами. Но генерал Милорадович, послав Паскевича и Чоглокова с пехотой, которые тотчас и ворвались с штыками в улицы, сам с бывшими при нем генералами, устроив всю кавалерию, повел в объятый пламенем и неприятелем наполненный еще город. Рота конной артиллерии, идя впереди, очищала улицы выстрелами; кругом горели и с сильным треском распадались дома; бомбы и гранаты, до которых достигало пламя, с громом разряжались; неприятель стрелял из развалин и садов; пули свистели по улицам. Но, видя необоримую решимость наших войск и свою гибель, оставил он город и бежал, бросая повсюду за собой зажигательные вещества. На дымящемся горизонте угасало солнце. По-

медли оно еще час — и поражение было бы совершеннее; но мрачная осенняя ночь приняла бегущие толпы неприятеля под свой покров. До пяти тысяч пленных, в числе которых известный генерал Пелетье, знамена и пушки были трофеями этого дня. Неприятель потерял, конечно, до 10 000. Путь на 12 верстах устлан его трупами. Генерал Милорадович остановился в том самом доме, где стоял Наполеон, и велел тушить горящий город. Сегодня назначен комендант, устроена военная полиция, ведено очищать улицы от мертвых тел, разослано по уезду объявление, сзывающее жителей к восстановлению по возможности домов и храмов божьих в отечественном их городе, исторгнутом ныне из кровавых рук нечестивых врагов.

Со временем благородное дворянство и граждане Вязьмы, конечно, почувствуют цену этого великого подвига и воздадут должную благодарность освободителю их города. Пусть поставят они на том самом поле, где было сражение, хотя не многоценный, но только могущий противиться временам *памятник*, и украсят его, по примеру древних,

простой, но всеобъясняющей надписью: «От признательности благородного дворян сословия и граждан Вязьмы начальствовавшему российским авангардом генералу от инфантерии Милорадовичу за то, что он, с 30 000 россиян, разбив 50-тысячное войско неприятельское, исторгнул из рук его горящий город их, потушил пожары и возвратил его обрадованному Отечеству и утешенным гражданам в достопамятный день, 23 октября 1812 года». В одержании победы участвовали: известный генерал граф Остерман; князь Сергей Николаевич Долгорукий, который, отличаясь прежде на дипломатическом поприще, горел желанием служить в Отечественной войне и променял перо на шпагу. Но, служа в поле, он не перестает украшать бесед своих той же неподражаемой остротой ума, которой блистал некогда при дворах государей. Русские ко всему способны!.. Генералы: Ермолов, Паскевич, Олсуфьев и Чоглоков храбростью и благоразумием своим содействовали к совершенному поражению врага. Полковник Потемкин, со свойственным ему мужеством, как начальник штаба по авангарду, наблюдал за движе-

ниями наших войск в опаснейших местах. Перновский и Белозерский полки и батареинная рота Гулевича отличились.

P.S. В это самое время, как я пишу к тебе, генерал Вильсон, бывший личным свидетелем вчерашнего сражения, описывает также это своим соотечественникам. Из Петербурга нарочный отправится с известием об этой победе в Лондон.

26, в два часа пополудни. Дорогобуж

Вот сейчас только кончился штурм крепостного замка в Дорогобуже. Мы вырвали его из рук французов, захватили город, который они уже начали жечь, и провожали их ядрами, покуда не скрылись из наших глаз; а теперь сильная буря, веющая к западу, и генерал Юрковский с легкой конницей гонят их далее. Стужа увеличилась, метель потемнила воздух. Мы забрались в дом к протопопу, в котором уцелели окна и немного тепло. Я нашел старую чернильницу, отмочил засохшие чернила и пишу к тебе как могу. Позамедлив несколько в Вязьме, я должен был скакать 30 верст, чтоб догнать наши войска, неослабно преследовавшие неприятеля. Я ехал вместе с

генералом Вильсоном, который не отстаёт от авангарда и по доброй воле бывает в огнях. В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. На той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мертвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в саже и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов. Голод, стужа и страх помрачили их рассудок и наложили немоту на уста: они ни на что не отвечают; смотрят мутными глазами на того, кто их спрашивает, и продолжают глотать конские кости. — Так караются враги, дерзающие наступать на святую Русь! Подобная казнь постигла татар, дерзко набежавших на Россию в дни малолетства паря Ивана Васильевича. «Великие снега и морозы познобили татар; а остальных „казаки добивали“», — так говорит *Царственная книга*. Во все эти дни неприятель беспрестанно забавлял нас *потешными огнями*: он подрывал много своих пороховых ящичков. Бог знает каких только неистовств не делает этот

неприятель! Он отражает нарочные толпы для сжигания деревень, прикалывает наших пленных и расстреливает крестьян. Зато и крестьяне не спускают им! Большими ватагами разъезжают они с оружием по лесам и дорогам, нападают на обозы и сражаются с толпами мародеров, которых они по-своему называют *миродерами*. По их толкам, это люди, обдирающие мир!

Генерал Вильсон говорит, что *война эта подвинула Россию на целое столетие вперед на пути опытов и славы народной*. Мой друг! Молнии и зарницы электрической своей силой способствуют зрелости жатв; молнии войны пробуждают дух народов и также ускоряют зрелость их. Таков порядок вещей под солнцем!..

Я не сказал тебе еще о сегодняшних трофеях наших. Они состоят в 600 пленных и двух пушках. Все это досталось нам после довольно жаркого боя. Укрепленные высоты Дорогобужа должны мы были взять открытым штурмом, а из города выйти неприятеля заставил генерал Милорадович искусным направлением дивизии принца Виртембергско-

го в обход слева. Пожар начал было распространяться и здесь, но густым снегом и усердием наших солдат был потушен. Тут также оставляется комендант, которому поручено сзывать жителей на прежние их жилища. Надо видеть наших солдат, без ропота сносящих голод и стужу, с пылким рвением идущих на бой и мгновенно взлетающих на высоты окопов, чтоб иметь понятие о том, как принято освободить города своего Отечества! 4-го Егерьского полка майор Русинов, получа рану в руку при начале штурма, велел поддерживать себя солдатам и продолжал лезть навал; через несколько минут ему прострелили ногу, и солдаты вынуждены были снести его в ров. Но этот храбрый офицер до тех пор не приказывал уносить себя далее и не переставал ободрять солдат, пока не увидел их уже на высоте победителями. Это тот самый, который вышел одним выпуском прежде нас из корпуса.

Представь себе, друг мой, что я теперь только в 60 верстах от моей родины и не могу заглянуть в нее!.. Правда, там нечего и смотреть: все разорено и опустело! Я нашел бы

только пепел и развалины; но как сладко еще раз в жизни помолиться на гробах отцов своих! Теперь сходен я с кометой, которая не успеет приблизиться к солнцу, как вдруг косвенным путем удаляется опять от него на неизмеримые пространства. Завтра мы едем отсюда, но не в Смоленск, а боковыми, неизвестными путями и дорогами, через леса и болота... После узнаешь ты об этом искусном и, конечно, гибельном для французов движении наших войск.

7 ноября. На поле близ Красного

Видишь ли, какой мы сделали шаг! От Дорогобужа прямо к Красному. Смоленск и Днепр остались у нас справа. Тихо подкрались мы к большой дороге, из Смоленска в Красное. Неприятель полагал нас за тридевять земель; а мы, как будто из-под земли, очутились вдруг перед ним! Это впрямь по-суворовски! Теперь называют это фланговым, или боковым, маршем, 3-го числа ноября показали мы из лесов против деревни Ржавки. Неприятель шел по большой дороге спокойно и весело: наступившая оттепель отогрела жизненные силы этих питомцев благо-

детельного климата их отечества. Великие обозы с северными гостинцами тянулись между колонн. Генерал Милорадович приказал тотчас нападать. Неприятель остановился, сыпнул в овраги и паростники множество стрелков, выставил, между берез, по высотам дороги, легкие орудия; а тяжелой артиллерии и обозам, в сопровождении своей конницы, велел спасаться вперед. Наши наступили с обыкновенным мужеством — и дело загорелось! Но, несмотря на великое превосходство в силах неприятеля перед нами, он был мгновенно сбит с большой дороги, поражаем в полях и одолжен спасением одной только темноте ночной и ближним лесам, в которых скрылся. Знамена, пушки, пленные и множество обоза наградили победителей, на первый раз, за трудный фланговый марш. Впереди нас видна была деревня; генерал Милорадович хотел в ней провести ночь, ему говорят, что там еще французы. Он посылает казаков истребить их — и мы там ночевали. После этого 4, 5 и 6-го числа, три дня сряду, проводили в непрерывных сражениях. Всякий вечер отбивали у французов ночлег в нескольких

верстах от большой дороги. С каждой утренней зарей, коль скоро с передовых постов приходило известие, что колонны показались па большой дороге, мы садились на лошадей и выезжали на бой. Наполеону очень не нравилось, что генерал Милорадович стоит под дорогой и разбивает в пух корпуса его; но делать нечего!.. Последняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнее всех прочих. Вчера. — О! Восхищайся, друг мой, столь знаменитой победой: вчера генерал Милорадович разбил совершенно тридцатитысячный корпус под предводительством искуснейшего из маршалов Наполеона — Нея, недавно прозванного им князем Москворецким. Неприятельский урон чрезвычайно велик. Все четыре начальствовавших генерала убиты. Места сражений покрыты горами неприятельских тел. В эти четыре для нас победоносные дня потеря неприятеля, наверно, полагается убитыми до 20 000, в плен взято войсками генерала Милорадовича: генералов 2, штаб- и обер-офицеров 285, рядовых, сколько ты думаешь? — 22 000; пушек — 60!.. Поля города Красного в самом деле покраснели от крови.

В одержании этих четверодневных побед много участвовали генералы Раевский и Паскевич. Храбрые их войска многие неприятельские толпы подняли на штыки. Отважными нападениями конницы предводительствовал генерал Уваров. Артиллерия оказала громадные услуги. Полковник Мерлин командовал ею в авангарде. Его рота и рота отважного капитана Башмакова покрыли себя славой. Действия пушек искусного и храброго Нилуса под Смоленском и Гулевича под Вязмой останутся навсегда памятны французам. Остальные 600 из разбитого Неева корпуса, укрепившиеся с пушками в лесах, прислали уже поздно к вечеру переговорщика сказать, что они сдадутся одному, только генералу Милорадовичу, а иначе готовы биться до последнего. Французы называют Милорадовича русским Баярдом; пленные везде кричат ему: «Да здравствует храбрый генерал Милорадович!» Его и самые неприятели любят, вероятно, за то, что он, сострадая об них по человечеству, дает последний свой запас и деньги пленным. После всего этого ты видишь, что трофеев у нас много; лавров девать некуда; а хле-

ба — ни куска... Ты не поверишь, как мы голодны! По причине крайне дурных дорог и скорого хода войск наши обозы с сухарями отстали; все окрестности сожжены неприятелем, и достать нигде ничего нельзя. У нас теперь дивятся, как можно есть! и не верят тому, кто скажет, что он ел. Разбитые французские обозы доставили казакам возможность завести такого рода продажу, о которой ты, верно, не слыхивал. Здесь, во рву, подле большой дороги, среди разбитых фур, изломанных карет и мертвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно купить серебряные деньги мешками!! За сто рублен бумажками покупают обыкновенно мешок серебра, в котором бывает по сто и более пятифранковых монет. Отчего ж, спросишь ты, сбывают здесь так дешево серебро? — Оттого, что негде и тяжело возить его. Однако ж куплею этой пользуются очень немногие: маркитанты и прочие нестроевые. Но там, где меряют мешками деньги, — нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственной драгоценностью! Все почти избы в деревнях сожжены, и мы живем под углами в шалашах. Как жалко смотреть

на пленных женщин! Их у нас много. Наполеон вел в Россию целый вооруженный народ! Третьего дня видели мы прекрасную женщину, распростертую подле молодого мужчины. Однако ядро лишило их жизни, может быть, в минуту последнего прощания. Тогда же, в пылу самого жаркого боя, под сильным картечным огнем, двое маленьких детей, брат и сестра, как Павел и Виргиния[16], взявшись за руки, бежали по мертвым телам, сами не зная куда. Генерал Милорадович приказал их тотчас взять и отвести на свою квартиру. С того времени их возят в его коляске. Пьер в Лизавета, один 7, а другой 5 лет, очень милые и, по-видимому, благовоспитанные дети. Всякий вечер они, сами собой, молятся богу, поминают своих родителей и потом подходят к генералу целовать его руку.

Теперь эти бедняжки все вовсе сироты. Вчера между несколькими тысячами пленных увидели они как-то одного и вдруг вместе закричали: «Вот наш батюшка!» В самом деле это был отец их, полковой слесарь. Генерал тотчас взял его к себе, и он плачет от радости, глядя на детей. Мать их — немка —

убита. Рассказать ли тебе об ужасном состоянии людей, которые давно ль были нам так страшны?.. Но меня зовут к генералу. Прости до первой свободной минуты!..

Оттуда же и того же дня

Мой друг! В самых диких лесах Америки, в области каннибалов, едва ли можно видеть такие ужасы, какие представляются здесь ежедневно глазам нашим. До какой степени достигает остервенение человека! Нет! Голод, как бы он ни был велик, не может оправдать такого зверства. Один из наших проповедников недавно назвал французов *обесчеловечившимся* народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе. Они нимало не содрогаясь и с великим хладнокровием рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса! Зато как они гибнут: как мухи в самую позднюю осень!.. У мертвых лица ужасно обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них. Видно, что сии люди по-

гибали в минуты исступления, со скрежетом зубов и пеною на устах. На сих лицах не успело водвориться и спокойствие смерти[17]. Те, которые не совсем еще обезумели, беспрестанно просят есть; а накорми их досыта теплым кушаньем — умирают! Но большая часть из них совсем обезумели; бродят, как слепые. Вчера я видел одного, который, в самом пылу сраженья, с величайшим хладнокровием мотал клубок нитки и сам с собой разговаривал, воображая, что он сидит дома у своей матери. Но вчерашняя ночь была для меня самая ужасная! Желая немного обсушиться, мы opravили кое-как одну избу, законопатили стены, пробитые ядрами, и истопили печь. Сотни стнящих привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас. Но едва почуяли они теплый дух, как с страшным воплем и ревом присыпали к дверям. Один по одному втеснилось их несколько десятков. Одни валялись под лавками и на полу, другие на верхних полатях, под печью и на печи. Мы принуждены были помостить себе несколько досок с лавки на лавку. Отягченные усталостью, уснули на них. Перед светом страшный

вой и стоны разбудили меня. Под нами и над нами множество голосов, на всех почти европейских языках, вопили, жаловались или изрыгали проклятие на Наполеона! Тут были раненые, полузамерзшие и сумасшедшие. Иной кричал: «Помогите! Помогите! Кровь льется из всех моих ран! Меня стеснили!.. У меня оторвали руку!» «Постойте! Удержитесь! Я еще не умер, а вы меня едите!» — кричал другой. В самом деле, они с голоду кусали друг друга. Третий дрожащим голосом жаловался, что он весь хладеет, мерзнет; что уже не чувствует ни рук, ни ног! И вдруг среди стопа, вздохов, визга и скрежета зубов раздавался ужасный хохот... Какой-нибудь безумный, воображая, что он выздоровел, смеялся, сзывая товарищей: бить русских! А вслед за этим слышен был в другом углу самый горестный, сердце раздирающий плач. Я слышал, как один молодой поляк, увидев, конечно, во сне, родину свою, говорил громко, всхлипывая: «Я опять здесь, о мать моя!.. Но посмотри, посмотри, как я весь изранен! Ах! Для чего ты родила на свет несчастного?»

Когда рассвело, мы нашли несколько умер-

ших над нами и под нами и решились лучше быть на стуже в шалаше. Между сими злополучными жертвами честолюбия случился один заслуженный французский капитан, кавалер Почетного легиона. Он лежал без ноги под лавкой. Невозможно описать, как благодарил он за то, что ему перевязали рану и дали несколько ложек супу. Генерал Милорадович, не могший равнодушно сидеть сиих беспримерных страдальцев, велел все, что можно было, сделать в их пользу. В Красном оправили дом для лазарета; все полковые лекари явились их перевязывать; больных обделили последними сухарями и водкою, а те, которые были поздоровее, выпросили себе несколько лошадей и тотчас их съели! [18] Кстати, не надобно ль в вашу губернию учителей? Намедни один француз, у которого на коленях лежало конское мясо, взламывая череп недавно убитого своего товарища, говорил мне: «Возьми меня: я могу быть полезен России — могу воспитывать детей!» Кто знает, может быть, эти *выморозки* поправятся, и наши расхватают их по рукам — в учителя, не дав им даже и *очеловечиться*...

10 ноября. Местечко Баево

Вчера перенесли мы знамена свои за древние рубежи нашего Отечества. Перейдя речку Мерейку, мы вступили уже в Могилевскую губернию. Теперь главная квартира авангарда в местечке Баево, что на одной высоте с м. Лядами, на большой дороге. И так ныне уже ясно и никакому сомнению не подвержено, что одно постоянное продолжение сей войны увенчивает ее столь блистательными успехами. Если б заключили мир при Тарутине, как бы ни был он выгоден, Россия не имела б ни лавров, ни трофеев, ни драгоценнейшего для всякого уверения, что Наполеон уже никогда не возвратится разорять пределы ее. Теперь можем мы вздохнуть спокойно!.. Меч, висевший над головами нашими, исчез. Тучи, ходившие по русскому небу, быстро несутся назад. Мы видим над собой ясную лазурь безмятежного свода, отколе всевышний благословляет оружие правых на славном поприще его побед.

Известно, однако ж, что Наполеон, прежде нежели: решился оставить Москву, истощал все усилия для заключения мира. Мудрый Ку-

тузов заводил в сети ослепленного страстями и гордостью этого нового Навуходоносора. Он старался выиграть время, доколе подоспеет к нам вернейшая союзница — зима!

Но твердость государя в этих смутных обстоятельствах достойна хвалы и удивления современников и потомства. Исполненный духом предвидения, он пребывал непоколебим, как гранитный утес среди мятежных морей!

«Я прежде соглашусь перенести столицу мою на берега Иртыша и ходить в смуром кафтане, чем заключу теперь мир с разорителем Отечества!»

Так отвечал монарх на предложение о мире. Слух об сем дошел к нам в армию. Такие изречения *государей подслушивает История* и с благоговением передает отдаленнейшим родам.

Мой друг! *Настоящее* повторяется в будущем так, как *прошедшее* — в настоящем! Пройдут времена; лета обратятся в столетия, и настанет опять для некоего из царств земных *период решительный*, подобный тому, который ныне покрыл Россию пеплом, кровью

и славою...

14 ноября. Город Борисов

Ушла лисица, только хвост в западне остался!..[19] Никакой человеческий ум не может сделать соображений лучше тех, какие сделаны были князем Кутузовым, и принять лучших мер, какие принял он для поимки Наполеона у реки Березины в городе Борисове. Одна непостижимая судьба могла спасти его, может быть для того, чтобы карать им еще человечество! Адмирал Чичагов с армией своей слева вниз, а граф Витгенштейн справа вверх по течению реки, сближались один против другого, дабы сомкнуть войска свои, как две стены, в том месте, где мог переправиться неприятель, за которым шла армия Кутузова и которого неослабно преследовали граф Платов с казаками, генерал Милорадович с авангардом, генералы Ермолов и Бороздин с летучими отрядами.

Все эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусов. Мы шли проселочными дорогами. Артиллерия наша прорезывала пути по глубоким снегам; пехота и конница пробирались дремучи-

ми лесами, и при всем этом несколько переходов сделано по 40 верст в день. Не забудь, что в зимний день!

Дух великого Суворова, конечно, веселился, взирая с высот на столь быстрое шествие победоносных россиян. Сбылся стих великого поэта:

*Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлины!*

Жаль, однако ж, что все наши труды были напрасны!.. Наполеон уже за Березиной!.. Граф Витгенштейн тем же самым громом, который бросал на Клястицких полях[20], отбил у переправлявшегося неприятеля один из задних его корпусов, и 12 тысяч, увидев себя окруженными, положили оружие. Мы остановились в разоренном и еще дымящемся от пожара Борисове. Несчастные наполеонцы ползают по тлеющим развалинам и не чувствуют, что тело их горит!.. Те, которые поздоровее, втесняются в избы, живут под лавками, под печью и заползают в камин. Они страшно воют, когда начнут их выгонять. Недавно вошли мы в одну избу и просили ста-

рую хозяйку протопить печь. «Нельзя топить, — отвечала она, — там сидят французы!» Мы закричали им по-французски, чтоб они выходили скорее *есть хлеба*. Это подействовало. Тотчас трое, черные как арапы, выпрыгнули из печи и явились перед нами.

Каждый предлагал свои услуги. Один просился в повара; другой — в лекаря; *третий* — в учителя! Мы дали им по куску хлеба, и они поползли под печь.

В самом деле, если вам уж очень надобны французы, то вместо того чтоб выписывать их за дорогие деньги, присылайте сюда побольше подвод и забирайте даром. Их можно ловить легче раков. Покажи кусок хлеба — и целую колонну сманишь! Сколько годных в повара, в музыканты, в лекаря, особливо для госпож, которые наизусть перескажут им всего Монто; в друзья дома и — в учителя! И за недостатком русских мужчин, сражающихся за отечество, они могут блистать и на балах ваших богатых помещиков, которые знают о разорении России только по слуху! И как ругаться, что эти же запечные французы, доползя до России, приходясь и приосанясь, не

вскружат голов прекрасным россиянкам, воспитанницам француженок!.. Некогда случилось в древней Скифии, что рабы отбили у господ своих, бывших на войне, жен и невест их. Чтоб не сыграли такой штуки и прелестные людоеды с героями русскими!..

16 декабря. Вильна

В начале октября был я несколько сот верст за Москвою, в Рязани, в Касимове, на берегах Оки. В ноябре дрались мы уже на границах Белоруссии, а 16 декабря пишу к тебе из Вильны. Так мыкается друг твой по свету! Такими исполинскими шагами шло войско наше к победам и славе!.. Но сколько неслыханных, невообразимых трудов перенесло войско! Сколько вытерпел друг твой! Однако ж я здоров! Через шесть дней буду в Гродне. Армия остается еще здесь, чтоб взять хоть малейший роздых. Авангард идет в Гродню, которая, со всеми магазинами своими, сдалась партизану Денису Давыдову. Наполеон бежит к Неману.

На сих днях изволил прибыть сюда государь император. Победоносное воинство и отягченный лаврами князь Смоленский

встретили его. Вскоре прибыл и цесаревич. Радость сделалась общей. Все окрестное дворянство стеклось в город — и город заблестал разноцветными огнями освещений. Различные прозрачные картины представляли Россию торжествующей, Александра — милующим преступных, Наполеона — бегущим. Известно стало, что эти картины рисовал тот самый живописец, который за несколько перед этим месяцев изображал те же лица, только в обратном смысле, для освещения и в честь Наполеону. Так же профессор, который протрубил теперь негромкую оду в честь русским, славил прежде французов. Таковы люди!

Трудно достигнуть человеку до степени славы, какою озарен Князь Светлейший! Но еще труднее быть, как он, столько ж славну, как и любиму. Он позволил офицерам тепло одеваться в морозы и веселиться, где можно, — и очаровал души! Недавно докладывали ему: не прикажет ли запретить офицерам забираться в трактир, находившийся против самых его окон, где они привыкли играть, шутить и веселиться? «Оставьте их в покое, —

отвечал Князь, — пусть забавляются, мне приятно слышать, как они веселятся! Люди, освободившие Отечество, заслуживают уважение. Я не люблю, чтоб главная квартира моя походила на монастырь. Веселость в войске доказывает готовность его идти вперед!»

О! Он знает сердце человеческое! Он знает, что одной ложкой меда больше можно смазать мух, нежели целой бочкой уксуса.

18 декабря

Я два раза навещал одного из любезнейших поэтов наших, почтенного В. А. Жуковского. Он здесь, в Вильне, был болен жестокой горячкой; теперь немного обмогается. *Отечественная война* переродила людей. Благородный порыв сердца, любящего Отечество, вместе с другими увлек и его из круга тихомирных занятий, от прелестных бесед с музами в шумные поля брани. Как грустно видеть страдание того, кто был *таким прелестным певцом во стане русских* и кто дарил нас такими прекрасными балладами! Мой друг! Эта война ознаменована какой-то священной важностью, всеобщим стремлением к одной цели. Поселяне превращали серп и косу в оружие

оборонительное; отцы вырывались из объятий семейств, писатели — из объятий *независимости и муз*, чтоб стать грудью за родной предел. Последние, подобно трубадурам рыцарских времен или бардам Оссияна, пели и под шумом военных бурь.

21 декабря. На пути в Гродно

Не правда ли, что очень приятно найти прекрасный куст розы в дикой степи? Точно так же радует нас хороший дом в разоренной стороне. Мы испытали приятность такой находки, проезжая из Вильны в Гродню. Гродня есть прекрасный сельский дом сестры покойного короля, графини Тишкевичевой. Везде и во всем виден изящный вкус: в выборе места для дома, в расположении комнат и в уборке их; но более всего понравились нам картины.

Захочешь насладиться приятным утром — взглянешь на стену — и видишь в картине все прелести его. Как синь и прозрачен этот воздух! Как легки эти дымчатые облака! Как хороши первые лучи солнца! Кажется, видишь, как эти лучи яснеют, как воздух становится светлее; туман редет, цветки просыпаются, птички стрясают с крылышек жемчуж-

ную росу, и все в улыбке! В дополнение видишь невинность. В виде прелестной пастушки, с свежим, утренним румянцем на щеках и с пестрым стадом. Тут же вечер: как хорош! Не волшебник ли какой-нибудь собрал сизые тени вечерних сумерок и бросил их на холст? Они так живо изображены! Вот подлинник лучшего из польских живописцев. Вижу сражение, конный бой или, лучше сказать, жаркую схватку, в которой отличается один человек на дикой лошади, которая скачет через груды тел, бесится и, кажется, стремится опрокинуть и стоптать все, что ни встречает. Кто же этот человек, у которого епанча свалилась с плеч; который в бешенстве ратном растерзал на себе одежду и обнажил до половины тело свое? С длинным ножом в руке, которым бьет лошадь и неприятелей, скачет он, как безумный, сквозь пули и картечи, пена клубится у рта. Ясно видно, что судьба его зависит от выигрыша сражения. Он стремится во что бы то ни стало одержать победу. Герой покоен в бою: победа сама находит и венчает его лаврами; а это, верно, не герой, ибо силится сорвать венец награды; верно, не полково-

дец, ибо, забывая себя, хочет победить одной неистовой храбростью. Кто ж это такой? Кар-туш! Кисть живописца прекрасна и смела; но краски, кажется, слишком блестящи, и вообще видна какая-то щеголеватость в картине. Нет простоты, свойственной великим художникам.

На стенах других комнат видны римские развалины, прекрасные виды, *водопады*, которые, кажется, брызжут на того, кто на них смотрит. В этом прелестном доме вижу я живописную Италию — и теряюсь в сладких мечтах о ней. Я вижу страшную Этну, в черной ночи, в красных заревах, с желтыми оттенками; вижу, как блещут изломчатые молнии, как кипит свирепая лава; как огненное жерло *стреляет вверх буграми*, как трескают на воздухе громады и сыплется камедный дождь! Вижу — и пугаюсь: так это все живо!..

Как прелестны искусства! Они обвораживают смертных; они очаровали и нас, странников!

26 декабря. Гродно

На этих днях графиня Орлова-Чесменская прислала генералу Милорадовичу меч и саб-

лю, подаренную великой Екатериной покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление флота при Чесме. В то время когда неприятель опустошал окрестности Москвы, генерал Милорадович, узнав, что вблизи находится имение графини Орловой, заслонил его своими войсками и, отразив врага, не допустил расхитить сел ее и поправить гроб знаменитого Орлова. Он сделал это, следуя первому порыву чувства уважения к заслугам Чесменского, убежден будучи, что *могила храброго отечеству священна!* Но дочь, благоговеющая к праху родителя, приняла в полной цене этот подвиг и, при лестном письме, прислала драгоценный меч герою, которому за несколько перед этим лет благодарный народ Валахский[21] поднес меч «за спасение Букареста». Действительный статский советник Фукс, с свойственным ему красноречием, описал случай этот в нескольких строках, которые тебе и посылаю.

«Двора их императорских величеств фрейлина, графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, прислала к генералу от инфантерии Михаилу Андреевичу Милорадовичу саб-

лю, всемилостивейше пожалованную в бозе почивающею императрицею Екатериною Алексаидровною покойному родителю ее, графу Алексею Григорьевичу, за истребление при Чесме турецкого флота, при письме, лестных для него выражений исполненном, за спасение им в нынешнюю войну деревень ее, а особливо той, где погребен родитель ее. Меч сей дарован великою Екатериною герою Чесменскому за истребление оттоманского страшного морского ополчения на водах Азии, в виду берегов древние Эллады и Ионии. Там в первый раз возвевял флаг Российский: гром с севера ударил, флот исчез, и луна померкла. Сей меч, украшенный драгоценнейшими камнями, щедротами бессмертные монархини, есть бесценное знамение величия тогдашней славы России и неистлеваемый памятник в роде родов Орловых. Но дочь, благоговеющая к памяти родителя своего, к священному для нее праху его, подносит блистательный залог сей знаменитому воину, не допустившему нечестивого врага коснуться сей гробницы. Милорадович приемлет оный с глубочайшею, живейшею признатель-

ностью; но обещает ей извлечь оный токмо за пределами Отечества на поражение возмутителей спокойствия народов, буде провидению паки угодно будет избирать его орудием, и не прежде возложить на себя, доколе не соделается достойным подарка, полученного из рук россиянки, пламенеющей любовью к Отечеству и отцу».

28 декабря

«Выступил, ушел, вырвался, убежал!» из отечества нашего новый Катилина. Наполеон за Неманом! Уже нет ни одного врага на земле русской! Александр Первый готов положить меч свой; но Европа, упавая перед ним на колени и с воздетыми к небу руками, молит его быть ее спасителем и, подобно древнему Александру, рассечь мечом *новый Гордианский узел* тяжелых вериг ее плена. Некогда монарх сказал Кутузову: «Иди спасать Россию». Теперь, кажется, слышен в небесах голос самого бога, вещающий Александру Первому: «Гряди освободить Европу!» Итак, зачем приходил Наполеон в Россию? Вот вопрос, для разрешения которого будут писать целые книги. «Удача в мире сем священнее

всех прав!» — думал вождь галлов. — Так думал и вождь татар! Батый и Наполеон по кровавому морю хотели приплыть к храму славы. Но кровь пролита; а храм славы заперт для них. *Их мавзолей — проклятие народов!*

Сам Цицерон, если б он воскрес теперь, не мог бы, кажется, лучше изобразить насильственного вторжения врагов в землю русскую, твердости государя, народа и ужасного гнева раздраженного бога, постигшего эти разноплеменные орды среди торжеств и злодеяний их, как все это изображено в манифесте, обнародованном в Вильне. Он начинался такими словами: «Бог и весь свет тому свидетель и проч., и проч., и проч.».

P.S. Новый порядок устанавливается в дежурстве нашем: всякий будет иметь свою определенную часть.

Храбрый полковник Потемкин, исправлявший должность начальника штаба, произведен в генералы и назначен командиром лейб-гвардии Семеновского полка; а начальником штаба по авангарду определен, по высочайшей воле, флигель-адъютант его величества полковник Сипягин, который еще в капитан-

ском чине отличил себя во всех четырех сражениях при Красном.

1 января. 1813 г. Город Гродно

Наконец минул сей 1812 год. Каким шумом, блеском и волнением ознаменовалось шествие его в мире! Ежели говорить языком стихотворцев, придавая всему лицо и существенность, то я воображаю, что сей год, обремененный славой и преступлениями, важно вступает в ворота вечности и гордо вопрошает неисчислимые сонмы протекших годов: кто более его обогрел кровью и покрыт лаврами; кто был свидетелем больших превратностей в судьбах народов, царств и вселенной? Встают века Древнего Рима, пробуждаются времена великих браней, славных полководцев, века всеобщего переселения народов... Напрасно! Древняя история, кажется, не найдет в себе года, который во всех многообразных отношениях мог бы сравняться с протекшим. Начало его наполнено мрачными предвестиями, томительным ожиданием. Гневные тучи сгущались на Западе. Вслед за пламенной кометой многие дивные знамения на небе явились. Люди ожидали будущего, как

страшного суда. Глубокая, однако ж, тишина и тайна господствовали на земле. Но эта обманчивая тишина была предвестницей страшной бури. Взволновались народы, и все силы, все оружие Европы обратилось на Россию. Бог предал ее на раны, но защитил от гибели. Россия отступила до Оки и с упругостью, свойственной силе и огромности, раздвинулась опять до Немана. Области ее сделались пространым гробом неисчислимым врагам. Русский, спаситель земли своей, пожал лавры на снегах ее и развернул знамена свои на чужих пределах. Изумленная Европа, слезами и трауром покрытая, взирая на небо, невольно восклицает: «Велик бог земли русской, государь и народ ее!» «Велик Кутузов, полководец мудрый», — говорит история и вместе с именем его пишет на золотых скрижалях своих 1812 год.

2 января. Гродно

Вчера ввечеру было здесь, так называемое, Казино, собрание по билетам. Дом собрания был освещен. Прекрасные *патриотки*, *мнимые* любительницы отечества, сначала очень неласково смотрели на пригожих победите-

лей своих — русских офицеров. Они хотели казаться страстными любительницами свободы, огорченными, томными вздыхательницами о потере ее; хотели плакать... но заиграли мазурку — и все пустились кружиться. Кажется, польским женщинам менее всего должно бояться покорения: их ловкость, ум и прекрасные глаза издавна доставляли им победы над сердцами мужчин. Жаль, однако, очень жаль, что и польки поработились *парижским дурачеством!*

Января 4. Местечко Гонендз

Гонендз, пограничное местечко в области Белостокской над рекою Боброю, имеет около 200 домов. Оно окружено обширными болотами и необозримыми понизовыми местами. Теперь, зимою, здесь вид прекрасный; а летом все должно плавать в воде, кроме местечка, стоящего на огромном каменисто-песчаном возвышении. Большую часть жителей составляют евреи. Здесь-то назначено *сборное место* всему авангарду генерала Милорадовича. Он состоит из 6-го и 7-го пехотных, двух кавалерийских корпусов и летучего графа Палена отряда. Отряд генерал-майора Васильчи-

кова также к нему принадлежит.

6 января. Гонендз

Завтрашний день переходим мы за границу; завтра ступим на землю, никогда еще России не принадлежавшую. Вся армия выступает в герцогство Варшавское тремя большими колоннами. Сим колоннам дано столь искусное, верное и для нас выгодное направление, что движением их по разным путям в одно время займетя вдруг все пространство от Данцига до Варшавы. Самая столица сия, в случае сопротивления ее, будет обойдена и мгновенно стеснена со всех сторон. Кто же есть тайною пружиною этого стройного, искусного движения войск? — Тот же, кто был причиною столь быстрого и для нас счастливого оборота в великих происшествиях протекшего года — старец Кутузов. Сам государь неразлучен с ним, с войсками и славою.

Гонендз. 7 января поутру

При выступлении за границу генерал Милорадович отдал приказ, чтобы во всех полках служили молебны в возблагодарение богу, управляющему судьбою браней за счастливое окончание Отечественной войны, мо-

ля: да осенит и прославит он и впредь оружие
российское, подъемлемое на освобождение
царств и народов!

7 января, М. Радзвилово

Мы уже за границей. Порядочные дороги
через болота, каменные заборы в полях, из-
рядные крестьянские дома с прекрасными са-
диками и прочие заведения уподобляют сто-
рону эту немецким краям. Здешние места во-
обще наполнены болотами и лесами. Почва
земли камениста. От Гонендза до Радзвилова
25 верст. Это также очень небольшое местеч-
ко, на высоте, среди болот.

Взгляни на хорошую топографическую
карту и увидишь, что большая часть герцог-
ства занята болотами. Летом, по удобопрохо-
димости мест, сторона сия весьма способна к
оборонительной войне. Надобно быть рус-
ским и воевать в самую лютую зиму, чтоб
проходить везде. — Вся здешняя сторона насе-
лена мазурами. Люди сии подобны лесистой
природе своей. Мужчины великорослы, силь-
ны пасмурны и бледнолики; женщины же во-
обще очень стройны и пригожи. Любимый
цвет Мазуров — синий. Они синеют с ног до

головы. — Не думаешь ли ты, что мы идем по неприятельской земле, как грозные завоеватели; что ужас предшествует нам, а опустошение нас сопровождает. — Нет! Нас, по всей справедливости, можно назвать *рыцарями*. Их мужество и добродетели стали теперь нашими. Мы угрожаем сильным и защищаем слабых. Вера, законы и собственность народа для нас священны. Государю угодно было распространить благодать свою даже на неприятелей. Изданы приказы и объявления, в которых Главнокомандующий ручается за безопасность народа и приглашает светские и духовные начальства не оставлять ни домов, ни обязанностей своих, обещая всем и каждому помощь и защиту. Солдаты наши в полной мере исполняют волю государя. Львы в боях, они кротки как агнцы в хижинах безоружных поселян.

P.S. Сейчас получено известие об успехах оружия российского на Висле и далее. Кенигсберг и Мариенвердер взяты графом Платовым и генералом Шепелевым.

8 января. Деревня Малый Плотен

Зимняя стужа и здесь весьма ощутитель-

на. Надобно быть детьми Севера, чтоб переносить суровость сего времени года с таким терпением, как ваши войска. Завтрашний день авангард имеет здесь роздых.

9. *Оттуда же*

Признайся, любезный друг, что до сих пор ты не имеешь еще ясного понятия о нашем движении. Куда мы идем? Как? С каким намерением? — Судя по кроткому обхождению нашему с жителями, кажется, что мы в самое мирное время переходим с квартир на другие. Но судя до тому, что вошли в неприятельскую землю, должно думать, что мы пришли воевать. Мы берем все должные предосторожности: имеем свой авангард, составленный большею частию из кавалерии, под командою барона Корфа; имеем арьергард и летучий отряд под начальством храброго графа Палена, надежно прикрывающий наше боковое движение. Я скажу тебе еще более: мы имеем перед собою неприятеля. Нередко сталкиваемся с ним, вступаем в переговоры, спорим, шумим, ссоримся — но не деремся! Часто уже и ружья заряжены, и штыки наострены — а сражения нет. Так воюем мы с австрийцами:

и это-то называется бескровная или политическая война. Но так могут воевать только два народа, сотворенные быть вечными друзьями одною необходимостью вовлеченные в бурю всеобщего раздора. Однако ж сей род войны требует великой осторожности, терпения и большой способности к переговорам и переписке. Надобно прежде предлагать, потом убеждать, а наконец уже грозить, но чтоб это было все кстати, у места. Получа известие, что австрийцы заступают нам дорогу, тотчас посылают объявить им, что авангард российский идет в больших силах, хотя в самом деле он очень невелик; что вся армия готова подкрепить его; что сопротивление их будет совершенно бесполезно и кровь пролита напрасно и проч. Слова подкрепляются действием: обходят фланг австрийцев, и они, имея через то достаточную тактическую причину к отступлению, совершают оное, несмотря на упорство надзирателей своих — французов.

P.S. От Радзвилова до деревни Плотска места довольно открытые и холмистые. Остроленко остается у нас слева за Наревою. Около сего городка дремучие леса, известные под

названием Остроленской пуши. Извещательные посты наши по сею сторону реки; неприятельские по ту.

Те, которые видели генерала Мидорадовича в огне сражений пылким, неустрашимым, ужасным истребителем неприятельских полков, дивились его хладнокровию, искусству, прозорливости и великому благоразумию в сей новой для него и для России войне. Это подтверждает истину аббата Сабатье[22], что здравый ум может быть способен ко всему.

13. Деревня Худек

10, 11, 12 и 13-го прошли мы чрез деревни: Хлудни, Станиславово, Дрозжево и Худек. Вся сия дорога вообще гориста и покрыта лесом. Здесь генерал Корф имел переговоры с австрийским генералом Фрелихом. Генерал Милорадович посылал также к ним с особыми тайными поручениями начальника авангардного штаба полковника Сипягина. Вследствие сих переговоров австрийцы уступили нам всю дорогу до самого местечка Прасниц; и даже большой магазин в сем местечке, сдавший во всей целости занимавшемуся на то время заготовлением впереди продоволь-

ствия для авангарда Московского Ополчения майору Павлову.

14 января, местечко Прасниц

Авангард вступил в Прасниц. Это местечко только в 80 верстах от Варшавы. Все здешние евреи с распущенными хоругвями, хлебом и солью встретили генерала Милорадовича. Их радость неописанна. Бедные! Пленение французское не легче было для них, как для предков их Вавилонское!.. Теперь, по причине их повсеместности в Европе, они оказывают нам большие услуги, доставляя отовсюду весьма важные и верные известия.

Прасниц — довольно изрядное местечко на одной из больших дорог из Пруссии в Варшаву.

Но что сказать вообще о герцогстве Варшавском? — В короткое время пребывания своего под властью Прусского правительства получило оно самое выгодное для себя образование. Повсюду встречаете вы плоды благотворительности этого умного и попечительного правительства. Везде видите по плану выстроенные деревни. У крестьян прекрасные светлицы с большими каминами, кото-

рые их освещают и греют. — Отчего ж они здесь лучше, нежели во всей Польше? Кто строил их? — Король! Хотите знать средства его? Вот одно из главнейших: каждый поселянин платит в казну от 3 до 5 злотых с избы, что составляет страховую пожарную сумму. В частности это почти ничего, в сложности — много. Из сей-то суммы каждый погоревший крестьянин получает 500 злотых и строит себе прекрасный дом. Таким образом многие уже деревни и города в лучшем и прекраснейшем виде возродились из пепла после пожаров.

Герцогство Варшавское разделено на префектуры и департаменты. В каждом городе, если он не главный в префектуре, находится подпрефект, по-нашему, исправник. Герцогство имеет свои деньги.

Прасниц, 15 января

Сегодня генерал Милорадович осматривал проходившие войска 4-го и 7-го корпусов. Веселый вид солдат, их бодрость и свежесть лиц не показывали, чтоб они перенесли столь много неслыханных трудов, пройдя великое, необъятное пространство от Оки до Вислы в

беспрерывных сражениях и победах, среди лютейшей зимы. Седьмой корпус обратил на себя особое внимание. Генерал Паскевич, при громком барабанном бое и веющих знаменах, провел его быстрым и смелым шагом. В остатке этого корпуса виден был тот же жар и дух, с каким истреблял он колонны Нея под Красным. — Артиллерия наша тянулась через местечко бесконечным гужом.

Сегодня получено известие, что Данциг, в котором заперся генерал Рапп, обложен нашими войсками. Кенигсберг, Мариенбург и Мариенвердер взяты; 15 тысяч пруссаков отклонились от французов к нам. Кажется, что Пруссия вся с нами. Ранье, с 20-ю тысячами, составленными из французов, поляков и саксонцев, бродит около Варшавы; может быть, вздумает защищать ее. Но колонны нашей главной армии, ни па что несмотря, обходят Варшаву и спешат занять все герцогство.

16. Прасниц

В авангарде нашем последует некоторая перемена. За два перехода отсюда отделится от него часть издавна в нем находившихся войск; а присоединятся идущие из Венгрова

корпуса генерал-лейтенанта Сакена и князя Болконского, Все это вместе составит до 30 000 войск, которые генерал Милорадович, переправя в разных местах через Вислу, введет в Варшаву со стороны, противоположащей Праге. Модлин, эта вновь сооруженная Наполеоном на выгоднейшем месте, при слиянии Вкры с Бугом и Буга (принявшего у Серотска реку Цареву) с Вислою, крепость будет обложена. Часть польского народного ополчения, называемого коссиионерами, находившаяся в Плоцке, поспешно ушла за Вислу Калишской префектуры в городе Пиотрков.

17 января. Прасниц

«Теперь или никогда, в глазах целого света, должны вы показать привязанность вашу к родной стране, любовь к свободе и то, что вы достойны имени поляков: имени, которое предки ваши с такою честью и славою носить умели». — Так восклицает к народу Игнаций Ежевский, генерал и маршал от народного ополчения в департаменте Плоцком. Надобно знать, что в это время поляки, у которых и зимние бури не могли еще остудить голов, задумали сделать во всем герцогстве древнее

Посполитов рушенье, то есть поголовное народное вооружение. Он продолжает: «Слышите ли, благородные поляки! Звук трубы, зовущий нас под отечественные знамена для защиты родной земли!.. Друзья и братья! Настала минута, в которую должно всем жертвовать, на все отважиться — минута кровавых боев... Стыд и горе тому поляку, который предпочтет спокойствие и цепи рабской жизни трудам и смерти за спасение растерзанного отечества! Я в третий уже раз приемлю начальство над ополчением народным, и всегда в такое время, когда бури потрясают отечество. Последуйте за мною! И проч., проч.» — Но поздно!.. Это все равно, когда бы кто-нибудь сзывал народ спасать, дом, в котором цела одна только половница, на которой он стоит, а все прочее поглощено пламенем. Теперь уже не время играть рыцарские драмы. Полякам не на кого пенять в утрате государства своего, кроме самих себя. Тем ли думать о свободе, которые, раздвинув прежде на столь обширное пространство пределы земли своей, лежащей по несчастью в самой середине Европы, и огорчив через то большую часть дер-

жав, вдруг предалились праздному бездействию извне и раздорам внутри? Роскошь, пороки и нововведения нахлынули к ним со всех сторон. Древние нравы истлели. Твердость духа развеялась вихрями нового образа жизни. Народ оцепенел. Вельможи уснули. Но государство, засыпающее на цветах, пробуждается обыкновенно бурями. Нет! Не это земля свободы! Свобода хранится и цветет в области уединенной, немногочисленной, за хребтами высоких гор, среди дремучих лесов. Мы любим слушать Галгака или Арминия[23]. Первый на диком острове, под бурями Северных морей, не колеблется даже и в то время, когда варвары гонят его к морю, а море отвергает к варварам; когда приходится ему умереть или от воды или от железа. Другой, в древних лесах Германии, дик, грозен, но тверд и величественен, стоит по колени в болоте, под мрачным склоном вековых деревьев, и скликает полудикие племена на расторжение неволи. В горах Краковских, в болотистых лесах герцогства Варшавского могли бы еще поляки сбересть свободу свою, но это не теперь, а в давно прошедшем времени.

18 января

Случалось ли тебе видеть, как знатные господа, промотавшие все свое имение, по старой привычке роскошничать заказывают еще обеды, пиры и праздники, не имея уже копейки в кармане? Так точно поступает Наполеон. Растеряв всю свою армию, насылает он из Парижа с нарочными курьерами повеления, куда идти корпусам, где зимовать большой армии и проч. Он велит вооружать те области, которые давно уже нами заняты; защищать те города, которые в ваших руках. Все большие дороги наполнены нашими войсками. Везде хватают парижских гонцов и громко смеются над гордыми повелениями великого вождя невидимых сил. Известно, что Наполеон, доехав в Париж под почетным именем Коленкура, объявил Сенату большую часть своей потери, уверяя при том, что вся русская армия побита им наголову, а ему повредил один только суровый климат. Пусть он говорит, а мы будем делать. История и потомство рассудят.

Пусть он обманывает французов: но надолго ль? Скоро, скоро нежные матери, отцы и

друзья, не получая так долго вестей о милых сердцу своему, домыслятся и восстенают о гибели их. Напрасно юные жены, под престестным небом Южной Франции, томятся желанием увидеть супругов своих и часто в приятных мечтаниях утренних снов простирают к ним объятия; напрасно отцы наряжают великолепные дома для приезда сынов своих — уже не придут они: мертвые не воскресают. Они пали на кровавых полях от Оки до Вислы, и груды костей их тлеют в чуждой земле. Франция! Наполненная шумом забав и песнями радостей, готовься ныне к ударам смертной горести! Недостанет траура и слез для столь многих потерь. А ты, о Россия, о мое Отечество! Торжествуй великое празднество твоего освобождения, покоясь на лаврах и трофеях спасителей своих! Долго не изгладится из памяти народов ужасная гибель держащих на тебя!..

21. Местечко Плонск

Очень порядочное местечко. Здесь можно найти в лавках отличной доброты сукна и прочие хорошие товары; а погреба славятся прекрасными, беспримесными винами. Мод-

лин, находящийся отсюда только в двух милях, решил защищаться. Вчера видно было большое зарево. Комендант сжег предместья и заперся в крепости. Генерал-майор Паскевич с 7-м корпусом пошел окружать ее. Горсть поляков, запершаяся в Модлине, конечно, не принесет никакой пользы своему отечеству, не сделав ни малейшего помешательства и нашим движениям. Но может быть, сии затворники хотят заслужить местечко в истории. Недавно был у них совет. Некоторые предлагали сдать крепость, говоря, что русские могут ее сжечь. «Я тогда разве сдам ее, — гордо отвечал комендант, — когда платок в кармане моем загорится!»

22 января

Мы все в Плонске, и еще, может быть protestим; а причина? — Австрийцы! Спорят, упрямятся, не хотят отдавать нам Варшавы. Впрочем, они не виноваты: Ранье и поляки не дают им покоя, представляя, что они бегут от горсти русских; что, совокупись с ними, могут защищать Варшаву, что у Милорадовича не более 5000 войск, а их наберется до 30 000. В самом деле, авангард наш, отделя от себя

некоторые полки и не соединись еще с Волконским и Сакеном, едва ли имеет 5000.

23

Хитрость в войне необходима. Она то же, что механика в общежитии: ею заменяется слабость сил. Сегодня пустили мы порядочно пыль в глаза полякам. Понятовская вздумал прислать к нам своего адъютанта, будто для пересылки писем к пленным, а в самом деле для узнания силы нашего авангарда. Австрийцы намекнули нам о сем из-под руки. Генерал Милорадович приказал тотчас горсть пехоты своей рассыпать по всем деревням, вдоль по дороге лежащим, коннице ведено переезжать с места на место, появляться с разных сторон и тем число свое увеличивать. А пушек у нас так много, что их и девать негде было. К счастью, в сей день, как нарочно, заехал к нам генерал Дохтуров, которого корпус неподалеку проходил. Накануне прибыли генерал-лейтенант Марков и князь Горчаков; последний привел с собою не более 400 человек. Тут же находился и генерал Уваров, командовавший кавалериею авангарда. Адъютант Понятовского, белокурый, высокий,

бледный, топкий молодой человек, в предлинных ботфортах и в прекоротком мундире, прибыл к обеду. За столом сидело до десяти генералов. К крайнему удивлению, видя между ними четырех, которые, имея *по три звезды* на груди, всегда командовали тремя большими корпусами и сделали имена свои известными, адъютант Понятовского подумал, что все их войска тут же вместе с ними. Войска авангарда, искусно по дороге расставленные, и великое множество пушек утвердило его в этом мнении. И таким-то образом этот тайный посланник Варшавы возвратился с известием, что генерал Милорадович может устремить против нее по крайней мере 30 000 штыков: а русские штыки памятны Варшаве!

24

Я забыл сказать тебе, что на сих днях приехал к вам из Главной квартиры известный дипломат, наш Барон Анштет. Сегодня имел он переговоры с австрийским полковником Латуром, присланным от князя Шварценберга. *Дипломатика* есть также война: спором и упорностию, нераздельною, однако ж, с бла-

горазумием, многое можно к пользе своей выиграть. Чтоб быть хорошим дипломатиком, надобно иметь надежную память, острый ум, знать твердо политическую историю своего Отечества, историю Европы и целого света. Разумеется, что знание языков необходимо. Наконец Варшава сдается! Барон Анштет сделал условия сей сдачи. Генерал Милорадович утвердил их. Они весьма выгодны для нас. Все больные и раненые французы, которых в Варшаве считают более шести тысяч, должны достаться нам военнопленными. Все магазины, арсенал и прочие заготовления сданы будут нам в целости.

Барон рассказывал за верное, что в Вене уже начинают пробуждаться умы. Те, которые верили всемогуществу Наполеона, выходят из заблуждения. Истина осмеливается возвышать голос свой, указывать на раны Германии, на собственные свои, представлять бедствие народов, разорение областей. Уже имя Наполеона произносится с негодованием. Ропот слышен в домах; народ шумит на улицах; общее желание — мир с Россиею, война вратам ее. Так мыслит народ; но Двор еще

молчит. Насмешники наводняют столицу карикатурами; жители утешаются ими. Некто прибил на воротах Соборной церкви в Вене следующее объявление: «Великий Наполеон по дороге от Москвы к Вильне растерял 350 000 франков: кто найдет и представит в Париж хотя часть оных, будет щедро награжден!»

25. Поутру

Вчера ввечеру переправились мы через Вислу у деревни Вульки, где она в широте равняется с Невою. Берега Вислы в сем месте наполнены оврагами и скалами, высокими елями покрытыми. По тайному условию с князем Шварценбергом нам должно обойти Варшаву, стеснить ее со всех сторон и таким образом принудить его к выступлению, а ее к сдаче. Посему мы продолжаем *косвенное направление* наше до деревни Бортженцин.

25. Ввечеру. Деревня Бортженцин

И так мы увидим Варшаву, будем в ней и, конечно, остановимся отдохнуть. После столь многих трудов, после претерпения столь многообразных нужд: стужи, голода в повсе- частных беспокойств, как бы приятных для

тех, которым в течение нескольких месяцев постелью была влажная земля, покровом — бурное небо, отрадою — дымный полевой огонь, — как приятно, говорю я, успокоиться в большом роскошном городе, в светлых домах, в обществе людей, где цветут еще приятные искусства, где после шума ветров и свиста пуль можно услышать прелестный голос женщины или очаровательные звуки музыки!.. Да! Нам надобно отдохнуть в Варшаве, надобно потому, что все этого хотят. Впрочем, мы часто хотим того, что нам вредно. Все сие зависит от Князя Светлейшего: он наше земное провидение!..

26 рано. — В двух милях от Варшавы

Утро было прекрасно. Уже несколько дней, как зима здесь ощутительно смягчилась. Солнце великолепно сияло на голубом небе. Снег таял, и в воздухе слышно было дыхание весны. Тайное желание увидеть, хотя издали, столицу Польши щекотало любопытство мое. Я вышел посмотреть на здешнюю природу и на Варшаву. Обширное, ровное поле растянулось с сей стороны до самого города. Острые верхи башен, церквей и некоторые дома

мелькали на горизонте. Дым из тысячи труб свивался в седые тучи. Нам нельзя еще было вступить в Варшаву; но воображение не знает оков невозможности; для него нет ни застав, ни караулов. Без позволения и билета очутилось оно в ней, теснилось в толпах народа, бродило по улицам, заглядывало в Прагу, искало следов великого Суворова, носилось над Вислою и любовалось великолепною мрачностью столицы. О! Воображение — великий чародей! Подивись нелюбопытству здешних поселян: живя в двух милях от Варшавы, они не бывают в ней по целым годам; а дочь хозяина моего, лет пятнадцати девушка, уверяет, что еще сроду в ней не была. Счастливая беспечность! Она есть надежнейшею оградою чистых нравов, для которых столица — гибель!..

26. Около вечера. Мокатово

Прекрасный замок вдовы фельдмаршала князя Любо-мирского, той самой, которой принадлежит Ландс-Гут. Дом убран с большим вкусом. В нем есть целые зеркальные комнаты, бронзы, мраморы и проч. Сады обширные, с красивыми беседками и домика-

ми. Вот несколько слов собственно о Мокатове. Теперь расскажу тебе о том важном и для истории незабвенном происшествии, которому мы сегодня были здесь свидетелями. Я хочу сказать о покорении Варшавы, приславшей сюда ключи свои. В первый еще раз в жизни был я при таком обряде. Суета, шум и волнение, сопровождавшие оный, имели в себе что-то похожее на свадебные сборы. С самого еще утра начали взаимно пересылаться; конные гонцы скакали взад и вперед. Анштет был в страшных хлопотах. Условливались о месте, часе и порядке вручения ключей. Принять их назначено в Мокатове в два часа пополудни. К сему времени все мы в нарядных мундирах собрались в небольшом садовом домике, где остановился генерал Милорадович. Тут было человек 12 генералов. Пред крыльцом стоял в строю прекраснейший эскадрон Ахтырского полка: зрители пленялись его картинным видом. Ровно в два часа передовой посланный возвестил скорое прибытие депутатов. Любопытство подвинуло всех к окнам. Сперва показали вершники из Польской народной гвардии, и вдруг богатая каре-

та, восьмью английскими лошадьми запряженная, сопровождаемая отрядом сей же гвардии, загремела и остановилась у крыльца. Эскадрон отдал честь. Вслед за первую подъехала такая же другая. Эскадрон повторил приветствие. Префект Варшавы, мэр, подпрефект, два члена духовенства, бургомистр и еще пять или шесть человек в нарядных шитых мундирах, с разноцветными перевязями через плечо, собрались на крыльце. Двери настежь! — И гости вступили в комнату. Между ними находился тот самый старик, который вручал ключи Суворову. Толпа отшатнулась — генерал Милорадович выступил вперед.

«Столица герцогства Варшавского, в знак миролюбивого приветствия победоносному русскому воинству, посылает сие», — сказал префект, поднося хлеб и соль. «Вот и залог ее покорности знаменитому оружию всеавгустейшего императора Александра Первого», — прибавил мэр, подал знак — и старец вручил генералу золотые ключи. Все поклонились очень низко. У некоторых блеснули слезы на глазах.

Генерал Милорадович отвечал с свойственным ему благородством и красноречием. Он говорил между прочим, что для государя, который подымлет меч только для расторжения оков, воюет — для мира и покорять народы желает одною благостию, ключи сии будут тем более драгоценны, что они не обогрены кровью. «Ваши храмы, законы и самые обычаи, — продолжал он, — останутся неприкосновенны. Пища кроткой души императора — благотворение. Первым доказательством попечения его Варшаве есть уже то, что он освобождает ее от постоя. Все войска расположены будут в окрестных селениях и на полях около города; но дабы не обременить участи поселян, городские жители постараются доставить войскам нужное продовольствие. О сем сделаем особое постановление. Так действует государь мой, — говорил генерал. — Мщение чуждо великой душе его. Он не желает проливать кровь за кровь и платить разрушением за разрушение; и для самых виновных отложил он суд свой, карая их одною милостию». «Александр Первый хочет жить для Истории», — прибавил дипло-

мат Анштет — и все кончилось. Депутаты уехали, назначив завтра в 10 часов собрание в замке Виланов. Ключи тотчас отправлены были к государю с полковником Сипягиным, начальником штаба по авангарду.

Мы пересекли все дороги из Варшавы и Модлина. Беспреданно приносят с передовых постов в квартиру генерала Милорадовича чемоданы с письмами, отправленные по почте. Военская осторожность велит читать все, что пишется в Варшаву и из Варшавы. Много есть писем из разных мест Франции, Италии и Германии. По надписям все почти принадлежали *знаменитой покойнице* — большой французской армии. Много в них есть смешного, жалкого. Вообще странно в окрестностях Варшавы узнавать все сокровеннейшие тайны семейств, живущих в Париже, Вене или Касселе. Есть много прекрасных писем. Когда-нибудь я тебе пришлю их кучу. Между прочим, попались мне целая любовная переписка одной Шарлоты, жительницы Наполеонс-гиоге, что близ Касселя, с каким-то Людовиком, капитаном Вестфальской гвардии. Перехватные письма и глаза невиди-

димок, которых рассылаем в разные стороны, доставляют нам весьма нужные сведения: мы узнаем задушевные тайны наших неприятелей. Недавно изумил я одного выходца из Модлина, рассказав ему, сколько в крепости улиц, сколько ворот, имена тех и других; сколько магазинов, с чем именно, чем они крыты; где хранится порох, сколько каких войск и каких полков; сколько у них колодецев, когда и в котором испортилась вода; в какие дни пекут они хлеб и когда терпят большой недостаток в воде. Наконец рассказал ему свойства коменданта, его занятия, его связи, — даже имя любовницы его! — Все это узнается через некоторые *посредства*. В войне необходимо иметь *свои глаза* и *свои уши* в стане неприятельском: чем вернее видишь и слышишь, тем надежнее разишь. Распознав места и выщупав силы неприятеля, почти можно ручаться за успех.

27. Виланов

Приметил ли ты, как мы, имея Варшаву центром, движением нашим описывали около нее дугу, переходя из одного места в другое, делая приготовления, скрывая намерения

свои и в город не вступая. Так ходит темная буря над селами и пугает земледельцев, грозя рассыпать губительный град. Австрийцы уже давно выступили из Варшавы; а мы еще не занимаем ее. «Для чего же мы медлим, скоро ли вступим? Или еще не решена судьба Варшавы? Что будет с нею?» — так все спрашивали, и никто не отвечал. «Что будет с Варшавою?» — спрашивали у барона Анштета. «Один бог и Александр знает про то», — отвечал он с таинственным видом. Поляки все это знали, чувствовали и трепетали. Они видели, что мрачная туча носится над их головами, и не знали, благотворительным ли дождем, или палящими молниями разрешится она. Вчерашний день облегчил их от тяжкого бремени сомнений. Все это сделано было, однако ж, очень кстати; ибо страх над волнующимися умами народа имеет действие стужи, сжимающей бурные волны рек и озер. Между перехваченными письмами нашли мы одно, в котором уведомляли, что весь арсенал Варшавский роздан народу. К чему бы, например, это? Теперь ведено сносить, и сносят все это оружие в Виланов. Офицеры наши не ина-

че могут въезжать в Варшаву, как по билетам, и то с строжайшим запрещением в ней ночевать. Впрочем, Варшава, как говорят, очень нам рада и гораздо охотнее желала бы иметь войска наши в себе, нежели около себя. Но покуда отпрошусь в Варшаву, спешу осмотреть прекрасный здешний замок.

Виланов

Древний замок короля Собиеского, который в 1683 г. выручил осажденную турками Вену. Теперь принадлежит он молодому Станиславу Потоцкому, Это подлинно королевский замок! Какое величие в расположении, в зодчестве, в уборах! Стенная живопись прекрасна. Лепной работы множество. Две больших галереи наполнены картинами, в числе которых есть прекрасные, драгоценные, на прим.: Пуссеневы сельские виды; все семейство Собиеского; сам он на коне. Прелестная Собиеского жена представлена здесь в разных видах: в одном месте видишь ее прекрасною пастушкою, сидящей над чистым ручьем и в зеркале вод поправляющею свой цветочный наряд; в другой картине видите вы ее прелестным ангелом, летающим под голубыми

небесами. Жаль, что нет здесь картины, представляющей самого Собиеского в торжественный час освобождения Вены. Здесь более всего портретов. Прекрасные женские лица стоят подле усатых, железными латами покрытых и лаврами увенчанных поляков. В таком наряде они были героями. Вместе с латами и кунтушами[24] сложили они с себя древнее мужество и твердость душ.

Варшава

Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный город. Летом может она назваться цветущею. Есть много огромных палат, дворцов; но мало таких, которых бы наружность поражала блеском и великолепием. Следы времени не заглаживаются здесь стараниями людей. Одно только мирное время сзывает искусства для украшения и обнови городов; а Варшава с давних уже лет, как древо на высокой скале, была жертвою бурь и непогод. Лучшие трактиры: Виленский, Гамбургский, Английский и Дрезденский. Все знатные оставили столицу, хотя русские и вошли в нее как друзья. Днем народ толпится на площадях; по вечерам пустота и уныние

пугают на улицах.

29

Сипягин возвратился с Владимиром на шее[25]. Его служба достойна сей награды. Государь восхищен был сдачею Варшавы. Он обнимал Князя Светлейшего — войска кричали: ура! — генерал Милорадович получил вензелевые изображения имени государя на эполеты, с лестным правом находиться при особе его императорского величества. Князь Светлейший сопровождал сей монарший дар приятнейшим письмом, в котором, в свойственных красноречию его выражениях, говорит между прочим, относясь к лицу генерала Милорадовича: «Великие заслуги ваши столь много сблизили вас со всеавгустейшим императором нашим, что сие даруемое им вам преимущество, находиться при особе его императорского величества, сделалось необходимым для вас и для него».

Напрасно ожидали мы отдыха в Варшаве: войскам ведено выступить в поход; через три дня поспешим мы за ними. Расстаться с Варшавою, не наслаждаясь ее удовольствиями, это все равно что в жаркий день только прику-

шать воды из студеного колодца и, не утоля палящей жажды, идти далее в знойный путь.

Вчера генерал Милорадович с великолепным конвоем проезжал Варшаву. Народ теснился в улицах и кричал ему: «*Виват!*» Приятно было видеть, что в домах, на улицах и рынках все было покойно; никакие занятия, работы и упражнения не прерывались. Сами жители сознаются, что при французах, приятелях их, не так было.

Известный дарованиями своими действительный (датский советник Фукс[26] написал по случаю занятия Варшавы несколько следующих строк:

«И так паки повергает Варшава главу свою к стопам Августейшего Александра Первого. Герцогство Варшавское принадлежит России. Те же ключи, которые поднесены были некогда бессмертному Суворову, подносятся ныне знаменитому сподвижнику Итальянского Милорадовичу. Суворов, приняв их, возблагодарил бога, что не орошены они были кровию, и Милорадович, по полям, трупами усеянным, по кровавым токам туда притекший, приемлет ключи сии с такими же теплыми ко все-

вышнему молениями. Век Екатерины сливается с веком Александра, и пророчество великого мужа свершается. Суворов сказал: „Милорадович будет славным генералом!“»

Понимаю, для чего не оставляют войск в Варшаве. Она могла бы сделаться для нас тем, что Капуя для Аннибаловых. Прекрасные трактиры, театр, лазенки и всякого рода удовольствия могли бы очаровать, разнежить *закаленных в боях* и заставить их забыть, что война не окончилась; ибо Европа еще не спасена!

Варшава

Я был в театре. Он довольно велик для всякого другого города, кроме Варшавы: она, столица. Ложи в пять ярусов. Лучший актер и содержатель театра Дмушевский. Я был в лазенках. Это бани или ванны, где купаются. Одни из них близ Пражского моста — на судах. Какая роскошь купаться в лазенках! Входишь в прекрасную комнату, убранную зеркалами и диванами, там изготовлено все нужное: полотенце, гребень, мыло, губка и даже подставка для удобнейшего снятия сапог. Погружаешься в глубокую, внутри свинцом обложенную

ванну. Отворяешь кран — льется теплая вода; другой — брызжет прямо из Вислы студеная. Вы можете составить себе ванну, какую хотите: летнюю, осеннюю или зимнюю. Вода станет мутна, потяните за шнурок — и она исчезнет! Свежая льется из кранов. Теплой очень довольно; холодной — хоть пол-Вислы выпустите! И все это стоит 2 злота (120 коп. медью).

Я видел Вислу в прекрасную лунную ночь. Золотые лучи сыпались на хрустальный лед. На другом берегу, за длинным мостом, мелькала Прага. Виола — прекрасная, широкая река, не уже Невы. Жаль, что жители Варшавы менее всего занимались ею. Если б берега сей реки одеты были камнем, как в Петербурге; если б какой-нибудь волшебник, собрав все лучшие 4-этажные дома, рассеянные по всему городу между лачужек и грязных переулков, выдвинул их на набережную; если б высокие холмы, на одном конце Варшавы лежащие, украсились хорошими строениями и садами, то Варшава была бы одним из прекраснейших городов в свете!

Если б Висла, как Волга и Нева, покрыта

была торговыми лодками, балками и галиотами, то Польша была бы счастлива. Торговля! Торговля! Сия душа царств не существует в герцогстве Варшавском: Наполеон задушил ее раздором своим с Англией. Бывало, пшеница степной Украины, стада волов плодоносной Волынии и произведения Подолии шли в Данциг, который отплачивал винами, сахаром и прочими потребностями, сделавшимися необходимыми. «Прежде, — говорил нам один обыватель, — нагрузив галиот свой в Варшаве пшеницею и поташом, я ехал по Висле в Данциг и привозил оттуда чистое золото; а теперь все бедно!» Прежде Литва снабжала степи лесом; степи, отдаривались лучшими из своих произведений.

Варшава была некоторым образом средоточием торговли. Оттого-то поляки были так богаты, несмотря на все разорения войны, — богаты!.. Все это, однако ж, не так давно. Под управлением прусским торговля цвела — и Варшава благоденствовала. Наполеон все отнял! Жители герцогства стонут о потере своей торговли. Колониальные товары здесь ужасно дороги.

Как ведут себя русские войска в Варшаве? — Как самые благородные рыцари Баярдова[27] времени. Щедрость офицеров наших особенно удивительна. В трактирах сыплют деньги. Приходит, например, старик с дочерью: он играет на скрипке, она на арфе; сыграла, пропела несколько арий — куча серебра очутилась пред нею! Приходит бедная монахиня, одна из сестер милосердия, просит, чтоб ей заказали какую-нибудь работу — и Милорадович[28] дает ей тысячу рублей и велит сшить себе три манишки!.. Зато поляки дивятся русским: народ полюбил нас чрезвычайно. Подумаешь, что все офицеры у нас богачи; напротив, самая большая часть из них очень небогаты — но тароваты. Вчера генерал Вильсон[29], провождающий время по большей части у нас в авангарде, угощал прекрасным обедом генералов наших в трактире «Лондон».

Я сказал, что народ нас любит; а вельможи? — Называют Северными варварами; а сами любят, чтоб их называли Северными французами!!! Но теперь, кажется, то и другое можно почесть бранным словом. Бедные

крайне сетуют здесь на богачей. «Они недовольны тем, — говорят они, — что слепое счастье отдало им все преимущества, которые должны быть ровно поделены в обществе людей; они живут, как боги, в великолепных палатах, разъезжают в раззолоченных каретах; а мы гнездимся в дымных лачужках и скитаемся по улицам, как отверженные. Дети их рождаются графами и князьями; рождение их празднуется великолепными пирами; их младенчество лелеется в шелках и богатых тканях: вырастут, и все почести, все преимущества, все выгоды жизни — их собственность. А наши дети рождаются в горести, возрастают в слезах; нередко умирают от недостатка молока в груди матерей, голодом истомленных. Их удел — нищета; их жизнь — борение с нею! И к довершению всего, вельможи подружились с разорителями Европы, вздумали воскрешать усопший край польский, данными и налогами иссосали из нас последнюю собственность; сами разъехались, а нас оставили горевать как мух без крыльев!» — Так сетуют бедные на богатых и вельмож, хотя вельможи в Польше и довольно еще благотворительны;

ибо они воспитывают на свой счет бедных молодых дворян, часто заменяют место отцов сиротам, не скупы на подаяния и устраивают много богоугодных заведений. На сих днях прибыл в Варшаву министр полиции Александр Дмитриевич Балашев. Для прочности здешнего порядка необходимо присутствие человека с его умом, деятельностью и опытностью.

1 февраля

У вас, конечно, еще тонут в снегу; стены трещат от мороза, и в окна бьет вьюга; а здесь уже весна! Здесь солнце светит в полном блеске, сады начинают оживать, в домах открывают окна, и самый благоуханный воздух нежит чувства. Варшава находится под 52°14'28" северной широты. Весна! Весна! Прелесть природы! Какая сладость разливается в мире! Как приятно жить и дышать в это время! Ах! Если б я был на родине, с друзьями!.. Но родина далеко; а мы идем вперед, идем в Калиш, идем в Силезию, на Одер к крепости Глогау.

В Варшаве есть липовая улица, которая в летнее время должна придавать большую

красу городу и освежать воздух. Прежняя Королевская улица удостоена ныне названием Наполеоновой!.. Здесь есть люди, которые живут в *Новом свете* — так называется одна из улиц Варшавских... Костелы Варшавские извне огромны, высоки, но мрачны; внутри красивы и богаты. Церковное служение здесь пышно и затейливо; музыка сильно действует на чувства. На стенах видно много портретов усопших и надписей в честь им. Вот надпись одному вельможе; она заключается теми словами: «Дай боже ему небо, а Польше более таких граждан!»

2 февраля

Итак, едва взглянув на Варшаву, едва коснувшись ее наслаждений, я уже должен сказать ей: прости! — и может быть, навсегда!.. Уже мы выезжаем из Варшавы, удаляемся от ее забав. Уже исчезает она, как великолепное сновидение, из глаз, но не из памяти!.. Все тает вокруг нас. Снега превращаются в воды, воды шумят по необозримым долинам. Мы едем на колесах, или, лучше сказать, плывем в бричках.

Дорожные записки

3 февраля. С восходом солнца слышали мы голос жаворонка — вспомни, что это 3 февраля!.. Мы ночевали в местечке Блоне. Очень порядочная площадь о колодце и фонтаном: красивые дома, ее окружающие, ратуша, гостиный двор и башня с часами с первого взгляда доказывают, что это местечко не литовское, а той части Польши, которая в соседстве с Пруссией, и получила уже от мудрой соседки своей некоторое образование. Далее на дороге прекрасно обстроенное село Неборов княгини Радзивиловой. В нескольких верстах оттуда ее же — Аркадия: достойна сего имени. На прекрасном месте прекрасный Английский сад, украшенный развалинами. Из всех подделанных я отроду не видал лучше этих. Они готические, и пусты, и заросли травой, и совы гнездятся в них, и ветры воют. Кто-то выбрал себе один уголок сих развалин и отделал в нем одну комнатку. Неразбитое стекло, с белою занавескою, делает приятную противоположность с пустотою необитаемых стен. Длинная мостовая в саду, с столпами, пирамидами и триумфальными воротами, представляет бег или ристалище древ-

них греков, описанное Гомером и Пиндаром воспетое. Лучше всего здесь *сельский домик* во всей простоте. На резных воротах представлены серп, коса и прочие полевые орудия. Войдите в него — первая комната проста: это хижина; но далее видно превращение. Как-то волшебница, может быть в благодарность за ласковое гостеприимство, захотела преобразить хижину в великолепнейший чертог. Она махнула жезлом — и чудо вполонину свершилось. Явились хрустальные стены, и одна из величайшего цельного зеркала; явились мраморные столпы. Золото, серебро и фарфор украсили все прочее. Но в одном углу, среди зеркал, хрусталей, мрамора и золота, к удивлению, видите вы простые полусогнившие брусья, сквозь которые торчит солома и слышно воркование горлиц. Что бы это значило? — А вот что, богиня или волшебница, превращая хижину в храм, заметила в одном простенке гнездо голубей и — чтоб не беспокоить сих невинных тварей — оставила гнездо и брусья, в которых оно заложено, неприкосновенными. И теперь, среди великолепнейших предметов роскоши, служит оно

напоминанием прежней простоты и неложным знамением совершившегося чуда. — Какова выдумка! Видно, что хозяйка имеет воображение. Такие-то чудеса могут творить богачи! О, если б они делали такие же превращения с бедными хижинами своих соседей! Богач, имеющий вкус, есть уже человек; но богач-благотворитель — есть ангел! В одном из здешних гротов можно видеть собрание самых редких древностей из архипелага.

Далее по сей же дороге город Лович имеет также красивую площадь и очень хорошее каменное строение. Хозяин, у которого мы ночевали, рассказывал, что французы, возвращаясь из России, горько жаловались на судьбу свою и ругались над портретом Наполеона. Рассказывают, что король Саксонский, приехавший в герцогство Варшавское, плакал о гибели стольких тысяч войск польских и своих. Сколько отцов! сколько матерей! сколько невест вместе с ним плачут и клянут войну и завоевателей!..

4 февраля. Получено известие, что граф Платов, обложивший Данциг, разбил сделанную из него большую вылазку. Часть герцог-

ства за Вислою покрыта лесами; здешняя по-
листа. Почва земли по большей части каме-
нистая. Народонаселение немалое. Много гос-
подских домов мелькают около дороги. Город
Лович, с целым округом своим, принадлежит,
или, лучше сказать, принадлежал, маршалу
Давусту. Он сдирал с него 700 000 злотых годо-
вого дохода. Почти все герцогство роздано бы-
ло таким образом маршалам французским, и
все серебряные источники Польши поглоща-
лись пучиною французской ненасытности.
Наводнение здесь повсеместно. Дорога пред-
ставляется рекою. Едущий из Варшавы при-
мечает склонение плоскости земной к северу
по течению Вислы. Может быть, тому причи-
ною близость моря. Все сии места могут назы-
ваться понизовыми; наводнение же оных
происходит от тающих снегов на лесистых го-
рах близ Ченстохова. Весною артиллерии и
даже легким войскам проходить здесь очень
трудно. Удобнейшее время для войны в боло-
тистом герцогстве Варшавском есть зима. Во
всех, даже беднейших, домах, видим портрет
Костюшки[30].

5 февраля. Мы обедаем в Пионтке (в Пятни-

це); а здесь есть среда, четверг и воскресенье. Кому-то вздумалось поместить по этой дороге целую неделю.

5 февраля. Ночлег в Бартковице. Прекрасный дом, окруженный садами и большим разлитием вод, принадлежит графу Залужскому, который живет здесь с семейством своим и очень приветливо принимает русских офицеров. Войска наши беспрестанно идут по сей дороге — и обыватели спокойны.

6. Ночлег в Унеиове. Это местечко при реке Варте. Ранье, бегущий с остатком корпуса своего, сжег здесь большой мост. Лед тронулся, и в переправе великое затруднение. Обозы и полки обходят несколько верст левее на местечко Варту, где мост уцелел. На другой стороне развалины замка Архиепископа Гнезденского. За несколько пред сим лет местечко это было очень богато. Здесь было много людей, живущих и приезжающих; были иностранные конторы, и деньги звенели в каждом доме. Догадываешься, что это было в благословенные времена торговли. По Варте гоняли лес и прочее в Пруссию; барыш с избытком награждал труды и издержки. Прервалась

торговля — и местечко опустело; праздность, уныние и пустота заступили место деятельности, шума и движения.

7. Дорога за Вартою через песчаные боры менее наводнена.

8. Город Калиш при реке Просне, очень красивый, по большей части немцами населенный город. Здесь, за 4 пред сим дня, сражался генерал барон Винценгероде. Две тысячи пленных, 8 пушек и два знамя были трофеи в одержанной им над неприятелем победе. После сего сражения Ранье, как говорят, ускакал в Саксонию; а остаток войск его присоединился к Понятовскому, запершемся в Ченстохове.

9. Движения войск останавливаются. Причиною этому здешние дороги, на которых все вязнет. Корпуса и отряды располагаются на временных, или так называемых *кантонир-квартирах*.

22 февраля. Местечко Ярочево

Погода была прекрасная, воды шумели, и окрестности расцветали, когда генерал и мы приехали верхами в это местечко. Все обещало нам весну; все надеялись наслаждаться ею.

Но надежды обманывают часто. Вот уже десять дней, как мы стоим здесь, и десять дней скучаем. Ветры сливаются в бури; и бури воют в воздухе. Со всех сторон сходятся тучи; то сыплют снег, то льют дожди. Рыхлая здешняя земля везде расступается. Прощайте прогулки! Грязь не позволяет выходить из квартир. Я стою в маленькой комнате у ксендза; генерал в довольно большом, на образец голландских построенном господском доме. Железные печи нагревают его. Хочешь знать, как проводим мы здесь время? Довольно нескучно при самой скучной погоде. По вечерам ходим к полковнику или собираемся у генерала. Там читают, рисуют, чертят, говорят, шутят. Снисходительность начальника и приятная свобода в обращении украшают эти вечерние беседы. Не правда ли, что у вас очень часто какой-нибудь статский советник представляет лицо великого человека, требует всеобщего внимания, отличного уважения и холодною важностию застуживает беседы, где сердца хотят раскрыться для искренности и приятности; а здесь полный генерал, генерал саном и делами, славный в России, известный в Ев-

ропе, так ласков, великодушен, любезен! Зато всякий подчиненный его любит, уважает его в душе и умереть с ним почитает за удовольствие.

Сам генерал Милорадович большую часть времени проводит в чтении. Во все это время перечитывал он Плутарха. Он встречается с великими людьми его, как с давними знакомцами, и много занимается их делами и участию. «Найди мне, — сказал он однажды, — хотя несколько великих полководцев, которым бы отдали полную справедливость прежде смерти и которые умерли бы без огорчений, довольны жизнью и судьбою своею!» Правду сказать, что с таким условием трудно найти и одного. Неблагодарность народов, несправедливость государей, зависть, клевета и происки сопровождают великих от колыбели до гроба. Жизнь их есть беспрестанное брение. Где ж награда? — В потомстве, в истории!..

25 февраля

После десятидневного заключения мы переменили квартиры, и все дежурство наше переехало в Ждуни. Это очень маленький, но

очень красивый и чистый городок на самой границе Силезии. Завтра генерал едет в Калиш благодарить государя за пожалованные ему вензеля на эполеты.

26 февраля

Как они красивы, уютны, чисты, все эти польско-немецкие городки. Издали на обширности полей они кажутся беседками; потому что сами здешние поля точные сады! Черноземные нивы, одетые пушистою сочною зеленью, изкращенные и окруженные просадьми из стройных острых тополей, влекут и очаровывают взоры. Одна площадь, одна или две улицы — вот и весь городок! Смотришь в окно на площадь — видишь ратушу, торг и торгующих; смотришь, из того же дома, в другое окно — видишь поля и пахарей. Тут шумит говор людей; там звенит песнь жаворонка. Эти городки можно назвать сельскими. Как опрятны немцы! Чистят и метут городок свой как комнату.

Трудолюбие и деятельность пробуждаются здесь вместе с солнцем. Встаю нарочно рано, чтоб увидеть утреннюю картину здешней жизни. Подхожу к окну — заря догорает, солн-

це всходит. Площадь еще пуста; все тихо. Жаворонки свищут за городом. Вдруг распахнулась дверь; за нею другая!.. Начинают растворяться дома. Выбегают прекрасные молоденькие немочки в стройных кофточках, с ведрами и кувшинами, одна перед другою спешат к фонтану. Моются, плещутся и черпают воду; свежи и румяны как весенние цветочки. Но вот идут почтенные старушки. Расставляют лавочки, столики и шалаши. Собираются продавцы и купцы. Площадь заселяется и оживает. В одном месте кричат: «По метлы! По метлы!», в другом: «Лучшее свежее масло, сливки, сухари и проч.!». Такая простота в жизни мне нравится, и я невольно срисовал абрис ее. В домах везде найдешь довольство и порядок; услышишь музыку и пение. Дочь хозяина моего, торгующего железом, играет на фортепиано с флейтами и читает немецкие стихи. Разве этого мало!..

Марта 1. Город Фрауштат

Я ездил с генералом в Калиш, где имел удовольствие познакомиться с историком великого Суворова Егором Борисовичем Фуксом. Там же представился мне случай сделаться

известным знаменитому графу Матвею Ивановичу Платову. Он удостоил меня особенно-го внимания и благосклонности своей. Из Калиша проехали мы прямо через красивый пограничный городок Равич в Фрауштат. Прекрасный город! Он без сомнения один из лучших в целом Варшавском герцогстве. Большая здешняя улица не уступает в красоте ни Варшавским, ни бывшим Московским; а это даже и не главный, но просто окружной городок в префектуре Познанской. Тут остановится, и, кажется, надолго, главная квартира авангарда генерала Милорадовича. Крепость Глогау отсюда в двух милях. Часть войск под командою князя Волконского и графа Сент-Приеста облегла ее.

Марта 3

Здесь есть и театр! Каждый вечер наполняется он зрителями. Правда, что здешний театр мал как вертеп; но актеры на нем не куклы. Три актера и две актрисы не испортили бы ни на каком столичном театре в комических ролях. Католический костел, по огромности, великолепию и древности, заслуживает внимания путешественников. В сем костеле

погребено семейство Гуровских. Против каждой могилы на стене надпись и портрет усопшего.

Таков здешний обычай! Между прочими портретами видите вы прекрасные лица, пленяетесь цветущею молодостию, красотою и невольно вздыхаете, вспомнив, что они уже — в гробе!.. Но от мрачного великолепия костела, пройдя прекрасную площадь и большую улицу, заглянем на мою квартиру. Вот прекрасная чистая комната, украшенная живописью, зеркалами и диванами. Хозяин одет очень опрятно; пьет по утрам кофе, имеет вкусный стол, ходит в театр, читает книги и судит о политике. Кто он таков? — Угадай! — Дворянин? — Нет! — Богатый купец? — И то нет. — Кто ж? — Мещанин-цирюльник! Я предчувствую удивление твое и разделяю его с тобою. Разве у нас нет цирюльников; но они живут в хижинах, часто в лачужках. Отчего же здесь люди так достаточны? Это тайна образа жизни немцев.

P.S. Вчера приехал к нам из Кенигсберга бывший адъютант графа Остермана, молодой Сакен, которого отец состарился и умер в

службе.

10 марта

У нас здесь танцуют и веселятся под громом глогавских пушек. Вчера полковник Сипягин удивил и забавил город великолепным балом. Девушек было очень много, и много хороших; угощение прекрасное, и гости веселились до белого дня.

Жизнь авангардная, при всех трудах и опасностях, имеет свои наслаждения. В том месте, где голос смерти, раздаваясь с выстрелами, поражает часто слух и невольно напоминает о краткости жизни, в том месте дружба должна быть искреннее, откровенность непритворнее, все связи надежнее. В авангарде, конечно, более, нежели где-нибудь *спешат жить и наслаждаться*, но там помнят также и то, что, как говорит Гораций, хороши только те наслаждения, за которыми не следует раскаяние; иначе в сладких напитках нашли бы горечь и не уснули бы покойно под звуком близкой стрельбы. Всякий день после развода и перед во чернею зарею играет у нас на площади музыка; народ толпится слушать ее. Великодушное снисхождение начальника

удаляет строгую взыскательность. Приязнь и свобода украшают авангардную жизнь офицера.

13 марта

Я желал, чтоб ты был у нас вчера и, верно, восхитился бы авангардным нашим празднеством. От хладных стран Сибири до Немана, Вислы и Одера праздновали вчерашний день повсеместно. Это был день восшествия на престол государя императора.

Войска и жители без всякого предварительного условия приготовились к общему празднеству. С восходом прекрасного весеннего солнца движение и деятельность зашумели в городе. Караул Кексгольмского полка готовился к разводу. В 10 часов сменил он караул Перновского. Прекрасные солдаты того и другого полка обратили на себя всеобщее внимание. Бодро и весело проходили они по улицам, наполненным зрителями. После развода все пошли в особый дом, где генерал Милорадович приказал приготовить великолепный обеденный стол на 200 особ. Русский полковой священник служил молебен. Кроме военных чиновников и почетнейшие из гражд-

дан присутствовали при оном. Я не могу описать восторга, который овладел сердцами, когда священник произнес молитву, *чтобы господь положил всех врагов под стопы государя нашего.* «Они уже лежат у ног его!» — думал каждый, и слезы умиления сверкали у многих на глазах. Как сладко тем, которые за год пред сим видели грозные тучи бед на горизонте своего отечества; видели бездну, к которой вихри ужасных случаев влекли его; которые с сердечным стоном предавали в жертву пламени мать и красу городов своих, позволяя врагу простирать хищность, меч в цепи даже до берегов Оки; как сладко, говорю я, было им мыслить, что отечество их уже свободно, не только мыслить, но и быть в сем уверену — и где ж? — стоя твердою ногою на берегах Одера!.. Все вообще с необычайным усердием преклоняли в сей день колода и молились вышнему блюстителю царей и царств. При пении многие лета государю рота полковника Мерлина палила из всех своих пушек. Глогавцы также сегодня стреляли. Гром их пушек сливался с шумом нашего торжества. Эти осажденные, равно как и модлинцы,

не щадят зарядов. Вскоре по отпетию молебна подпрефект, бургомистр и прочие чиновники города, с немалым числом окрестных дворян, вместе с военными сели за стол. Офицеры угощали их. Около двадцати генералов, украшенных блистательнейшими знаками отличия, возвышали присутствием своим сие торжество. Изобилие щедрою рукою потчевало гостей. В продолжение обеда окна в доме были отворены и музыка гремела. Народ большими толпами собрался на улице. Офицеры вздумали повеселить его: наменяли мелких полусеребряных денег и начали бросать, говоря: «Молитесь за здоровье Александра Первого!» — *Ура!* Громкие восклицания раздались по всем улицам; деньги беспрестанно сыпались, и народ неумолчно кричал: «Ура!» Тут же представили подписку для поддержания здешнего театра. В несколько минут авангардная щедрость ссыпала такую сумму, которая удивила и осчастливила бедных актеров. Зато ввечеру они утешили нас удачною игрою в драме: «*Государь, скрывающий сан свой*». Предмет и содержание прекрасны. Переодетый государь, путешествуя с одним из

вернейших ему министров, обозревает землю свою. Что представляется глазам его? — Тьма несправедливостей!.. Сильные давят слабых; богачи играют судьбою бедных, добродетель влечется в заключение, порок смеется слезам ее; золото и происки кривят повсюду весы правосудия; невинность стонет; заслуга, покрытая сединою, томится в нищете; праздность отдыхает на шелковых перинах. Добрый государь пылает негодованием, хочет все преобразить — и многое исправляет. Каждый порыв его сострадания, каждое слово его приносит целение недугам государства. Государь, вззирающий на народ свой только с высоты престола, есть то же, что лекарь, пользующийся заочно. Чтоб излечить раны, должно к ним прикасаться. В заключение драмы появился вензель Александра Первого, лаврами увенчанный и разноцветными огнями освещенный. Молодая актриса говорила поздравление. Бесперывное рукоплескание одобряло усердие и игру актеров. С наступлением ночи весь город запылал разноцветными огнями. Множество плашек украшало дома и улицы. В разных местах блистали прозрачные карти-

ны в честь знаменитому дню. По всем площадям и улицам играла музыка. И немцы, у которых привычка гасить огонь в 10 часов вечера сделалась почти законом, расхаживали толпами по городу и учились у русских кричать «ура!». Сон в сей освещенной ночи уступал место веселости, и не прежде одержал над нею верх, как с утреннею зарею.

II ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ 1813 ГОДА ПО ИЗГНАНИИ НЕПРИЯТЕЛЯ ЗА ГРАНИЦУ

Марта 15, 1813

Я тебе еще очень мало говорил о Фрауштате, где мы стоим так долго. По-немецки Фрауштат, а по-польски Вохова, есть последний, или, как Ждуни и Равич, пограничный, город в герцогстве Варшавском. За Одером начинается Силезия. В сем польско-немецком городе видишь смешение лиц, нравов и обычаев. Противоположность заметнее в женщинах. Эта томная, бледная, но веселая, острая, легкая, шутливая, роскошная, блестящая царица на балах, повелительница в обществах, крылатая в *мазурке*, страстная любовница и не совсем надежная жена — это полька! А эта полная, белая, румяная, степенная, благоразумная, но не остроумная, трудолюбивая, заботливая хозяйка, верная жена, добрая мать семейства — это немка! Ее вечно видишь в домашних трудах; на балах танцует она толь-

ко тихий вальс. Даже и в малых детях видна эта разница. Тотчас можно отличить польку от немки. Впрочем, здесь, как видно, доставляют детям прекрасное воспитание. Десятилетние девочки восхищают своим умом и дарованиями.

Фрауштат. Марта 18

Здесь самое лучшее время: совершенная весна. В поле так весело! Воздух так свеж, так сладок! Его глотаешь, как нектар. Пение жаворонков так и льется под небесами! Окрестности Фрауштата живописны. Открытые поля, холмы, начинающие зеленеть, гремящая Глогау, длинное протяжение синеющегося Одера, отененного лесами: все это вместе составляет прелестную картину для глаз. Здесь начинают уже копать огороды и садить цветы. Как приятно гулять по здешним полям! Чистый воздух, картинная природа, уединение — все услаждает чувства, все нежит душу, все располагает ее к дружбе, любви и добру. Но, увы! Можно ль предаваться сим нежным чувствам в то время, когда война сгущает громовые тучи и смерть машет над нами косою?

Фрауштат, Погребение у лютеран

Множество мальчиков, устроенных по два в ряд, впереди один с крестом, прочие каждый с книжкой, идут перед гробом, за которым следуют взрослые, а за ними толпа женщин. Все вместе поют. Кладбище в конце города: оно представляет вид четверосторонника, имеющего около ста саженей площади. Могилы очень часты, почти одна на другой. В старом Фрауштате[31] любили тесно друг подле друга жить и в тесном соседстве лежать на кладбище. Немцы не щадят надгробников. Вы читаете надписи на крестах, каменных досках, простых и полированных гранитах, из коих одни положены на землю, другие водружены в нее, многие вделаны в ограду. Почти каждая могила усеяна цветами и украшена портретом усопшего. Из этого можете видеть, как почтительны немцы к памяти ближних своих. Потомки, бродя по кладбищу, видят изображения предков, невольно предаются напоминаниям, мечтают и забываются... Многие эпитафии покажутся для иностранца очень странными. Например: «Здесь лежит почтенная N. N., урожденная N. N., родившаяся

яся в таком-то году, умершая тогда-то, жена сапожника, кузнеца или портного N. N.». И над ней урна или пирамида!.. По большей части в сих надгробных славятся тихие семейственные добродетели. «Прохожий! — говорят почти все эпитафии. — Почти прах нежной матери, попечительной хозяйки и верной супруги!» Сопровождающие погребение разделяются на две части: мужчины особо от женщин. Те и другие садятся под навесами около ограды и поют погребальные песни, между тем как несколько человек опускают гроб в яму. Здесь есть надгробные камни от двухсот и более лет: они углубились в землю и заросли мохом. Дети, полные жизни и радости, беспечно бегают по вековым камням и срывают свежие цветы на костях прапрадедов. Разительное сближение жизни и смерти!..

22 марта

Мы получили повеление идти в Бунцлау, за Одер, к Саксонии. Войска двинулись, обозы потянулись. Сегодня были в последний раз в театре. По окончании оперы «Сельский праздник» вдруг появились два гения, держа-

щие щит, в котором вокруг вензеля генерала Милорадовича изображены были победы его в Отечественной войне и нарисован меч «за спасение Букареста». Внизу пылали слова: «Честь и слава победоносному российскому авангарду и знаменитому вождю Милорадовичу!» Вслед за сим появилась молодая актриса, прочла стихи и бросила генералу вязанку цветов с сими словами: «Незабвенному Милорадовичу!» Завеса поспешно опустилась, но громкие рукоплескания долго продолжались. Прощай Фрауштат! Завтра рано отправляемся в Бунцлау. Многие из наших уже в пути. Генерал приказал мне ехать с ним.

Замечания в дороге

23. Из Фрауштата через местечко Шлиссенгейм подъезжаем к Одеру и, переправясь через него, едем до Полковица, где ночуем, оттуда через Гайнау в Бунцлау.

Что это за прелестная сторона! Нет уголка, который бы не был осмотрен, обработан и украшен. Какое волшебство превратило болотистые Силезские долины в плодоносные поля, провело возвышенные насыпные дороги,

обсадило их липами, тополями и даже плодови-
тыми деревьями; какое искусство превра-
тило дикие леса в рощи, рощи в сады, дерев-
ни в местечки, местечки в города? Все это сде-
лалось трудолюбием жителей и деятельно-
стью правительства.

Подле каждого почти дома, сельского и го-
родского, вижу виноград. Он распускает вет-
ви свои по всей стене, подымаясь до самой
кровли. Выглянешь в окно — и полные вино-
градные кисти просятся в рот!

Посмотри на эти высокие каменные строе-
ния, с огромными конюшнями, скотными
дворами, огородами, прекрасными садиками,
цветущими беседками — как думаешь, что
это? — Верно, господские дома, дома князей и
баронов. — Нет! Это деревня, где живут Силез-
ские крестьяне. Дивись, но верь!

Приехав 24-го в Бунцлау, мы пробыли там
шесть дней. Это старинный город, очень
недурной, имеющий высокие дома и две пре-
высокие башни. Он стоит в яме. Один из
здешних плотников сделал маленький меха-
нический театр, где представляются страсти
Христовы... В другом месте показывают сде-

ланный пред сим за пятьдесят лет горшок вышиною в четыре аршина, куда входит 60 гарнцов круп. Вот редкости Бунцлавские!

Как умеют немцы всем пользоваться и угождать всем необходимым нуждам. Куда ни помотришь, на площадях и на улицах — везде фонтаны чистой воды. В одних поят лошадей, другие доставляют городу воду, нарочно трубами проведенную.

Около всех почти огородов и садов городских проведены каналы, прегражденные заставками; каждый хозяин отворяет свои — и огород его наводняется. Здесь засуха не страшна.

Окрестности Бунцлау картинны. Множество деревень, местечек, каменных домов и несколько замков пестреют в отдаленности. Впереди Дрезденская дорога, вправо покатые поля Пруссии, а влево величественнейшая картина — *исполинские горы*, сливающиеся с облаками и ярко блестящие белизною снежной одежды своей.

Бунцлау, 28 марта. Пожар

В 12 часов ночи закричали немцы: «Feuer!» [32] — и все сполохнулось. Пожар был верстах

в восьми за городом, Генерал захотел там быть; приказал оседлать лошадей и велел мне ехать с ним. Приезжаем и видим стены высокого дома, конюшни, скотные дворы, сараи: словом, огромное хозяйственное заведение, пылающее в огне. Чей это дом, не господский ли? — Нет! Это простого крестьянина Вильгельма Сакса. Порядок при потушении пожара удивительный. Три исправные трубы — заметьте, что это в деревне, — брызжут ручьями воду. Сражение двух стихий ужасно, но огонь должен уступить усердию искусных немцев. На пожар сбегаются только те, кому назначено, прочие в нескольких саженях от горящего дома очень покойны. Отчего же они покойны? От уверенности, что все меры к помощи и безопасности уже приняты. И сам хозяин, который всего лишился, не стонет, и семья его не плачет, не вопит. Они как будто надеются, что дом их будет фениксом и возродится из пепла. Здесь такая надежда позволительна. Здесь всякий несчастный может полагаться на помощь соседей и правительства. Соседи примут пострадавшего от пожара с семейством его в свои дома, успокоят, утешат

его, сделают на первый раз денежный сбор; а правительство построит ему прекрасный дом и вознаградит большую часть убытков. Где же правительство возьмет на все это денег? — У поселян же. Каждый платит с дому известную подать, очень небольшую, из которых составляют пожарные и прочив суммы.

В Пруссии благодетельное правительство подобно в сем случае солнечным лучам, извлекающим влагу из земли для того только, чтобы после оживлять ее же благотворными дождями. Генерал приказал казакам, за нами приехавшим, помогать жителям тушить пожар, говорил много с пострадавшим Саксом, дал ему горсть червонцев — и мы уехали.

29 марта. Бунцлау

Саксония, прелестная Саксония отворяет нам врата и объятия свои. Мы идем к Эльбе. Скоро, может быть, встретимся с неприятелем и обагрим кровью расцветающие долины прекрасной земли.

Марта 31. Саксонский город Герлиц

Восхищенный прекрасным местоположением Герлица, забыл я всю усталость, проехав рысью от Бунцлау досюда 40 верст верхом в

шесть часов времени. Какой прекрасный городок!.. Он уже в тех местах, которых величественные, живописные виды восхищали нас в отдаленной картине, когда мы любовались ею, гуляя по окрестностям Бунцлау. Город на высоких холмах. Светлая река Нейсе, в обработанных, как сад, берегах своих, извивается у подошвы оных. По всей крутизне берегов дома, одни над другими на уступах возвышений построенные, составляют прелестнейшую для глаз картину. Главная улица очень широка и, равно как и все прочие, вымощена камнем. Дома превысокие, в 4, 5 и 6 этажей. Почти во всех свет входит с самого верху во внутренние коридоры, как будто с неба в глубокую пещеру. Женский пол здесь прекрасен. Поселянки, с алыми повязками на голове, белизною лиц, румянцем и даже самою одеждою походят на наших приволжских красавиц. Из Бунцлау по дороге в Герлиц, виды переменяются, как *Китайские тени*. Сперва идешь полями, потом встречаешь леса, а влево беспрестанно видишь цепь исполинов.

В течение шести часов были мы в трех разных державах: в Силезии, Богемии и Саксо-

нии. Прилежащая здесь часть Богемии лесиста и мало населена.

Лишь только успел я написать к тебе эти строки, как послышался на улицах страшный шум. Немцы звонили в колокола и кричали: «Feuer!» Пламя вспыхнуло в предместьях, и ветер начал раздувать его; но деятельность немецкая и бывшие тут Ахтырские гусары вскоре утушили пожар. Генерал Милорадович особым приказом благодарил ахтырцев за расторопность и усердие. Между тем как Александр Первый идет потушить всеобщий пожар Европы, западными ветрами развеваемый, войска его гасят пожары городов в сел: подданные достойны государя!..

По известиям видно, что наполеонцы отступают за Эльбу. Партизаны: Давыдов, Орлов и Гейсмар оттеснили неприятеля от Дрездена, и первый из них вступил в столицу сию с своим отрядом. Французы, кажется, дышат разрушением! Изящнейшие памятники искусств и художеств, пощаженные стихиями и временем, не избегают их злости. Давуст велел подорвать прекраснейший в Европе Дрезденский мост. История напишет имя его на свин-

цовой скрижали подле имен Герострата и Омара.

Какое печальное известие! Говорят, что Светлейший Князь очень занемог и приостановился в Бунцлау. Но лучшие доктора при нем: известный искусством и опытностью Вилье; Гуфланд, так прекрасно писавший о возможности продолжить жизнь человеческую, в прочие. О! Да продлят врачи сии дни мудрейшего и счастливейшего полководца наших времен! Россия и войска молят о сем. Се-го желает Европа; а мы будем надеяться!

1 апреля. Бауцен

«Хочешь ли увидеть большую часть Саксонии и многие поля сражений Семилетней войны у ног твоих?» — шепнуло мне *любопытство* при выезде из Герлида и повело на Ландскрон. Гора сия, за несколько верст прежде нами виденная, отстояла теперь от большой дороги не более версты. На самой вершине ее мелькало что-то похожее на пень или небольшой столп. Я своротил влево с дороги и поскакал к ней. Две высокие, довольно острые скалы, вверху разделившиеся, а подножием имеющие большой круглый холм,

образуют гору. От нижней подошвы холма до подошвы скал ехал я полным шагом на лошади $1/4$ часа, а на скалы взбирался ползком 23 минуты. Вот основания, по которым можешь вычислять высоту Ландскрона. Не забудь только, что шаг лошади и человека изменяется по мере крутизны возвышения: он несравненно менее того, который делается на ровной плоскости. Труды мои совершенно вознаградились. Как весело возвышаться! С каждым шагом вверх новью очарования!.. Отдаленности исчезают, предметы сближаются, края горизонта поднимаются как театральная завеса.

Невидимое становится видимым.

Чем выше всходим, тем более унижаются окрестности. Герлиц, расположенный на горах, казался на гладкой равнине; все прочие холмы исчезали, и обманутому взору на далекое пространство представлялось повсюду гладкое поле. Одни только исполины и снежноглавые горы не хотели уступить Ландскрону и гордо неслись к облакам. День был пасмурен; это много мешало; иначе, как говорят, можно б видеть оттуда Дрезден почти за сто

верст. То, что издали казалось на горе небольшим столбом, была высокая башня, на которую взойдя по крутой лестнице, еще далее видишь. На самой вершине сей горы прекрасный колодезь чистой воды обложен диким гранитом: вот чудо природы! Одна она умеет возносить воды на вершины гор. Воздух отменно свеж и даже студен. Некогда на высоте горы сей был замок. Воинственные толпы гуситов, предводительствуемые грозным полководцем своим, владели им. Война разрушила стены замка, а время истребило и следы его! Сколько раз земля Саксонии напитывалась кровию и устилалась трупами! Древние походы Карла Великого, тридцатилетняя брань и война семилетняя с свирепством опустошали эту прекрасную землю.

Дрезденская дорога очень неширока; но везде, где грунт не песчан, вымощена камнем. Сколько трудов!

Если б какая-нибудь волшебница захотела потешить вас и выдвинуть на дорогу, по которой будете ехать, как можно более господских домов, прекрасных городков, садов, прелестных деревень, картинных видов, то все это не

было бы лучше Дрезденской дороги.

Поздно вечером приехали мы в Бауцен, также очень красивый город, имеющий более 5000 жителей. Граждане встретили генерала приветствием и прекрасною музыкой. Бауцен имеет 500 человек городской гвардии.

2 апреля

Сегодня поутру является к нам городской гвардейский солдат, в зеленом мундире, и просит очень учтиво, чтобы отпустить четырех лошадей, которые привезли вчера чемоданы наши; а на место их вызывается представить нам тотчас свежих, которые уже заготовлены в городе. Было ль бы кому дело до обывательских лошадей в другой земле?

В Польше, например, об них совсем бы забыли, надобно самому кричать и требовать; а без того лошади и подводчик прежде умрут с голоду, нежели их переменят. А здесь солдаты обходят нарочно все квартиры и везде сами переменяют лошадей. Какая заботливость! Какой порядок! Нет ни ссор, ни взяток, ни притеснений. Солдат, так много заботящийся о пользе и спокойствии гражданина, заслуживает уважения, хотя б и никогда не был на

поле сражения.

В Саксонии теперь нет ни короля, ни министров: они все уехали; а все и без них идет так хорошо! Во всем такой удивительный порядок! Отчего бы это? — Об этом надобно писать пространные рассуждения; главная же причина есть та, что всякий твердо знает должность свою и привык исполнять ее. *Порядок* в государстве то, что *маятник* в часах.

Каково нам здесь теперь?

Климат лелеет нас. По прекрасной дороге, среди прелестных видов, под пением птиц, едем далее и далее вперед. Нас встречают, как избавителей. Входишь в дом, на квартиру, — все готово. Добрые хозяева принимают нас, как любезнейших гостей. Неотступно спрашивают: что угодно есть и пить; в котором часу прикажешь завтра будить себя; какой приготовить завтрак и на сколько особ? В комнатах все так порядочно, чисто! Прелестная хозяйская дочь играет на фортепиано, на гитаре, поет, показывает свой *альбом* и рисунки — и вдруг потом очутится на кухне, помогает готовить кушанье. Таковы немки! У нас это странно, но к ним очень пристало: это

делает прекрасных еще прелестнее. В самом деле, в Саксонии нет почти женщины, которая не была бы прекрасна, если не лицом, то стройностью стана и множеством приятностей. Здесь пришлось к слову и нельзя не заметить, что предки наши, коренные русские, воспитывая дочерей своих в чистоте нравов и страхе божием, приучали их с молодых лет заниматься хозяйством, *заведывать всем домом*, избегать праздности и быть всегда в трудах. Прежде всякий надеялся найти в жене своей верную подругу, домовитую хозяйку и нежную детям мать; а теперь?..

В Бауцене течет Шпрее еще в младенчестве, ручейком; исток ее в Богемии; а в Берлине имеет она красу и величие реки. Почти во всей Саксонии на каждый квадратный миль считается по 4000 жителей; каково население!

Наши заниматели квартир уже в Дрездене. Некоторые из адъютантов едут прямо в Дрезден. Иду сейчас просить у генерала позволения ехать туда же. Хочу взглянуть на столицу Саксонии прежде, нежели придут в нее войска и суеты.

Апреля 23, поутру рано. Дрезден

«Дрезден, Дрезден хочу я видеть!» — сказал я вчера сам себе; сел на быстрого донца и помчался вместе с другими по прекрасной дороге в столицу Саксонии. Перо и кисть выпадут из рук, если станешь описывать ближайшие окрестности Дрездена. Чтоб иметь о них понятие, представь, что сам Робертсон, со всею своею фантасмагориею, летит пред тобою и раздвигает одну за другой прелестнейшие картины. Вот прекрасная роцца! Вот тучная, свежая долина! Вот пространное зеркало воды, спокойно лежащее на шелковой зелени луга! Вот овраг глубокий: берега его круты и скалисты, он наполнен прекраснейшими плодовитыми деревьями. Как восхищает здесь природа своею величественною утрюмостью, священной мрачностью; но искусство закралось в ее святилище: оно провело дорожки — и они белеют; постлало цветущие ковры зелени — и они улыбаются; разбросало по речкам и ручейкам красивые мостики — и они очаровывают взор! Прибавь к этому дворцы, палаты, в древнем и новом вкусе, — и будешь иметь, хотя очень темное, понятие об окрест-

ностях Дрездена, великолепному саду подобных. При въезде в город нет ни огромных старинных ворот, ни черных башен, ни стен, ни валов. Мы вошли в Нейштат гуляючи, как в Летний сад. Светлая луна, как будто любуясь прекрасною столицею, смотрела на нее полным лицом и щедро рассыпала серебряные лучи свои. Широкие улицы, дома, одни других прекраснее, и длинные аллеи каштановых и вишневых деревьев манят нас к себе. Прелестная Эльба издали улыбается. Подходишь ближе — и слышишь шум и ропот ее: она жалуется на жестокость французов, сорвавших самые лучшие перла из ее ожерелья. Вот этот удивительный мост! Из дикого гранита, на высочайших сводах, с железною решеткою. Сколько Эльба украшает окрестности Дрездена, столько мост сей украшает Эльбу. Но время кончить: кладу перо; едем встречать войска. Прощай!

Дрезден. Картинная галерея

Наконец и я увижу то знаменитое собрание картин, о котором так много писали иностранные и даже русские путешественники; которое известно в Европе, славно в Герма-

нии и не напрасно обращает на себя внимание знатоков. Вхожу, изумляюсь; восхищен; рассеян... Сколько изящного! Сколько поучительного для художников! Сколько редкого для знатоков! Сколько прекрасного, поразительного для всякого, кто имеет глаза!.. Придя в себя от удивления, спешу рассматривать не по очереди, не по порядку, а просто, что больше приглянется. Вот ближе всех к нам какая-то историческая картина, завешенная куском прозрачной кисеи. Чтоб лучше рассмотреть ее, один из моих товарищей хочет вскрыть занавеску, но — она нарисована, и, право, можно обмануться: так живо!.. Это работа Конто-ди-Ротара. Он рисовал что-то историческое — не удалось, поленился поправить — и набросил занавеску. Такие картинки называются игрушками в живописи, как *триолеты* в стихотворстве. Но великое дарование сего живописца открывается в полном блеске — вот здесь. Хотите ли видеть новорожденного Христа, видеть умиление, с каким невинная дева Мария, чудесно ставши матерью, смотрит на божественного младенца; видеть удивленного и благоговеющего

Иосифа: все это здесь в картине Конто-ди-Ротари. Вообще все превосходно; но что удивительно, неподражаемо, — это сияние светлого нового месяца. Так! Первая Луна, явившаяся по сотворению мира, конечно, не была светлее этой.

Посмотрите только, как прелестно сияет этот полумесяц с голубого эфира сквозь густую зелень листьев, из которых каждый особо различным образом посребряется! Он светит чрез лицо Иосифа, прямо на младенца. Что это за сияние! Как описать его вам? Не знаю. Стою пред картиной — восхищаюсь; ухожу — дивлюсь и сам себе не верю, точно ль видел я это на холсте.

Надобно думать, что живописец, может быть с помощью какой-нибудь благодетельной волшебницы, в прекраснейшую летнюю ночь схватил несколько самых прелестнейших лунных лучей, рассыпал их по картине и приковал к холсту: красками, право, кажется, нельзя сделать такого чуда. Это точно тихий небесный серебро-палевый свет луны. Он превосходит пылание фосфоров в темноте ночной. Смотрите сами, как он все украшает, ка-

кую прелесть прядает картине! Иосиф, у которого лучи его скользнули по лицу, становится величествен; Мария, которой они коснулись, — небесною, святою супругою божества. Младенец мог бы казаться сыном человека, но эти лучи *обоготворяют* его. *Дитя*, погруженное в столь чудесное серебряное зарево — есть *божество!* Оно прекраснее самих ангелов, которые, спорхнув с неба, парят и плавают над ним в лиловом отливе. Таково-то искусство *освещать картины*: оно есть душа их. «Кто не видал Корреджиевой „Ночи“, тот может иметь о ней понятие, смотря на эту картину». Так сказал нам один из надзирателей. Какова же должна быть «Ночь» Корреджиева?

Хотите ль видеть, как Людовик XIV ездил прогуливаться, на охоту, или, окруженный своими полководцами, министрами, придворными, великими художниками, славными авторами своего века и прекрасными женщинами, входил в покоренные им города? Взгляните только на картины Вандернейлена, который всегда сопровождал этого государя во всех его подседах. Смотрите, какое мно-

жество лиц: но каждое у своего места, каждое имеет свои собственные черты; и все так хорошо окончено, так искусно выработано!

Здесь веселая толпа *фламандских крестьян*; да у них какой-то праздник. Как живы, выразительны их лица! Какое простодушие! Какая беспечность! Им ни до чего дела нет. Кажется, что кубки их наполнены *водою* из Леты — пьют и обо всем на свете забывают! Вот тучные, зеленые луга, каких я мало видел. Вот хоровод девиц и молодых людей; они пляшут, я это вижу; они и поют: послушаем. Но это ведь картина; *голосу* не может нарисовать и сам Теньер, который так превосходно рисует фламандцев.

Вот Рубенсовы картины. Вы видите лесистое местоположение, африканскую пустыню, где охотники сражаются со львами. Видите ли вы убитую львицу?.. В кровавой пасти ее молодой львенок, которого она хотела спасти. Но вот, о ужас! лев бросается из-за кустов, делает прыжок, и он уже на лошади и схватил сзади охотника, и давит, и терзает его!.. Вы хотите бежать на помощь к охотнику, но боитесь льва. — Так живо изобразил то и дру-

гое Рубенс.

Вот его же: пьяный Геркулес с вакханками. Один только Рубенс, смелою кистию своею, может написать огромного Геркулеса и заставить его балагурить с полупьяными красавицами. Смуглый *козоногий* Сатир, гуляющий в этой же пирушке, любит свою кружкою и странною улыбкою смешит и собеседников и зрителей.

Вот кухня. Сам Рубенс, бледный, сухощавый, с острыми глазами, — в виде повара; а третья жена его, полная, свежая, румяная, — в виде кухарки — придает вкус блюдам, готовя их своими белыми руками.

Иногда трагики пишут мелкие стихотворения, которые нравятся какою-то особенностью. В живописи бывает то же. Рубенс, будучи посланником в Испании, вздумал нарисовать вид *окрестностей Эскурияла*. Но кисть его не умеет рисовать улыбающейся природы. Деревья без зелени, луга пасмурные, горы угрюмые, и туман, дымящийся в воздухе. Говорят, что эту картину рисовал Рубенс; какое ж ее достоинство? — То, что всякий испанец, видевший ее между тысячью других, воскли-

цал: «Вот наш Эскуриял!» Так верно умел снимать Рубенс!

Но положим, что он видел Эскуриял, и потому так верно нарисовал его. Где ж, скажите, мог он видеть, как Нептун усмирял бунтующие ветры на море? Разве не срисовал ли он этого с превосходнейшего древнего живописца — Вергилия? Посмотрите, посмотрите, как страшно волнуется море! Как сердиты волны: они ревут, шумят; одни других теснят, гонят, поглощают!.. Как пышат и бесятся кони Нептуновы, запряженные в огромную морскую раковину; как крутятся вихрями пески, камни и чуды морские! Ух! Как всколыхались эти пенистые волны; кажется хотят выплеснуть и затопить нас всех. Черная пучина ярится, и корабли, *урча и клокоча, со щеглой поглощают.* А ветры так свистят, так дуют, что кажется, скоро сорвут и унесут картину; но Нептун здесь! Он грозно потрясает трезубцем, и свирепость укрощается, и морские красавицы оставляют подводные пещеры свои, чтоб посмотреть на свет, а тишина улыбается сквозь разодранные тучи. Воображение любит эту бурную картину, но жалеет, что она

стеснена рамами: это то же, что прекрасный стройный мужчина одет в короткое и тесное платье. Восколебавшиеся волны, кажется, ударяют в рамы, ропщут, шумят и просят *пространства*, которого в картине недостает. Впрочем, она лучшая из всех Рубенсовых в этой галерее. Смелость кисти и удивительное подражание природе суть *печатию* творческого духа этого живописца.

Вот и Жорданса, воспитанника Рубенсова, *Симеон во храме*. Тотчас видно, что он не Рубенс; но какова голова у Симеона, воздевшего очи горе, как хорошо она нарисована, с каким выражением, то вряд и сам Рубенс нарисовал бы такую.

А вот опыт голландского терпения. Взглянем на эту маленькую картинку, представляющую фламандского крестьянина в его избе. Надобно только смотреть не простыми глазами, а в увеличительное стекло. Не правда ль, что это удивительно выработано?.. Вы можете перечесть, до одной, все петельки в чулках; даже видно, что они штопаны. Переведите стекло повыше на фаянсовую кружку — и подивитесь ей.

Каждый рубчик, каждый обручик в узоре, который обыкновенно бывает на пивных кружках, отделан в ней удивительно. Вот что значит быть великим в мелочах!

Портреты Ван-Дейковы удивят вас чрезвычайною выразительностью, живостью в лицах и мастерскою отделкою. Но Ван-Кейленовы не уступят им: он имел истинное в сем роде дарование.

Кто там в латах, с смуглым, сухощавым, бледным и мрачным лицом, смотрит на нас такими глазами, которые показывают большую остроту ума и великую кичливость сердца, хитрость, свирепость и жадность? Это хищник короны — Кромвель. Кажется, Ван Дейк писал его в те минуты, когда он, поправ престол королей, мечтал о покорении всей Англии.

Здесь что такое? Афинская площадь. Что за чудак на ней с нечесаными волосами, с странным лицом, одет растрепую, с дубиною в одной руке и с фонарем в другой? Это Диоген. Прямой циник! В белый день ходит со свечою и ищет, кого бы вы думали? Человека! Картина эта представляет опыт кисти Жака-Жор-

данса — и он прекрасен! Я вижу, как *народ* толпится около циника, и он в целом народе не находит человека. Подходят жрецы, судьи, философы, ораторы; он видит в них лесть, корыстолюбие, притворство, надменность, подлость, ложь — и не гасит свечи. Видит скупых богачей, богатых плутов, чиновных невежд — и не гасит свечи. Вот блестящая толпа! Подходят старейшины афинские, владеющие судьбою Афин; свеча не гаснет и для них. Но вот, наконец, скачет на бурном коне, в блестящих латах, в лавровых венках, прославленный народом, возвеличенный ораторами, победоносный герой. Ну, циник! Это ль не человек? — «Нет! Это истребитель человеков! — думает Диоген, — я вижу в нем беспокойный нрав, слепую страсть к громкой молве, стремление к честям; ухо его всегда открыто лести, сердце — честолюбию, он жаждет крови и славы: это не мой человек!» — И свеча все горит. «Не богиня ли это!» — говорит страстный любовник, указывая на свою красавицу. «Если богини могут быть ветрены, злы, лукавы и вечно притворны», — отвечает упрямец и не гасит свечи. Да погаси хоть из учтивости! Но тот,

кто не хотел видеть Александра и кого сам Александр ходил посмотреть, — не знает учтивости — не гасит — и свеча горит до сих пор!

Живописец *Роза*, прозванный Тиволи, потому что жил долго в этом месте, насмотревшись на прелестные окрестности Рима, запечатлев в воображении все изящные виды Италии, рисовал прекрасно цветущие долины у подножия древних развалин, живописные берега морей, где солнце с высокого неба, бросая лучи свои на вечную зелень рощей итальянских, золотит плоды их; рисовал беспечных пастырей и пестрые стада. Смотря на картины его, хочется побывать в Италии!..

Вот прелестное дитя! Не ангел ли это за стеклом? — Нет, это Менгсов Амур. Какая белизна в этом милом личике! Какой румянец играет на его полных щечках! Он так нежен, как самый приятный отлив зари на листках лилия. Как прелестны эти синие васильковые жилки, искуснейшею кистью проведенные! А губы? — их описать нельзя. Они волны, мягки, свежи, как первый весенний розан. Светлые голубые глаза миловидного ребенка воз-

ведены к небу и не уступают ему в ясности. Полным беленьким пальчиком пробует он острие золотой стрелки, которуютолько что отточил на оселке, и думает, точно как говорит: «Она уж довольно остра!»

Здесь великий маршал Сакский. Лиотар изобразил его прекрасно. Читайте похвальное ему *Томасово слово*: смотрите на сей портрет — и знаменитый покойник оживет для вас.

Но вот другое творческое произведение сего мастера; *прекрасная шоколадница!* Я говорю прекрасная потому, что она так стройна, бела, румяна, так хорошо одета, так ловко подносит шоколад и имеет такие свежие карминные губы, что всякому хочется выпить шоколад и поблагодарить красавицу — поцелуем.

Отделка сей картины совершенна. Платье и фартуктак хорошо написаны, что кажется, можно их осязать.

Вот изображения во весь рост, в картинах самого большого размера, нечто благородное, нечто священное на лицах; яркие краски, искусное расположение, искусное смешение

цвета с тенями: все это вместе представляет нам разные происшествия из Священного Писания. Мы видим их как наяву: хвала Павлу Веронезу.

Не оставьте без внимания и картины кузнеца Анверского. Она состоит из нескольких лиц отменно выразительных, из коих каждое имеет свои особые примечательные черты; имеет на себе печать особых свойств и делает особую честь кузнецу — живописцу. Кто ж сделал его живописцем? — Любовь! Молодой кузнец влюбляется в дочь живописца, который иначе не хочет ее выдать замуж, как за человека одного с ним ремесла. Влюбленный кузнец оставляет наковальню, хватает кисть, призывает на помощь терпение, учится, трудится, успевает и, наконец, пишет картину, которая, сделав его счастливым супругом, перешла в потомство и привлекает теперь внимание любопытных путешественников в Дрездене. Любовь, которая так много чудесит в белом свете, сделала из кузнеца живописца. Кто был влюблен, тот верует в подобные чудеса.

А здесь что за несчастный в столь ужасных

муках? За какое преступление казнят его, или не страшную ли какую тайну хотят исторгнуть из глубины его сердца? Посмотрите, как мучится сей страдалец, по рукам и по ногам к столбу привязанный и поджигаемый снизу тихим огнем! Как страшно напряжились посинелые жилы его! Как выдались, как торчат кости и мускулы! Глаза несчастного закатились, пена на мертвых устах, зубы скрежещут, бледность на лице, грудь высоко вздулась. Кажется, слышишь, как лопаются жилы и трещат кости: так усиленно напряжение медленно сжигаемого! В некотором отдалении нельзя поверить, чтобы это было в картине, или, по крайней мере, чтоб эта картина была не лепная: так резки и глубоки черты, так превосходна рисовка, так смела кисть, так естественны все выпуклости. Кто же великий творец сей картины? Или я худо описал ее, или тотчас должно угадать, что она Микеланджелова...

Подивитесь искусству, с каким Гвидо-Рениева кисть изобразила здесь страждущего, истомленного и терниями увенчанного Христа. Как истерзали его мучители! Он весь из-

ранен, но кровь не течет уже более из его ран: она запеклась на них багровыми пятнами. Кажется, что он и страдать перестал, а смотрит только на небо в каком-то болезненном оцепенении. Заметьте, как кожа, от чрезвычайного расслабления, опустилась на руках его и лежит в длинных, бледных морщинах. Взгляд на этого Христа Спасителя подвигнет вас к ужасу, к жалости о нем и удивлению искусству великого художника.

Но хотите ль, наконец, видеть совершенную красоту — совершенную в полном смысле сего слова? Не ту, которая блесит в шумных кругах большого света, водит за собою толпы любовников и, гоняясь за наслаждениями, предается вихрям страстей и забав, блеская и исчезая, как светлое воздушное явление. Нет! Эта прелестная красавица убегает света, постигнув на заре жизни всю суетность его. Ни сладкий голос лести, ни пышный блеск мира, ни шум страстей не достигают глубокого ее уединения. Далеко от обольщений, приманок и сетей, живет она одна с богом, природою и собою. Какое безмятежное спокойствие запечатлено в чертах ее лица!..

Кажется, что уединение угасило в ней пламя всех страстей. Мягкие золотые волосы, сплетаясь с голубым покрывалом, лежат на белой груди ее, в которой покоится ангельское сердце. Теперь, как видите, отдыхает она на мягкой мураве у чистого ручья, услаждающего слух ее стройным журчанием. Прекрасная рожица склоняет над нею свежесть теней своих: она держит книгу и прелестно читает. Она задумалась — эта задумчивость придает ей новую неизъяснимо-очаровательную красоту. Кто ж эта прелестная дочь пустыни? Это Корреджиева «Магдалина». «Но это, что вы видите здесь, самое слабое подражание; а подлинник, вместе с Корреджиевою „Ночью“, увезен от французов в Кенигштейн» — так сказал нам надзиратель. Чтоб заставить ценить подлинник сей картины, то для знатоков довольно сказать, что она Корреджиева; чтоб привести каждого, кто б он ни был, в восторг, довольно показать ее; а чтоб заставить удивляться ей и самых скупых богачей-невежд, то стоит только объявить им, что за эту очень маленькую картинку заплачено 13 000 полновесных червонцев: почти 150 000

наших рублей!

Галерея статуй в Дрездене

Галерея статуй в Дрездене далеко не подходит к картинной: в последней подлинники, в первой только подражания. Есть тут, правда, группа Лаокоонова и Венера Медицис, но не те, которыми восхищался Дюпати. Венера, однако ж, прелестна и не в подлиннике: здесь видим ее тень; но и тень красоты прекрасна! Какая стройность! Какая улыбка! В каком сладострастном положении она стоит!.. Осязая статую, вы можете ощупать все выпуклости, которые должны быть на теле прекрасной женщины и которых глазами никак нельзя отличить. Эта Венера, кажется, стыдится; но стыдливость ее не есть стыдливость невинной Дианы. Венера Медицейская стыдится для того, чтоб привлечь более на себя взоров; отворачивается, чтоб показаться невинною; торопится будто закрыть одну часть тела, с тем чтоб больше обнажить другую. Это хитрая прелестница, обвораживающая взоры и воспаляющая чувства.

Галерея сия, по расположению своему, не совсем выгодна, при том и статуи не содер-

жат в чистоте: густая пыль затмевает их близину.

Оружейная палата в Дрездене

Тридцать комнат наполнены оружием всех времен и всех народов, начиная от первого пистолета, изобретенного Шварцом, до оружия нашего времени. Здесь увидите вы также и конские уборы. Некоторые из них очень богаты, ибо украшены дорогими камнями, бисером, жемчугом и проч. Всего любопытнее рыцари с их бронями. Поверите ли, что были люди, которые носили на себе латы в 150 и 200 фунтов и в пять аршин длиною перья на шишаках. Один саксонский герцог носил вседневно вместо бумажного колпака железный в 20 фунтов. Нам, питомцам неги, кажется это теперь невероятным, баснословным; но я видел в Дрезденском собрании естественных редкостей принадлежавшие драбантам[33] герцога Августа второй руки, которые путают своею величиною, — после этого начинаю верить, что можно носить на себе 200 фунтов железа. Чтоб увидеть рыцарей в полном их облачении и со всеми причудами, то войдите в ту комнату, где представ-

лен поединок Августа I Саксонского и Альбрехта Австрийского. Оба, обремененные 200-фунтовыми бронями, пятиаршинными перьями, с трехсаженными копьями, с головы до ног в черном, выезжают на смертный бой. И сии богатыри, сии железные люди умели любить и быть нежными! Тут есть множество разнообразных щитов, из которых на каждом *надписи в честь любви и красоты.*

Собрание естественных редкостей в Дрездене

Вот место, в которое вхожу с благоговением. Здесь собраны неисчислимыя чудеса природы. Моря Европы, пустыня Африки, леса Америки выслали сюда все, что имели редкого. Все, что открыто великим Линнеем, описано красноречивым Бюффоном и созерцаемо было глубокомысленным Боннетом, представляется здесь глазам. В роде пернатых можете вы здесь видеть всех, начиная от прелестной крошечки колибри, которая едва ли больше пчелы, до огромного страуса, бывающего ростом выше лошади. Подле каждой птицы видите гнезда и яйца ее. В роде животных можете видеть всю цепь оных от горно-

стая до слона. Галерея, имеющая сии драгоценности, пространна и светла. Сто огромных шкапов не вмещают еще в себе всех редкостей. Я видел здесь вторую природу во всей разнообразности и пестроте ее. Не имев более часу времени для рассматривания, осмелюсь ли описывать подробно то, на что едва взглянул мимоходом? Нет! Я намекну только о том, что более привлекло на себя общее внимание зрителей.

Примечательнейшие вещи:

1) Рисованные природою цветы, деревья и целые ландшафты на камнях. Камни сии, будучи еще в мягком состоянии, получили такие впечатления от прилепу к ним листьев и проч.

2) Отменно большой магнит.

3) Окаменелый дуб в окружности две сажени, открытый в земле близ Кемница в 1752 году. Сколько надобно было столетий для превращения в камень этого дерева!

4) Большой отломок окаменелой пальмы. Сие тем чудеснее, что пальмы вовсе не растут в Германии.

5) Крокодил (окаменелый). Найден в Штут-

гарде. Ужели и Германия была некогда землею пальм и крокодилов? Последний доказывает, что там, где он найден, было море. Так много есть доказательств тому, что большая часть Европы была дном океана. Было время, когда шумели моря в тех местах, где теперь блистают города и цветут долины. Едва ли самый дерзкий ум постигнет все изменения природы.

6) Четыре огромных статуи из кипарисового дерева. Прикосновение к ним сообщает благоухание рукам. Каждая стоит тысячу талеров.

7) Отаитские материи, подобные нашим кисеям, выбиты молотком из мягкого тамошнего дерева. Нужда творит чудеса!

8) Парадная лошадь Августа II, имеющая хвост длиною в 12 аршин, а гриву в 9.

9) Боа, или исполинский змей, — длиной в 19 локтей.

10) Большие коралловые деревья.

Здесь же в особой комнате с особенным любопытством рассматривали мы чудесный образец храма Соломонова, сделанный некогда в Гамбурге сенатором Шодом. Петр I изме-

рял его своими руками и предлагал за него 60 000 рублей. Наследники Шода продали редкость сию Августу Саксонскому за 18 000 талеров. Сторона квадрата в подлинном храме имеет 800 локтей; по уменьшенному размеру образца локоть принят за вершок — и сторона его имеет 800 вершков. И это немало для образца! Все части, даже самые мелочи, отделаны с наибольшим тщанием. Здесь же можно видеть все обряды иудейские и богослужение их в пустыне, представленное в лицах. Любопытнее всего собрание всех и даже самых мелких принадлежностей иудейского Синагога. Если б когда-нибудь буря превратных случаев истребила весь сей народ, то здесь можно найти все его обряды и установления. Это стоит, однако ж, недешево, ибо за написание пяти только Моисеевых книг на пергаменте заплачено 2000 талеров.

Дрезден. 9 апреля

Все лучшие картины и драгоценнейшие редкости увезены из Дрездена в известный по неприступности своей замок Кенигштейн. Я спешу, в свободные от должности минуты, взглянуть в лучшие здешние сады. Сегодня бы-

ли мы в саду и доме кабинет-министра графа Марколини. Сад этот очень приятен, потому что очень прост. В нем отличается огромный водомет[34], украшенный колоссальною группою баснословных статуй: морские кони, дельфины и проч. льют и брызжут воду реками. Такая же группа, в малом размере, сделана из фарфора в стеклянной галерее дома. Дом министра украшен также преимущественно одним вкусом и простотою; роскошь изгнана из него. Под окнами огромные клетки с серебряными и золотыми фазанами; последние, с пламенно-розовыми перьями на груди, с лазоревыми крыльями и золотыми гребнями, прелестны. В одной зале нарисованы на стенах все важнейшие случаи в жизни самого Марколини. В одном месте видишь, как он застрелил дикого кабана, уже бежавшего растерзать его. В другом представлено опасное падение его с лошади, испугавшейся дикого зверя на охоте. Далее, в горах Италии, Марколини, застигнутый разлитием вод, оставляя свои экипажи, с женою и прекрасною дочерью переправляется чрез горные потоки на мулах. Вот способ напоминать себе

достопамятные случаи своей жизни.

Народ саксонский принимает русских с почетом и сердечною радостью. Многие отцы приглашают русских офицеров крестить новорожденных детей своих. Словом сказать, тут не знают как принять, почтить нас. О, добрый народ саксонский, как не сражаться за свободу твою!.. Все русское входит здесь в употребление. На многих домах надписи немецкие написаны русскими словами, а на иных и совсем по-русски, например: «Потешные палаты его королевского высочества герцога Максимилиана». Это королевский брат. Неоспоримо, что слава народа придает цену и блеск языку его. Слава сия утверждается победоносным оружием. Теперь уже всякий саксонец имеет ручной российский словарь — и скоро, скоро, может быть, — как сладко мечтать о сем! — богатый язык великого отечества нашего загремит на берегах Эльбы — и там, где победа украшает лаврами знамена народа русского, станут читать русских писателей; станут дивиться Ломоносову, восхищаться Державиным, учиться у Шишкова, пленяться Дмитриевым, любоваться Карамзи-

НЫМ!..

Генерал Милорадович устроил так, что авангард наш в течение трех дней разными отрядами проходил через Дрезден, дабы тем увеличить число войск в глазах жителей. Отряд графа Сент-Приеста, кавалерия и пехота, в три разные дня имели три торжественных входа в город. Сам генерал Милорадович каждый раз выезжал навстречу войскам, сопровождаемый блестящим и многочисленным конвоем. Жители бегали толпами и кричали: «Ура!» Сие троекратное прохождение войск показало авангард наш весьма многочисленным. Но в самом деле, дух, бодрость и свежесть войск не заменяют ли многочисленность?

Известный прусский генерал Блюхер, генерал Витгенштейн и все партизаны наши сосредоточиваются за Эльбою. Наш авангард займет Фрейберг и Хемниц. Наполеон уже опять при своих войсках — скоро может дойти до дела. Но покуда услышим вблизи рев смерти и свист пуль, сходим в великолепную католическую церковь послушать превосходной музыки — сегодня их страстная суббота.

Оратория[35]

Оратория была торжественна. Превосходный певец и более ста музыкантов составляли величественный оркестр. Пение удивительно, музыка прекрасна. Много было звуков знакомых, но некоторые совсем новые. Они уносили с собою дух мой к небесам, погружали ум в какую-то уныло-сладостную мечтательность и заставляли забывать все земное. Есть нечто очаровательное, нечто неизъяснимо утешительное для человека в поэзии, живописи и музыке. Поражаясь великолепным и разнообразным слиянием звуков, то треск громов, то воздыхание зефиров выражающих, я очень ясно понимаю, как Тимотей двигал чувствами завоевателя, которого не смягчали смертные стоны целых народов. Начинаю даже верить, что американский змей и африканская гиена могут умягчаться музыкою.

10 апреля. Дрезден

Все войска авангарда уже пошли к Хемниццу. Генерал Милорадович и мы все спешим вслед за ними. Завтра, или через два дня, будет сюда сам государь с главною армиею. И

Светлейший Князь, если ему сделается легче, не умедлит обрадовать народ и войско при-бытием своим сюда же.

Я сейчас от генерала. У него завтракал министр Балашов. В разговорах о разных заведениях, свойствах и обычаях немцев он сделал весьма остроумное замечание о медлительности их в умственных соображениях. «Войдите в лавку к немецкому купцу, прекрасно одетому и воспитанному в каком-нибудь университете; возьмите у него разных товаров на сто талеров; велите сделать счет, и ему нужно четверть, а иногда и полчаса для вычисления: он считает и пересчитывает, тогда как русский бородач поводит перстами по счетам и в пять минут скажет вам, сколько ему следует». Нет ничего справедливее такого замечания.

Невольно отдашь справедливость и тому, кто сделал его. Всякий русский душевно радуется, что министр его отечества с таким вниманием всматривается в нравы, обычаи, образ жизни и учреждения чуждых народов, замечая все могущее быть полезным для своего. Бог одарил русских острым умом, а Россию всеми дарами своими. Она должна быть

счастлива!

14 апреля. Хемниц

Из Дрездена ехали мы чрез Герцогс-Вальд, Фрейберг, Одеран, Хемниц. Фрейберг, кроме бывшего при нем сражения в Семилетнюю войну, достопамятен еще славными рудокопами. Горное искусство доведено там до высшей степени. Профессора преподают науку о ископании руд. Из разных частей света приезжают ей учиться. Здесь целый горный народ. Шесть тысяч человек беспрестанно роются под землю. Дети наследуют отцам в их искусстве и в их болезнях, ибо всякий горный работник — бергман — в тридцать лет получает уже горную чахотку. Это доказывает, что для блага человека несравненно полезнее обрабатывать поверхность земли, нежели рыться в глубине ее!

Хемниц, прекрасный городок, славится редкими своими фабриками и красотой женщин. Здесь есть также, как в Варшаве, ванны, но с тою выгодою, что можно купаться в какой вам угодно воде: в Теплицкой, Карлсбадской, Пирмондской и проч. Сегодня сидели мы в морской ванне; завтра будем купаться в

железной; а пьем всякий день Зельцерскую воду. Кто захочет, может купаться в ароматах. Но теперь не время нежиться: уже гремит труба, зовущая нас в огонь сражений. Правда, роскошные осаждатели Трои, как говорит Гомер, из купален ходили в бой, а после боя погружались в аромат ванны. Но то было время, если оно когда-нибудь было, — а теперь иное! Грязное поле, труды и непогоды: вот наша участь!

15 апреля. Хемниц

Я был в механическом мире. Что за чудеса искусства! Какое облегчение в ручных работах, какая польза для промышленности та прядильная машина, которую я сегодня видел. Огромнейшее здание, в несколько этажей, занято этою машиною. Входите и удивляетесь, видя такое множество бездушных вещей в движении. Там крутятся колеса, там обращаются валы, там стучат берда и гребни; множество ремней, как облака, волнуются вверху под потолком и помогают движению валов и колес. Сотни веретен в быстром кружении прядут очень тонко хлопчатую бумагу. Шум, треск, стук и скрип наполняют все зда-

ние. Здесь все шевелится, ходит, движется, живет; а причиною движения — большое горизонтальное колесо, весьма несильною водою, из небольшого озера вытекающею, в действие приведенное. Сие-то колесо заставляет крутиться в трех ярусах множество валов, шестерней, бесконечных винтов и тысячи веретен. Каждое отделение имеет по несколько станов; каждый стан по несколько десятков веретен и колесо, движущее его. Здесь весят, бьют, очищают, прядут и подводят под пробу бумагу. Прекрасное заведение, прекрасная работа; но всего прекраснее — работницы! Это прелестные молодые девушки из Хемница... Каждая из сих трудолюбивых красавиц может получать до двух талеров в неделю: в два, три года может составить себе хорошее приданое. Вот редкая выгода для нравов! Вот способ для предохранения беззащитной невинности от нищеты, влекущей к разврату. Скромная девушка работает несколько лет на фабрике, получает через то приданое, выбирает молодого человека по сердцу, выходит за него по любви и, приученная к трудам, становится попечительною хо-

зьякою, верною женою и доброю, заботливою матерью семейства: праздность, роскошь и рассеянность не заражают ее своими отравами. Фабрика, нами виденная, принадлежит господину Бекеру. У него же и ситцевые, которые не уступают английским, фабрики. Везде торжество промышленности, труда, искусств и художеств.

Все движется!.. Главная квартира авангарда переходит в Пенниг, три мили вправо от Хемница, конечно, для того, чтоб сосредоточиться более с Блюхером, находящимся в Альтенбурге. Французские аванпосты между реками Салою и Эльстером. Маршал Ней в Веймаре. Наполеон сам при войсках своих.

Посмотри на карту, ты увидишь, что Хемниц, Пенниг и прочие саксонские городки означены небольшими, едва приметными кружочками. Распространи их воображением своим, наполни прекрасными домами, садами, фабриками, обведи картинною цепью холмов и насели добрейшими людьми — тогда будешь иметь понятие о таких городках, из числа которых и Пенниг, где мы только ночевали.

Апреля 18. Альтенбург

Оставя в Пенниге все обозы, все тяжести, мы подвинулись еще вправо в Альтенбург с тем, чтобы, заняв близ него позицию, ожидать неприятеля. Альтенбург — пространный и великолепный город герцога Гот-Сакского. Всего примечательнее в нем огромный старинный замок на высочайшей скале, имеющий, в основании целый холм дикого гранита. В сем замке показывают, в числе прочих редкостей, окно, чрез которое украдены были малолетние Альберт и Эрнест, дети герцога. Случай этот достопамятен в саксонской истории, ибо от них произошли две наследственные линии — альбертинская и эрнестинская.

19 апреля поутру. Альтенбург

Наконец сбылись мрачные предчувствия, оправдались печальные догадки: неумолимой судьбе или непостижимому провидению угодно было лишить нас великого человека!.. [36] Его уже нет!.. В Бунцлау прекратилась жизнь мужа знаменитого. Давно ли, вызванный из глубокого уединения общим голосом народа, восстал он от бездействия и ополчился великим умом своим на защиту отечества?

Давно ли грады и области называли его спасителем? Матери несли младенцев, и внуки вели дедов своих, чтобы удостоиться его лицезрения? Давно ли сам государь назвал его Светлейшим и фельдмаршалом? Еще не обсохла кровь врагов, пролитая им на полях Бородинских; еще не истлели трупы, которыми устлал он великое пространство от Оки до Немана; еще блещут трофеи, им собранные, зеленеют лавры, им пожатые; еще не успела обтечь круг земной слава, вещая о нем... А его уже нет!

Что ж значит в мире сем слава? Что значит величие людей?.. Песнопевцы земли русской! Предайте потомству стоны соотчичей своих в печальных звуках ваших лир!

Взгляд на движение авангарда перед Люценским сражением

Около половины апреля неприятель начал показываться в больших силах близ города Наумбурга, известного в 30-летней войне, когда оружие гуситов гремело в Германии. Отряды и передовые посты его распространялись между реками Салою и Эльстером. Намерение его, устремиться на Лейпциг для расхи-

щения славной ярмарки, час от часу становилось очевиднее; а посему и все российско-пруссские войска сосредоточивались в окрестностях сего города. В это время авангард главной армии, под начальством генерала от инфантерии Милорадовича, из расположения своего при Хемнице, предпринимает косвенное движение вправо. В течение нескольких дней, следуя сему направлению и движением своим прикрывая все дороги в Дрезден, авангард рассылат вперед отряды до Цвикау, Плауена, Гофа, Лобенштейна и Геры для разведывания о неприятеле; а между тем постепенно приближаясь и Лейпцигу, занимает Пенниг, Альтенбург и Цейц, более или менее останавливаясь в каждом из сих мест.

20 апреля, в 2 часа пополудни

С первым лучом зари выступили мы из Альтенбурга в Цейц. Едва прошли милю, как услышали пушечные выстрелы. Чем далее подавались вперед, тем слышнее становились они; наконец облака дыма на краю горизонта, блеск обширного зарева и все признаки великого сражения представились глазам

нашим. Там, на дороге в Наумбург, близ Люцена, где уже один раз в 1652 году решалась судьба Германии и где путешественники привыкли останавливаться над памятником великодушного Густава Адольфа, там сражались теперь за жребий всей Европы. Наполеон с великими силами ломился к сердцу Пруссии. Российско-пруссские армии, под начальством графа Витгенштейна и генерала Блюхера, встретили его — и они сражаются!.. Авангард наш, с поспешностью достигнув Цейца, стал в боевом порядке на выгодных высотах вокруг оно́го. Жители их города и окрестных деревень идут толпами к нам в лагерь, неся добровольно вареное кушанье и вина. Солдаты паши готовы сражаться за счастье таких добрых людей и за прекрасную землю их.

В 6 часов пополудни

С высоты древнего и величественного замка в Цейце смотрели мы на сражение, кипевшее за две отсюда мили. Долго гром рокотал на одном месте. Наконец дым и выстрелы начали отдаляться — и все сердца наполнились приятнейшим предчувствием, что неприятель

тель отступает. Генерал Милорадович во все это время не сходил с балкона, прилежно наблюдая в зрительную трубу и взглядывая на карту. Еще в первый раз в жизни смотрел он на сражение, не участвуя в нем. Несколько раз объезжал он полки, спрашивал солдат, хотят ли драться, — и всеобщий голос был: ура! готовы, вперед! Я не знаю, для чего мы остаемся праздными свидетелями общего сегодняшнего дела: 15 000 лучших солдат, восемьдесят пушек и генерал Милорадович смогли бы сделать немалый перевес. Но говорят, что неприятель отрядил сильную колонну на ту дорогу, которую мы заслонили. Последствие все объяснит. Гром пушек опять усиливается, небо дымится! Народ и войска молят бога, да благословит он оружие правых, да увенчает славою победы императора и короля.

В сию минуту получил генерал Милорадович от партизана полковника Орлова рапорт, который, стоя с отрядом своим на высотах близ деревни Вебау, видел все сражение и в коротких словах уведомлял, что неприятель, беспрестанно получавший подкрепления, принужден, однако ж, был уступить нам на

целую милю пространства; но к нему подошли еще свежие войска, и сражение воспикело с новым жаром.

12 часов ночи

На городской башне бьет полночь; но спокойствие не водворяется в город. Все тоскует и волнуется. Войска готовятся к походу. Конница гремит по мостовым, проходя через город. Пехота еще в лагере. С наступлением ночи генерал Милорадович приказал развести большие огни, дабы внушить неприятелю некоторое опасение видеть на крыле своем новое войско. С нашей стороны огни в лагере, с противной — пылающие окрестности Люцена все небо обагрили заревом. Лошади наши оседланы, мы готовы. Два часа дозволено нам сдремать; с рассветом должны быть в поле и в деле. Прощай!

22 апреля. Местечко Фробург. Рано утром

Весь вчерашний день провели мы в движении. Будучи посылаем в разные места, я проскакал более шестидесяти верст и ввечеру едва не падал с лошади, которая и сама готова была упасть. В позднюю ночь уже войска наши, сделав весьма большой переход чрез

горы, ущелины и леса, прибыли наконец к Фробургу, где неприятель не мог нас ниоткуда отрезать. *Авангард* становится опять *арьергардом*, ибо армии отступают.

Генерал-адъютант князь Волконский известил генерала Милорадовича, что государь поручает ему учредить вновь партизанскую войну для действий на сообщения неприятеля в гористом пространстве от Иены до Лейпцига. С этого времени не ожидай подробных описаний, мы в *арьергарде*; следовательно, в непрерывных трудах и опасностях. Не сходить по целым суткам с лошадей, валяться на сырой земле, не иметь сна и хлеба — вот что нас ожидает и что нам уже не ново. Хотя Саксония и не менее прелестна, как древняя Капу; но мы не растаяли в роскоши, как Ганнибаловы воины, и с прежнею бодростию готовы терпеть и сражаться.

22 апреля, поздно. Местечко Гейльд-Гейм

Соединенные армии отступают за Эльбу. Наполеон ведет с собою великие силы и теснит. Наша армия отступает довольно покойно: *арьергард* выдерживает весь натиск. Покамест отделяемся кое-как перестрелками,

скоро дойдет дело до сражения. Мой друг! Самая бурная осень не так обнажает природу, как война опустошает цветущие области! Что сделалось с Саксониею? Мы не узнаем ее! Какая разительная во всем перемена! Дома пусты; лица мрачны; у нас голод, у жителей стон... Уже французы в Лейпциге!.. Опасность и тревога распространяется повсюду. Все ужасы войны постигают прекраснейшую из стран Германии. Нет больше сил писать — сон давит меня. Каждая минута дорога... Перо падает из рук, а друг твой на солому... Прощай!

23 апреля, вечер. Город Вальдгейм

Сейчас только вышли из жаркого дела. Смерть так близко прошла мимо меня!.. Чуть было не взяла с собою! Отвезши одно приказание графу Сент-Приесту, бывшему в сильной схватке с неприятелем, и получа другое, чтоб провезти несколько пушек на известное место, тихо ехал я подле оных. Недалеко случился генерал Мерлин. Некоторые товарищи мои были тут же. Неприятель открыл из лесу пальбу — и ядра запрыгали через, между и около нас. Мы ехали шагом. Я слышал шепе-

ные множества ядер, как вдруг одно, провизжав мимо самого уха, ринулось в землю у самых ног моей лошади! *Теплый дух*, как будто из бани, хлынул мне в лицо, и земля, брызнувшая вверх от сильного удара, засыпала меня всего!.. Я совсем не почувствовал великой опасности до тех пор, пока не услышал со всех сторон около себя криков и восклицаний.

Товарищам показалось, что меня уже не стало! Им со стороны полет рокового ядра был виднее.

Склонясь чуть-чуть вправо, оно оторвало бы у генерала руку, а с меня снесло бы голову!.. Но, друг мой! если и сама смерть также неприметна, как приближение ее, то умереть, право, ничего не значит! Страшна смерть ожидаемая, и страх сей рождается, кажется, более от тревоги в воображении или от затмения в совести; а смерть, налетающая невзначай, должна быть очень легка! Храбрый генерал Мерлин имеет семейство, думал я после: жизнь его нужна для одного. К чему ж мою сберегло провидение? К отрадам или горестям, к бедам или утешению?.. Прольет ли в

уста мои счастье хотя несколько капель радости из того сосуда, который позволяет иссушать до дна любимцам своим? Но все вопросы напрасны: завесы не вскроешь!.. Прости мне отступление; обратимся к делу. Пальба началась еще с самого утра. Неприятель стремился овладеть пространством, отделявшим нас от пруссаков, и захватить Вальдгейм, где сходятся дороги. Генерал Милорадович, быстрым распоряжением войсками, уничтожил намерения его. Отряд графа Сент-Приеста, неся неприятеля на плечах, делал все, что только могут храбрые солдаты при благоразумном начальнике. Генерал Карпенко, всегда неразлучный с передовою цепью своих стрелков, удерживал неприятеля по лесам и в тесных местах. Киевский полк, под командою неустрашимого полковника Писарева, и некоторые батальоны других гренадерских полков несколько раз пролагали себе путь штыками сквозь колонны, оспаривавшие у них дорогу. Наконец неуступчивость нашего арьергарда и удачное действие пушек полковника Нилуса остановили неприятеля версты за две от Вальдгейма. Потеря его весьма

значительна, наша неприметна.

Все обозы и артиллерия тянутся за город, дабы заранее высвободиться из тесных ущелий. Прочие войска обночлежились пред городом. Ярko пылают огни на полях. Добрые саксонцы дают нам последние куски зачерствелого хлеба: голод приправляет самую скудную пищу, а удовольствие победы заставляет забыть о всем претерпенном. Что покажет завтрашний день? Отзовется ль громом сражения? Сегодня слава богу! Прощай!

24 апреля, в сумерки

Сегодня принц Евгений Виртембергский, начальствуя передовым отрядом, выдержал жаркий бой близ деревни Этсдорфа и опрокинул несравненно превосходнейшего в силах неприятеля. Принц этот, конечно, один из храбрейших и любезнейших принцев в Европе. Помня о службе и обязанностях своих, он, кажется, вовсе не помнит о сане, чине и высокой породе своей. Он умен — следственно, не горд. Часто разговаривать с солдатами, ласкать офицеров и жить у полевых огней — вот обыкновенное дело его.

24, очень поздно. Мыза близ Носсена

Неприятель остановился отсюда верст за пять. Генерал Милорадович, генерал Уваров, командующий кавалериею, английский генерал Вильсон, который ездит прогуливаться в сражения и не пропускает ни одного почти авангардного дела, все вместе заняли просторный, прекрасно убранный дом. Адъютанты всех генералов были тут же. Будучи послан далеко с приказаниями, я приехал несколько позже других. Все наши радовались светлой и покойной квартире. Одни играли на фортепианах, другие смотрели библиотеку. Я подумал было, что это дом если не князя, то, по крайней мере, какого-нибудь барона; но мне сказали, что владелец его даже не дворянин! Крайне бы удивился сему, если б это было не в Саксонии. Две прекрасные девушки, Вильгельмина и Шарлота, играли на фортепианах, пели, показывали свои рисунки, альбомы и в то же время суетились по хозяйству: сами накрывали на стол генералам, заботились о кухне и везде поспевали. Они разумели французский язык, читали лучшие книги на своем; а сверх того были так добры, так любезны, что нельзя было не восхищать-

ся воспитанием этих недворянок! С невинною простотою спрашивали обе сестры у генералов: будет ли завтра здесь сражение? — Будет, отвечали им, и очень жаркое. — Так мы на заре убежим к нашей тетушке в горы, говорили они и просили только охранной бумаги.

25, в 8 часов утра

Уже раздалась пушечная пальба (обыкновенный, ежедневный вызов к бою), и мирные окрестности застонали. Дождь ливня льет. Наши богатые домоседы в такую пору и на охоту не выезжают, а мы должны ехать на сражение. Бедная Вильгельмина и Шарлота, получа охранный лист, бегут в горы: так спасаются невинные горлицы от лютых ястребов! Все в доме плачут; поселяне с имуществом скрываются в леса; матери уносят детей — все спасают жизнь, а мы спешим жертвовать ею! Прощай!

25, ввечеру. Город Вильсдруф

Все платье на нас хоть выжми! Целый день были под дождем. Неприятель с самого утра начал сбивать передовые посты. Мы предполагали защищать тесные ущелья по

дороге, но он не шел ими, а тянулся вправо по полям. Ему удалось поставить батарею на правом нашем крыле; орудия его были морские, и ядра хватали ужасно далеко. Мы уступали, сражаясь, до самого Вильсдруфа. Почти при начале сражения стрелки французские ворвались в ту мызу, где мы ночевали, и начали все грабить и жечь.

26 апреля. Дрезден. Вечер

Вот мы опять в Дрездене, или, лучше сказать, в Нейштате. Колонны авангарда, разными дорогами, быстро подвигались к Дрездену; неприятель преследовал слабо. День был прекрасен, солнце сияло в полном великолепии. Быстро обскакали мы Дрезден, спеша переправиться через понтонный мост, ибо большой горел. Каштановые аллеи цвели; в воздухе разливалось благоухание. Великолепный Дрезден, увенчанный цветами и зеленью садов, уподобился жертве, обреченной на заклание!

Около 2-го часа пополудни французы толпами ворвались в город и как вода разлились по улицам: прибежали к мосту и, казалось, хотели перескочить через Эльбу, чтоб гра-

бить Нейштат, который мы охраняли. Но злость не дает крыл. Они остановились и начали стрелять. Наши егери, засевающие в развалинах моста, отвечали им, и перестрелка не умолкала. Вскоре раздался по всему Дрездену колокольный звон и возвестил прибытие Наполеона. Итак, в сию минуту владычество Александра и противника его разделяла только одна река. По ею сторону благословляли добродетельного защитника прав Европы, по ту со стоном покорялись врагу. Французские офицеры, богато одетые, расположив в разных местах музыку, прогуливались в набережном саду с дрезденскими женщинами. Они, конечно, хотели осуществить мечту о золотом веке и доказать, что тигры могут гулять с агнцами! Хотя с их и с нашей стороны стреляли только вдоль по мосту, однако пули и картечи хватало далеко через, и они свистали по улицам. С нашей стороны на конце моста возвышен был земляной траверс[37]. Пули жужжали, как пчелы, везде носилась смерть. Можно было быть убиту на гулянье, у окна, переходя из улицы в улицу, сидя в кругу мирного семейства; за столом, за стаканом

мороженого...

Опасность была одинакова для обеих сторон. Многие из французских офицеров, подхлывшие на линию выстрелов упали мертвые к ногам своих красавиц. Музыка мешалась с пальбою; стоны умирающих с песнями веселящихся; жизнь с смертью. Многие граждане, даже женщины и малые дети, ранены — вот в каком состоянии была прелестная столица Саксонии!.. К вечеру, когда пальба начала несколько затихать, вздумали мы взойти на мост, где так часто наслаждались весенними сумерками; но едва дошли до половины, как французы открыли по нам огонь; пули засвистали... Мы присели на каменную скамью подле сквозной железной решетки; щедрые приятели на каждого из нас троих выпустили десятка по два пуль; большею частью они летели через, иные, однако ж, попадали в решетку подле самых наших голов. Наконец смерклось, все утихло; месяц начал посребрять город, и мы пошли в свою квартиру. Однако ж и там не менее безопасны были от пуль и картечи, ибо дом, где стоял генерал Милорадович, был на самом берегу. Ему ста-

рались дать о сем заметить; но генерал, хранимый своим ангелом, надеющийся на бога, как Суворов, не знал страха и спал спокойно под тучею смертей. За великие труды, понесенные им в течение последних дней, к нему по всей справедливости можно было применить стих одного из лучших стихотворцев наших, что:

*Светило дня и звезды ночи
Героя видят на коне...*

Бессонница и заботы подействовали на его здоровье. Он заболел, известил о сем Главнокомандующего графа Витгенштейна, созвал всех генералов и сдал начальство над арьергардом старшему по себе князю Горчакову. Итак, мы на несколько дней будем покойны. Ночь и безмолвие уже повсеместны, свеча догорает, полно писать, задремлем, пока еще возможно!..

27 апреля, 4 часа пополуночи

Сейчас дунул в растворенное окно свежий весенний ветерок, окурил комнату ароматами расцветающего сада, и я проснулся! Утро прекрасно; солнце только что взошло; неизъ-

яснимая сладость распространяется в воздухе. Спят люди, спят страсти их, и перуны молчат. В ближней улице поет соловей. Смотрю в окно — вижу Эльбу спокойною и природу величественною. Боже! Как прелестно творение твое! Но для чего так мятежны люди! Отколе сие смешение добра и зла? Для чего прекрасная весна твоя вместе с розою и соловьем оживляет ядовитого змея?.. Спешу насмотреться на сии прелестные картины природы, спешу запечатлеть их в памяти и сердце моем. Душа с жадностью наслаждается ими. Никто, никто не отымет у нее сего мгновенного и единственного наслаждения.

Жизнь и деятельность пробуждаются в городе. В разных местах показываются граждане и поселяне, а французы еще спят! Но вот идет один с коротким ружьем и будит других на зеленом окопе близ моста. Они встают один за другим, хватают ружья и приветствуют утро стрельбою и кровопролитием... Вот и около пушек засуетились!.. Вот и выстрел! — другой картечью... Шумят ядра... Небеса дымятся — и бледнеет жизнь и природа!.. Вот густые облака пыли движутся по течению Эль-

бы: верно, французы идут туда переправляться. Пальба усилилась. Генерал Милорадович услышал — и забыл болезнь свою! Он велит седлать лошадей, и все мы едем в дело. Оно будет жарко. Прощай!

28. Деревня Вейсиз

Вчера имели мы жаркое сражение. Оно началось тем, что французы, под прикрытием сильного картечного огня с бастиона, на их стороне находившегося, нося фашины и доски к пролому большого моста, показывали вид, будто хотят переправиться в городе, и до тех пор толпились на мосту, пока несколько удачных наших выстрелов не смели их дочиста с оногo. Эта переправа была ложная. В самом же деле Наполеон, подвинув армию свою за четыре версты влево, вниз по течению реки, приказал ей переправляться в глазах своих под покровительством великого множества пушек, которыми унизан был высокий в том месте берег. С нашей стороны граф Сент-Приест с отрядом оставлен в самом городе, а прочие войска небольшого арьергарда нашего поспешили сопротивляться многочисленным войскам Наполеона. Роты артиллерии

Нилуса и Башмакова подоспели туда же — и сражение загорелось. Неприятель засыпал нас бомбами, гранатами и картечью. Наша артиллерия действовала искусно и удачно. Солдаты дрались с неимоверною храбростию. Оторванные руки и ноги валялись во множестве на берегу, и многие офицеры и солдаты, лишась рук и ног, не хотели выходить из огня, поощряя других примером своим. Целый день кипело сражение; Наполеон истощил все усилия, но не переправился. К вечеру бой укротился, и мы возвратились по-прежнему в Нейштат ночевать. Мы бы могли еще держаться, но в общем плане положено не удерживать, а только замедлить переправу французов. Посему-то, отступив, стоим теперь верстах в десяти от Дрездена, в деревне Вейсиг. Французы не беспокоят нас сегодня. Передовые посты молчат.

Вчера, во время самого жаркого дела, поселяне ближайших окрестностей пахали землю. Еще страннее: едучи в город с приказанием, я видел в одной аллее, очень недалеко от того места, куда падали ядра, порядочно одетого человека, спокойно читающего книгу

под страшным громом сражения. Должна быть очень любопытная книга!

Оттуда ж

Несколько наших адъютантов заняли пустую избу. Все поселяне, боясь французов, скрылись в ближние горы, но узнав, что не французы, а русские к ним пришли, многие хозяева возвратились в дома, в том числе был и наш. Добрый Вильгельм принес с собою хлеба, достал спрятанное в земле масло, кофе, потчевал нас с непритворным усердием. Вчера я сам слышал, что, когда солдаты наши, утомленные сильным жаром, просили у жителей воды, добрые люди говорили им: «У нас есть еще для вас пиво; с русскими готовы делиться последним: вы наши защитники!» Вот как обходятся с нами саксонцы! Между прочими книгами в крестьянской библиотеке нашего хозяина нашли мы одну книжку под заглавием «Политические разговоры европейских государей». Она была написана немецкими стихами и в лицах. Разумеется, что Наполеон занимал здесь первое место; все государи благоговели пред великим могуществом великого народа и великой армии. Вот каки-

ми средствами действует Наполеон на души и умы всякого состояния людей. Хозяин наш прочитал нам почти всю эту книжку наизусть; однако ж он не считает Наполеона великим, а только — страшным.

29. В окрестностях Бишефс-Верды

Сегодня в час пополудни неприятель начал затрагивать наши передовые посты. Часа с два продолжалась перестрелка; потом великими силами начал он теснить отовсюду наш арьергард. Мы отступали по узкой мощеной дороге, имея справа и слева лес, холмы и болота. Артиллерия наша занимала каждую выгодную высоту, и неприятель чувствовал искусное действие ее. Вопреки всем его усилиям, он подвигался вперед только на такое пространство, какое начальник арьергарда, по довольном защищении, за благо рассуждал уступать ему. Стрелки неприятельские в великом множестве, как ртуть, растекаясь в густоте леса, обходили наши фланги и нередко заставляли даже резервы вступать в дело. Но сии храбрецы лесные останавливались при первой полянке: русский штык и поле всегда им страшны.

1 мая. Деревня Рот-Наустиц

Вчера дрались мы целый день, защищая дорогу. Истоща все усилия сбить нас с одной высоты, неприятель вздумал было обойти ее долиною. Покушение дорого ему стоило. Генерал Милорадович, показывая, будто не замечает его движения, сделал все, что нужно было. Едва спустилось несколько колонн в ложину, как вдруг, дозволяя им пройти, со всех сторон открыли по ним страшную пальбу из потаенных и открытых батарей. Расстрелянные колонны, потерпев великий вред, тотчас рассыпались и побежали в леса. Неприятель, полагая, что мы будем держаться в Бишефс-Верде, пустил на нее тучу бомб и гранат — и вмиг несчастный городок превратился в огромный столп огня и дыма. Сегодня мы опять покойны. Неприятель перевязывает вчерашние раны.

Вчера неустрашимый полковник наш Сипягин, занявшись обозрением мест за городом и проезжая потом через оный, вдруг был отрезан толпою ворвавшихся со стороны французов. За ним ехал Александрийского гусарского полка поручик Пороховников и Лу-

бянского гусарского корнет Григорьев. Две колонны пустили по них батальный огонь: они были в дожде пуль — и остались невредимы! Это, однако ж, не редко встречается в войне.

По словам пленных, неприятель потерял очень много убитыми и ранеными в последние два дня. Слова пленных: «Против нас командуют Макдональд и вице-король Италианский. Войска имеют они в своем авангарде сорок тысяч, да сверх того большие колонны вправо и влево».

Передовые караулы наши и отряд графа Сент-Приеста перед местечком Бишефс-Вердою, а в четырех верстах за оным и весь небольшой аррьергард наш расположен при деревне Рот-Наустиц.

2 мая. Там же

Здесь жители не так смелы, как в Дрездене; все ушли в горы. Села опустели. У нас все покойно: неприятель стал воздержнее в преследовании нас и до сих пор ничего еще не предпринимает. Со времени выступления нашего из Дрездена, в целые пять дней, неприятель, невзирая на великое превосходство сил его, не мог отодвинуть нас более четырех

здешних миль или двадцати восьми наших верст; следственно, мы уступали ему не более пяти верст в день... Притом, несмотря на повседневные сражения с 21 апреля и по сие время, арьергард имел самый малый урон в людях и во множестве тесных проходов по самым трудным путям не потерял ни одной повозки из своих обозов. По сему можешь судить, как искусно пользовался местоположением, как храбро сражался и с какою твердостью отражал все усилия неприятеля арьергард наш. Такой арьергард, доставляя всевозможные выгоды, время и спокойствие армии, которую он отстаивает грудью, приобретает полную благодарность и, обращая на себя внимание даже самого неприятеля, по всей справедливости заслуживает место в воинских летописях будущих времен.

2 мая. Там же

Сейчас привезли генералу Милорадовичу Высочайший Рескрипт, в котором его императорское величество за важные услуги Отечеству всемилостивейше жалует его и с будущим потомством графом Российской Империи. Рескрипт наполнен лестнейшими выра-

жениями, какими только может великодушнейший из монархов осчастливить вернейшего из подданных. Один Суворов получал такие Рескрипты от Великой Екатерины, в блистательный век ее[38].

Итак, генерал, отличенный знаменательными заслугами, получает теперь новый блеск с новым достоинством. Весь арьергард радовался атому, как собственному благополучию. Солдаты окружали нового графа и кричали ему: ура!..

8 мая, ввечеру. Город Бауцен

В шесть часов поутру на передовой отряд наш учинено нападение. По упорной перестрелке, неприятель сильными колоннами начал обходить оба фланга его, имея, однако ж, более направления на левый. Передовой отряд, сходственно с повелением, уклонился к выгодной позиции арьергарда, где неприятель встречен перекрестными выстрелами всех наших батарей, действием которых и остановлен. Он опять было устремился на левый фланг наш к горам, но стремление его не имело никакого успеха. Генерал-майор Юзефович, с частию кавалерии, ударил в правый

фланг неприятеля столь счастливо, что тотчас опрокинул его. Такой же успех имели и на правом фланге кавалерийские атаки князя Трубецкого и генерал-майора Лисаневича. Вообще вся кавалерия, под начальством генерал-адъютанта Уварова, показала в сей день, какой великий вред может претерпеть неприятель от блистательной храбрости ее в стремительных, смелых и удачных нападениях. Харьковский и Каргопольский драгунские полки наиболее отличились. Истребленные колонны и много пленных были плодами кавалерийских атак. Известный отличною своею службою генерал-майор Еммануель, действуя в сей день из-за гор в правый фланг неприятеля, взял также пятьсот пленных, сверх коих много переколото. Получа новое подкрепление, неприятель с большим стремлением начал развивать сильные колонны свои вправо и влево, угрожая опять обойти наши фланги. Уступая превосходству сил, но сражаясь, однако ж, за каждый шаг земли, арьергард медленно отступал к городу, пред которым расположился на биваках, заставив и неприятеля сделать то же. По словам плен-

ных, в одном из их пехотных полков урон простирался до трехсот человек; вся же потеря неприятеля в сей день достигала до четырех тысяч. С нашей стороны урон не превышал двухсот пятидесяти человек. Вот выгоды оборонительного отступления: уступая пространство, сохраняешь людей. Смотря теперь на солдат наших, отличающихся не одними минутными порывами храбрости, но постоянным мужеством, твердостью духа и безропотным терпением, нельзя не признаться, что война образует войско.

В течение священной Отечественной войны и настоящего похода за границу солдаты совершенно привыкли к трудам и опасностям. Они бодры, терпя голод и нужду; в самом пылу сражения, под ядрами и гранатами, наблюдают совершенную стройность в движениях и, отступая, уверены в победе. Всего важнее то, что солдаты наши вовсе перестали бояться французов. В сражении 3 мая полковник Керн хотел было сменить цепь стрелков, бывших уже несколько часов в деле. «Не смейте нас! — кричали солдаты, — мы еще можем стоять до вечера, пришлите только па-

тронов!» При многих атаках кавалерии пехота спешила бегом подкреплять ее и довершать истребление неприятельских колонн штыками. Штык и сабля теперь в совершенном согласии. Сражение 3 мая сдружило пехоту с конницею. Таким образом, опыт, пример и внушения храбрых и благоразумных начальников действуют к возвышению духа и усовершенствованию солдат. И после этого можно уже понять, отчего горсть войска, составлявшая арьергард, могла быть столь страшною для неприятельской армии. Я забыл тебе сказать, что главная армия наша давно уже стояла за Бауценом, отдыхала и укреплялась на высотах.

4 мая, 5 часов пополудни

Итак, мы опять в Бауцене, в том прекрасном Бауцене, где я имел такую покойную квартиру, такого ласкового хозяина, который разговаривал со мною о Тридцатилетней войне, о гуситах... Но вот выстрел!.. Еще другой!.. Пальба! Видно, неприятель наступает. Бросаю перо и сажусь на лошадь. Прощай!

Там же — вечером

Неприятель сделал только попытку, или,

говоря военным языком, он сделал усиленное обозрение левого нашего крыла и середины. Колонны его подходили на пушечный выстрел к городу, и некоторые батареи наши действовали по ним.

5 мая. Бауцен

Через целый день с обеих сторон все было покойно. Примечено только в войсках неприятельских беспрестанное движение. Колонны их тянулись то вправо к Каменцу, о чем извещал партизан Давыдов, то на левый наш фланг к горам. С нашей стороны занимались устройением батарей на правой стороне города.

6 мая

Лишь только старая хозяйка наша принесла нам кофе и хотела наливать, как раздался гром пушек; окна в доме затряслись, у доброй старушки задрожали руки и кофейник выпал из них. Между тем народ суетился; конные взад и вперед скакали по улицам; мы тотчас на лошадей и за графом к батареям. Но дело кончилось ничем; неприятель выглянул и опять скрылся за гору. Движение в войсках его не прекращается; он затевает дело не на

шутку. По вечерам видны большие огни и слышны музыка и песни. Соседи наши живут весело, только не слишком сыто: по словам пленных, они крайне нуждаются в хлебе и фураже. Разные сборные дружины в войске Наполеоновом крайне неохотно ходят в дело. Многие, как сказывают, сами себя ранят, чтобы иметь причину выйти из рядов. Кроаты [39] уходят целыми ротами.

7. Там же, под вечер

В четыре часа пополудни весь авангард наш стал в ружье; некоторые батареи изредка действовали, и стрелки заводили перепалку. Все сие было сделано для того только, чтоб привлечь па нас внимание неприятеля и тем способствовать генералу Барклаю-де-Толли поражать идущий на соединение к своим корпус Лористона, далеко от нас вправо. Сегодня насладился я приятнейшим зрелищем: в первый раз видел короля, которого народ любит как отца. Король Прусский еще не стар, свеж, бодр и имеет весьма приятное лицо. Рядом с нашими и своими офицерами стоял он опершись на батарею и пристально смотрел в трубу на движение неприятеля, нимало не за-

боясь о том, что ядра летали над самую головою его. Вот государь, о котором, пройдя всю Южную Пруссию, нигде, начиная от хижины и до палат, не слышал я худого слова!..

8. Рано поутру

Среди непрерывной работы в авангарде мы заросли было бородами, сейчас цирюльник-немец выбрил, остриг и причесал нас. Вдруг слышим выстрелы!.. Велим подавать лошадей. Итак, мы сегодня не нарочно подражали великому Ксенофону, который всегда щегольски одевался перед сражением. Но может быть, дело кончится опять военным обозрением: пушечною пальбою!..

13 мая, д. Зейхау

Вот где уж отозвался я тебе! Пять дней молчал: четыре дня были мы в самых жарких сражениях. Ад, со всеми огненными бурями своими, свирепел около нас. Голод, бессонье и усталость отнимали у меня способность мыслить, не только писать. Теперь мы в тишине, в деревне, я сижу под липами у светлой воды и могу писать. Как очутились мы здесь, о том речь впереди, а теперь опишу по порядку то, что было. Нет! Не военное только обозрение,

не перепалка была 8 числа у Бауцена, но самое жаркое, упорное сражение. В 9 часов утра множество колонн французских вдруг из-за горы двинулись к Бауцену: одни двинулись штурмовать город, другие обходили его. Ядра и гранаты посыпались, как самый сильный град.

Граф Милорадович имел предписание от Главнокомандующего, чтобы, не давая окружать себя в городе, оставить оный и уклониться к твердой позиции главной армии, наводя на нее неприятеля. Так было сделано пред великим сражением Бородинским. Наши и здесь вызывали французов на общее или генеральное сражение. Вскоре неприятель, овладев одною высотой на правом фланге, выставил большое число орудий и начал действовать вкось. Другие батареи открылись за городом, и выстрелы сделались перекрестными, и не было места, где бы не падали ядра, где бы не разрывало гранат. Я еще теперь не могу надивиться, как мы уцелели. Несмотря на все это, арьергард отступал медленно и в обыкновенном порядке. Около половины дня государь император сам изволил

выехать и стать на одном высоком холме, чтоб быть очевидным свидетелем сражения. Между тем неприятель вывез пушки на одну высоту, которую мы ему только что уступили — и ядра начали доставать до того места, где стоял император. «Уехал ли государь?» — спросил граф. «Нет, — отвечали ему, — он стоит неподвижно под ядрами». Можно ль было допускать далее опасность? «Вперед!» — закричал граф и во всю прыть своей лошади поспекал к самым передним колоннам. Вскоре миновали мы, картечный выстрел и очутились в пулях у стрелков; и граф стал на одной черте опасности с прапорщиком. Но какое неописанное действие производит присутствие генерала! Я видел артиллерийских офицеров, у которых пыль и порох запеклись на лицах, которые едва стояли на ногах от усталости, вдруг оживотворившихся как бы новою силою и подвигавших пушки свои вперед. Я видел, как раненые возвращались назад и становились в ряды; слышал, как кричали офицеры и солдаты: «Граф велит идти вперед; посмотрите, он сам здесь! Его ли здесь место?» — говорили многие — и цепи стрел-

ков, одни других перегоняя, крича «ура!», бежали вперед, артиллерия подкрепляла их. В эту минуту всеобщего исступления можно было взять Бауцен штурмом, но это совсем не нужно было. Граф велел стрелкам остановиться. С длинным султаном на шляпе, окруженный конвоем, долго разъезжал он под страшным дождем пуль и картечи, и сражение кипело на одном месте. «Стойте крепко! — кричал граф солдатам. — Государь на вас смотрит!» Они стояли, и неприятель не мог выиграть ни аршина земли. Во все это время государь император не оставлял прежней высоты. Когда начали падать ядра, он приказал *свите* удалиться, а сам остался! Народ русский! Как содрогнутся сердца твои, когда ты узнаешь, что государь, надежда твоя, столь великим опасностям подвергает жизнь свою! Усугуби моления в жертвы твои во храмах божиих: да сохранит десница всевышнего неоцененные дни отца народа, друга человечества, освободителя царств! Около третьего или четвертого часа пополудни неприятель приостановился, и сражение начало угасать.

Вспорхнул жаворонок, вылетел из дымного облака и запел прекрасную песнь свою в высоте. За час на сем месте свистали пули. В стороне, где стоял наш лагерь, выехал крестьянин обрабатывать поле. Бедный! думал я, обманутый мгновенною тишиною, ты не знаешь, что скоро опять загремят перуны, и нива твоя потонет в крови!.. Французы в целодневном сражении обыкновенно приостанавливаются на час времени, чтоб с сугубым потом стремлением возобновить нападение. Так затихает огнедышущий вулкан, готовясь поглотить целую область!.. К вечеру большие колонны их засинелись у подошвы горы на левом нашем фланге. Намерение неприятеля было овладеть горами, с высоты которых он мог бы стрелять вдоль главной нашей позиции и сбивать целые полки. Семилетняя война, Гохкирхенское сражение и сами собою горы сии показывали, сколь они важны. Там поставлен был небольшой корпус принца Виртембергского. Но неприятель потянулся к горам, как грозная туча, с силами ужасными, и граф Милорадович должен был послать еще несколько полков в подкрепление нашим,

растянув между тем по всем противолежащим холмам баталионы пехоты и эскадроны конницы. Известно, что издали каждый баталион, стоящий на гребне холма, может показаться колонною — и это называют французы: (*faire paroître les masses*) выдвинуть толпы, чтоб показать, что у нас много!.. Часто мера сия останавливает неприятеля в дерзких его намерениях обходить фланги и проч. Граф Милорадович, привыкший сражаться с французами, нередко поражает их — их же оружием. В горах началось самое жаркое дело. Спустились сумерки, и мелкий огонь заблистал в них. Гром то возвышался, то сходил вниз, по мере того как неприятель занимал высоты или наши сбивали его. Наконец нашла мрачная ночь и стала между теми и другими. Сражающиеся, с обеих сторон, так близко одни от других расположились на ночлег, или, лучше сказать, от усталости попадали на землю, что одна только темнота разделяла их. Граф остановился на бивак в Лубенском, храброго генерала Мелиссина полку, которым на то время командовал полковник Давыдов. Развели огни, и мы без сил попадали около них. Кусок

хлеба был тогда великою драгоценностью. Привели *пленного*. Граф велел мне расспросить его, и этот сержант 7-го линейного пехотного полка объявил, что в горы послано вдруг восемь больших колонн; что они впотьмах стреляли по своим; что потеряли в одном этом месте до пяти тысяч; и наконец, что Наполеон сам провожал сии колонны, разъезжая на маленькой белой лошадке в простой солдатской шинели с красным воротником. Этот же пленный уверял, что они целые восемь дней не имели хлеба (слова свои подтверждал он, с жадностью пожирая полусырые картофели, бывшие у огня); он прибавил, что войска не хотели драться; что Наполеон, распустив слух, что заключил перемирие, вывел их будто для общего смотра, обещал хлеба и вдруг, указав на Бауцен, сказал: «Возьмите его!»

9 мая было у нас общее большое сражение, о котором подробное описание будешь ты читать в газетах и потом в журнале, о действиях большой армии, когда оный будет сочинен. Я не распространяюсь даже и в описании отдельных действий, покрывшего себя в сей

день блистательнейшею славою, *левого фланга*, которым командовал граф Милорадович, ибо и об этом будет особо напечатано. Но не могу вытерпеть, чтоб не заплатить дани удивления неимоверной храбрости графа Остермана, командовавшего войсками в горах. Генерал сей, известный своею неустрашимостью, превзошел самого себя в сей день. Не выходя из опасности, забыв о смерти, ни на шаг от цепи стрелков, а часто даже опережая оную, он дорого продавал неприятелю каждую сажень земли. Будучи тяжело ранен в плечо, с пулею в теле, сражался еще три часа, пока его вывели полумертвого. Генерал-майор князь Сибирский, находясь во все время при нем, участвовал в опасностях сражения и в славе победы. В начале дела граф Милорадович, объезжая полки, говорил солдатам: «Помните, что вы сражаетесь в день Святого Николая! Сей угодник божий всегда даровал русским победы и теперь взирает на вас с небес!..» В самом деле левый фланг стоял с необыкновенною твердостью. Дело, бывшее на сем фланге, может почтяться *отрывком Бородинского сражения*. Фланг сей, отразив

все усилия неприятеля, готов был сам идти, опрокинуть его и разбить. Уже граф Милорадович заготовлял большую колонну, которую сам с бывшими тут генералами хотел вести прямо на город... Неприятель с своей стороны показывал великое искусство и точность в действиях. Многочисленные строи его сближались, разделялись или заходили один за другой, как будто *движущиеся стены*. В одном месте толпы сгущались, в другом редели... Казалось, что всем этим управляла какая-то невидимая рука и двигала людьми, как куклами. В самом же деле все это производилось посредством ракет. На центре подымалась ракета, на левом фланге понимали ее, отвечали таковою же и потом исполняли, что следовало: приступ, отступление и проч. Протяжение целого строя было, по крайней мере, верст на десять; следственно, сношение посредством адъютантов было бы слишком медлительно. Но *ракеты* служили тут *воздушными маяками*. Надобно признаться, что французы большие мастера драться в общем сражении, однако ж Веллингтон и Кутузов изобрели другого рода тактику, против которой они устоять

не могут. Теперь нередко малая война побивает большую. На учебных маневрах только можно видеть такое стройное отступление, какое совершали войска наши в целый день, в глазах неприятеля. Так уклоняется лев от толпы охотников.

Графу Милорадовичу опять поручено было остаться в арьергарде и прикрывать отступление армий. Колонны наши пошли боковой дорожкой на Лебау, чтоб выйти потом у Рейхенбаха на большую Герлицкую дорогу. Мы проходили Гохкирху, и достопамятное 1758 года сражение живо представилось воображению нашему. Другие колонны шли большою дорожкой, которая прямее; их прикрывал известный генерал Раевский с гренадерами.

К ночи неприятель совсем остановился; мы от него далеко ушли. Граф Милорадович уехал к государю, который вблизи оттуда находится изволил. Французы зажгли свои биваки и окрестные деревни. Все небо обложилось багрянцем. Пехота наша медленно тянулась; мы могли нагнать ее во всякое время; голод мучил нас; недалеко в стороне показался неразоренный господский дом, и мы вчет-

вером решились заехать туда попросить куска хлеба. По счастью, хозяин, добрый саксонец, имел еще кое-что более. Он дал нам бутылку вина и миску картофельного супу. Надобно не есть два дня, чтоб почувствовать, в какой цене приняли мы этот дар. Бедные лошади наши приводили нас также в жалость: двое суток они ничего не ели, кроме гнилой соломы с старых шалашей, и двое суток, день и ночь, были в езде. Сострадательный хозяин вынес им охапку сена; мы остались на час покормиться. Между тем усталость наша так была велика, что всякий, как будто от какого волшебного прикосновения, кто где сидел, так и уснул. Различные смешанные сновидения: кровь, огонь, гром пушек и поля сражений представлялись встревоженному воображению моему. Вдруг раздался треск; необыкновенный свет блеснул в глаза — и я проснулся. Вышед на крыльцо, я увидел, что ближайшая деревня загорелась, и по всем окрестностям Бауцена пламя разливалось, как море!.. Народ, выбежав из домов, стоял толпами. Мужчины с пожитками, матери с грудными детьми на руках, старцы, белеющие в седи-

нах, и кучи малых детей в каком-то ужасном оцепенении, без воплей и без слез, смотрели на сгорающую землю и раскаленное небо. Глубокая ночь, повсеместный пожар, войска, проходящие мимо, как тени, и длинный ряд блестящих вдали штыков представляли какую-то смешанную картину ужасов.

Я пошел опять в дом разбудить товарищей, чтоб ехать; заглянул нечаянно в боковую комнату и оцепенел от удивления!.. Прекрасная, очень молодая девушка, сидя на стуле и положа обе руки и голову на стол, спала самым приятным сном. Русые волосы, рассыпанные по плечам, не закрывали белой груди, которая тихим колебанием показывала, что сон ее был покоен, как сон невинности. Щеки алели, на губах порхала улыбка. Среди ужасного пожара целой области, в виду тающих окрестностей, *невинность* спит покойным сном, и в минуты всеобщего разрушения *чистая совесть* забавляет ее веселыми мечтами!.. Бедное дитя! думал я, ты спишь на краю пропасти, не имея понятия об опасности. Невинный, кроткий агнец! Убегай скорей отсюда!.. Скоро, скоро ворвутся алчные волки —

и жизнь твоя угаснет!..

В это время треск пожара раздался еще сильнее; несколько домов вдруг рухнули — и уничтожились!.. Старая женщина, испугавшись, выбежала из другой комнаты; молодая красавица проснулась. Тут увидел я ее прелестные голубые глаза; слезы сверкнули на них. Раздался голос тихий и приятный; я услышал: «Боже! как пылает отечество наше!» Так говорила молодая девушка старухе, продолжая: «Чем виновны бедные саксонцы, что король их *впал в заблуждение*? Министры, министры совратили его с пути истины!.. О, король наш! Несчастный король! Для чего мирное и долголетнее царствование твое оканчивается такими ужасами?.. Для чего омочил ты седые волосы свои слезами и кровию твоего народа?.. (Warum hast du deine graue Haaren mit Tranen und Blute deines Volkes benetzt?..)» Вот собственные слова девушки. Они и теперь отзываются в ушах моих. Можешь судить, в какое удивление пришел я от них тогда. До сих пор меня не видали. Но тут не вытерпел я, вошел и спросил старуху: кто *эта* молодая девушка, которая

с таким очаровательным умом и красноречием говорила о судьбе своего отечества? «Это бедная сиротка, живущая здесь в доме и трудами рук своих получающая себе пропитание», — отвечала старуха. Лицо молодой девушки облилось румянцем скромности. «Сколько вам лет?» — спросил я. «Четырнадцать», — отвечала она. Суди же, друг мой! о воспитании прекрасного пола в Саксонии, когда четырнадцатилетняя бедная саксонка умеет говорить с таким пленительным благоразумием. Между тем товарищи мои проснулись. Мы советовали женщинам уйти скорее в горы; они хотели убраться туда на заре. Потом распростились с хозяином и под блеск зарев, пробираясь между лесистыми горами, достигли передовой колонны нашей.

10 мая

Хотя, по распоряжению Главнокомандующего, графу Милорадовичу и можно было оставаться в Лебау до половины дня и соединиться с Раевским у Рейхенбаха около вечера, но граф, рассмотрев внимательнее карту и поговорив с жителями, почувствовал, что неприятель, а особливо такой, как французы,

может прервать, наверное, сообщение его с большою дорогою и отрезать его от нее. Посему, не теряя времени, повел войска, привыкшие не знать с ним усталости. Путь от места сражения при Бауцене на Лебау почти вдвое далее прямой дороги, оттуда же чрез Вюршен в Рейхенбах.

Счастлирое соображение графа было спасительно для арьергарда и корпуса Раевского; неприятель точно покусился разделить их и отрезать. Наполеон, как говорят пленные, взбешен будучи столь малым успехом великого Бауценского сражения, укорял маршалов, для чего не взяли они у нас ни одного даже значка, ни одной пушки, и в горячности сказал им: «Я вам покажу, как бить русских и отнимать у них трофеи!» Сказал и повел сам отборные войска. Гвардейская кавалерия его, вовсе не участвовавшая во вчерашнем деле, пущена была вперед. Перестрелка началась с рассветом. Генерал Раевский отражал по возможности превосходные силы неприятеля; но, будучи сильно утеснен при Вейсен-Берге, ускорил несколько отступление свое, и потому не мог уже быть на одной высоте с графом

Милорадовичем. Но сей между тем, сближась к пункту соединения, удалялся от опасности быть отрезанным. Ничего не зная, что делается с Раевским, аррьергард наш, состоявший из корпуса принца Виртембергского и кавалерии князя Трубецкого, пришел к Рейхенбаху около полудня и начал располагаться на отдых в глубокой долине, от которой высота горы заслоняла большую дорогу. Вместе с некоторыми из наших адъютантов въехал я на гору, чтоб взглянуть на город и дорогу — и как удивились мы, увидя так рано корпус Раевского уже подле нас! Все показывало какое-то смятение. Войска поспешно проходили. Храбрый полковник Криштафович[40], покрытый потом и пылью, ведя свой Екатерининский полк, остановился и рассказал нам, что они несут неприятеля на плечах; что генерал Раевский, со всею храбростию и благоразумием своим, едва мог избегнуть, чтоб не быть окруженным. А это что за кавалерия скачет по долине? «Это французы! — говорил он. — Они уже несколько раз старались перерезать нам дорогу». Наполеон послал эту кавалерию с повелением втесниться между

двух дорог и, укрываясь под закрытием лесистых гор, пробраться к самому Рейхенбаху, чтоб захватить его прежде нас. Намерение было хитро и дерзко, но неудачно! Граф Милорадович, сведав о прибытии Раевского, дает ему знать о себе — и в минуту делает распоряжения. Кавалерийские полки наши, расположившиеся для отдыха, поспешно садятся на лошадей, кричат «*ура!*», скачут вперед и опрокидывают неприятеля, который увидел тогда, что и сам попал *в западню!* Войска становятся в ружье. Всю пехоту взводят на высоты; на выгоднейших из них ставят батареи. Неприятель остановился в самом жару своего стремления. Город Рейхенбах вовсе неудобен к защите. Все войска переведены за оный на лучшие высоты. Корпус гренадер поставлен в резерве.

Солнце было еще высоко. Неприятель, беспрестанно показываясь в новых силах, тянул слева пехоту свою к лесам, а кавалерию вел справа по долинам. По всем обстоятельствам, ожидали великого дела и в ожидании не ошиблись. Оно началось сильным с обеих сторон действием батарей. Неприятель, сосре-

доточивая орудия, ставил по сорока и более пушек вместе. Бомбы вредили даже резервам нашим; гранаты и ядра осыпали высоты. Арьергард, упорно сражаясь, мало-помалу отступал, занимая каждую высоту и на каждом месте выдерживая жаркий бой. По словам пленных, три сильных корпуса, при личном присутствии самого Наполеона, дрались в сей день против нас. Но невзирая на стремительное наступление свежих войск, на жестокий огонь многочисленной артиллерии, на быстрое движение колонн, беспрестанно обходивших наши фланги, арьергард выдержал весь натиск и остановил неприятеля в шести верстах от Герлица, вопреки всем усилиям его, чтоб занять этот город. В пылу самого жаркого боя Наполеон, раздраженный неуступчивостью наших войск, спросил с сердцем у своих: «Кто командует русским арьергардом?» «Генерал граф Милорадович!» — отвечали ему. Он нахмурился и начал доказывать маршалам, что нас можно было отрезать. Но в сие самое время ядро, пущенное с батареи нашей, коснулось маршала Мармонта, вырвало живот герцогу Фриульскому (Дюроку) и зашибло до

смерти одного дивизионного генерала. Так рассказывали пленные, и то самое подтвердил после французский бюллетень. С нашей стороны ранен храбрый генерал князь Сибирский. В сей достопамятный день конница наша покрылась ранами и славою. Многие отличнейшие офицеры, в виду, водили отряды свои в атаку. Ротмистр Орлов, с эскадронами разных полков, несколько раз делал смелые нападения, рубился с французскими офицерами и получил тяжелые раны. Другой брат его лишился ноги в битве Бородинской. Третий брат их — известный партизан, а четвертый, адъютант его императорского высочества Константина Павловича, находился с нами при графе во всех арьергардных делах. Все эти Орловы, с прекрасным воспитанием и дарованиями, поддерживают славу имени своего. Большое число лошадей досталось победителям, пространное поле сражения покрыто трупами и два эскадрона лучших гвардейских гусар, в богатых красных мундирах, взяты в плен. Сегодняшнее сражение, начавшееся в 6 часов утра, продолжалось почти беспрерывно до 10 вечера, следственно, 16 часов! Все

мы третьего дня, вчера и сегодня были в огне, не сходя с лошадей, всякий день с лишком по 12 часов!..

Поздно уже замолкло сражение. С наступлением ночи полил дождь, и мы приехали в Герлиц. Я зашел с товарищами к прежнему хозяину, который с такой же добротой, как и прежде, принял пас к себе. С нами стал вместе Денис Васильевич Давыдов и читал нам свои стихи. Приятные звуки лиры его заставили всех, забыв усталость и шум сражений, пленяться ею.

Между тем, для избежания тесноты по узкой дороге и в улицах города, граф Милорадович приказал войскам тихо сняться и перейти на ту сторону города и реки Нейса. Впереди оставлены одни только отводные караулы и генерал Корф с легкою конницею.

11 мая

С первым лучом света выбрались мы из Герлица. С нами ехал полковник Давыдов и показывал нам подробную топографическую карту тех мест. На ней означены были все поля сражений 7-летней войны. Мы отыскивали и нашли близ Герлица ту продолговатую го-

ру, на которой дрался генерал Винтерфельд. Путешественники отыскивают следы древних зданий и городов. Умный и чувствительный Мориц искал в Италии места жилищ Горация, Цицерона и Вергилия, а мы отыскиваем места, где лилась кровь!.. Все почти поля сражений означаются на военных и исторических картах двумя накрест положенными шпагами. Скоро, кажется, вся карта Германии испестрится такими знаками, ибо нет почти места, где бы в ней не дрались. При одном Ландсгуте, где так славно защищался несчастный Финк, стоят три знака сражений; там дрались в 1745, в 1757 и 1760 годах. Сколько крови усыряло тамошнюю землю!.. Германия есть классическая земля военных действий, так как Италия земля древностей. Читая творения славного Жомини[41] и смотря на те места, которые мы теперь проходим, можно живо вообразить Семилетнюю войну — училище военных людей.

Неприятель сегодня стал наступать очень рано, но не с тем уже жаром, как накануне. Передовые посты, подкрепленные артиллерией, достаточны были к удержанию его. Около

первого часа колонны французские стали обходить город вправо и занимать оный, но генерал граф Милорадович успел уже в сие время передвинуть войска фланговым маршем с Бунцлавской на Лаубанскую дорогу. Защищение большой Бунцлавской дороги предоставлено прусским войскам. Они должны идти на Бунцлау, Гайнау, Лигниц, Яуер и Стригау, а русские войска следовали кратчайшею, параллельною сей дорогою чрез Лаубан, Левен-Берг, Гольд-Берг и далее. Целию всеобщего движения и точкою соединения армий есть известная, разоренная французами крепость Швейдниц.

12 дрались мы еще в последний раз у Лаубана, а оттуда граф Милорадович, у которого глаза совсем опухли от трудов и бессонницы, поехал в Главную квартиру, где государь император весьма милостиво приглашал его провести несколько дней в покое. Начальство над аррьергардом принял отличный воинскими дарованиями своими граф Пален. И вот каким образом после 20-дневного пребывания под ядрами очутились мы при Главной квартире, где все покойно и где бури передо-

вых битв слышны только издалека. Не могу описать тебе, как приятна была та ночь, в которую я мог скинуть мундир и надеяться, что никакая тревога не прервет уже сна!..

Свист полевых птиц после свиста пуль казался райским пением. Немудрено было заболеть и графу! Он каждые сутки переменял по 6 лошадей, и каждая доходила под ним до крайней усталости. Один он, казалось, не уставал.

Не правда ли, что у нас роскошные господа и на охоту не ездят по двадцати суток сряду, а мы с лишком двадцать суток провели в сражениях!! Но малейший отдых заставляет забыть величайшие труды! Теперь, как я тебе сказал уже вначале, сию я под цветущими липами у светлого ручья и, вынув из кармана целую Германию[42], вспоминаю по ней о прошлых тягостях и опасностях, как Улисс[43] о своем странствии по морям. Наконец и военное перо мое, при всей грубости своей, иступилось. Прощай! И не пеняй на слог: право, некогда повторять риторики и правил.

Рейхенбах. Мая 25, дни перемирия

Перемирие утверждено. Всякий спешит от-

дышать после неописанных трудов сей войны. Граф уехал в Теплиц. Государь пожаловал ему на дорогу 1000 червонных. Начальник штаба полковник Сипягин отправляется туда же. Наши все кто куда — кто в Альт-Вассер, кто в Ландек, иные в окрестные деревни дышать свежим воздухом и любоваться картинными видами гор.

Я сижу в тесном Рейхенбахе и роюсь в пыльных бумагах. Мне поручено составить описание действий авангардных и арьергардных войск в прошедшей и нынешней войне. Проводя дни в непрерывных трудах, хожу и я по вечерам за город восхищаться величественною природою. Спешу также пользоваться близким соседством, в котором теперь случай поместил на время людей различных чинами, состоянием, дарованиями и свойствами. Мы все здесь — один подле другого. Нередко бываю у почтенного Егора Борисовича Фукса и, беседуя с ним, живо воображаю величайшего из героев. Вижу Суворова на высотах Альпийских, в борьбе с бурными стихиями, с врагами Отечества и с страстями собственных врагов своих. Видаюсь с земляком

нашим А. В. Энгл.г. рт.м.[44]. Я почитаю этого человека за то, что он, имея все средства покоиться на розах и приобретя полное на то право с лишением одной ноги, продолжает, однако ж, служить неутомимо и ревностно. Но чаще всего делю уединение мое с человеком, которого приязнь, к неопisanному удовольствию моему, недавно только приобрел. Я уже писал тебе о нем. Ты легко угадаешь, что я хочу сказать об Александре Ивановиче Данилевском. В таких молодых летах, как он, нельзя соединять вместе более ума, опытности, учености и любезности.

Он понимает почти все европейские языки и почти всю Европу объехал с замечанием. Но чаще всего говорим мы с ним об Италии. И все то, что изображала кисть Розы-Тиволи, перо блестящего Дюпати и славного Морица, нахожу я в живописных и умных его рассказах. Кажется, полетел бы знакомиться с итальянскою природою в цветущих садах ее долин, на берегах величественных озер и на хребтах поднебесных гор ее. С каким восторгом обозрел бы я древние области, прославленные историками и стихотворцами!.. Но

мне ль, рыцарю пустого кошелька, мечтать о сем! Где способы, где средства? Недаром некоторые живописцы изображают бедность в виде крылатого человека с гирями на ногах! Вместе с Александром Ивановичем Данилевским живут Щ. рб.н.н.[45], служащие при генерале К. Ф. Толе. Это умные, любезные молодые люди. Здесь нашлись и кадеты, наши милые, добрые товарищи и прекрасные офицеры: почтенный Алек. Григ. Краснокутский, исправляющий важную должность при графе М. И. Платове, Н. В. Сазонов, братья Граббе и проч... и проч... С нетерпением ожидаю сюда прибытия Д. И. Ахшарумова[46], его дружба еще более украсит мое уединение. Покамест прощай! Не пеняй на нескладный слог.

Мая 30. Город Нимч

Я был сегодня на прощальном обеде и прощался с почтенным человеком. Генерал Фукс отъезжает в Санкт-Петербург. Чиновники, служившие под начальством его, осыпанные его ласками и получившие чрез посредство его знаки отличий, смолвились сердцами провожать отъезжающего несколько миль и угостить его на дороге обедом. Что может

быть приятнее, как видеть начальника, приемлющего дань сердечной благодарности от подчиненных своих[47]? По приглашению добрых приятелей я был свидетелем сегодня такого зрелища. Я видел слезы благодетеля и облагодетельствованных: слезы удовольствия и благодарности. Счастлив тот начальник, который при отъезде своем не видит ни длинных лиц, ни нахмуренных бровей; его спутник — благословение осчастливленных им! Но много ль найдется таких? Распротясь с почтенным Егором Борисовичем, я уговорился с другими взобраться на Цобтен, которого вершина, вон там, чуть-чуть не касается облаков.

Побуду там и опишу тебе гору эту.

Цобтен

Угадай, откуда, с какого места прусской Силезии вижу я необозримую долину до самого Бреславля и за Бреславль, к Одеру и за Одер. Вижу тысячи деревень, множество городов, крепостей, местечек, башен, церквей и палат. Вижу величественный Одер и светлую Нейсе. В отдаленной картине вижу Варту, Глац и горы, межующие Силезию от Моравии. С другой

стороны, к западу, вижу волнистую цепь возвышений, начинающуюся холмами, которые, становясь выше и выше, достигают наконец степени высочайших, называемых Исполинами гор. Самая отдаленная и высоко за облака унесшая верх свой есть снежная гора. Догадываешься ли, что я стою на Цобте. Так, Цобтен есть одна из высочайших гор, между Бреславлем, Швейдпицем и Рейхенбахом. В нескольких словах расскажу тебе нашу поездку на сию гору. Мы поехали из Нимча, чрез Иорданс-Мюле, в маленький бедный городок Цобт, где обыкновенно путешественники берут проводников. Тот, которого мы взяли, повел нас самую отлогою и покойнейшею дорогою, по которой совершаются крестные ходы два раза в год. Вся эта дорога разделена на 12 притин. В них расставлены иконы, страсти Христовы изображающие. Каждый из богомольцев перед каждою из сих икон становится на колена, читает три раза «Отче наш» и потом уже идет далее. Французы, в бытность свою в сих местах, поступали совсем иначе: они били камнями и стреляли из ружей в эти образа. Большая часть из них и теперь еще

стоят расстрелянными, доказывая нечестие врагов веры и возбуждая против них справедливое негодование в набожном народе. Впрочем, всходя на Цобтен, нельзя не отдохнуть, по крайней мере, 12 раз. В продолжение пути проводник рассказывает истории, или, лучше сказать, басни, о сей горе. Но всего лучше во время роздыха любоваться видами. Посмотришь к Бреславлю — он весь как на ладони; смотришь на Швейдпиц — и восхищаешься разнообразностию его окрестностей; взглянешь на Исполинские горы — и содрогнешься пред величием дикой природы. Три горы: Штульберг, Мительберг и Энгельберг кажутся снизу равны Цобтену, а с нее представляются ничтожными холмиками. Жаль очень, что во всех местах сплетение деревьев не позволяет наслаждаться прелестными картинами природы. Надобно, чтобы вкус, вооруженный секирою, прошел по Цобтену и открыл лучшие виды. Во многих местах густота деревьев окружает вас темнотою ночи, вы идете ощупью и вдруг нечаянно вправо или влево, сквозь раздвинутые ветви видите океан сине-лазуревго света! Взойдя наверх, мы подумали, что уже до-

стигли неба. Великое пространство земли, подобно обширной картине, с реками, ручьями, озерами, лесами, городами и селами распахнулось пред нами. Как все кажется мало, когда смотришь с высоты! Замки казались хижинами; палаты — карточными домиками; а люди — муравьями! И сам Рейхенбах казался тогда точкою!.. Мы видели Гольд-Берг, Неймарк, Лигниц, Яуер и прочие за демаркационной линией французами занимаемые города. Но французов не видать было, ни их генералов, ни их фельдмаршалов, ни всех их великих людей! Цобтен не превышает еще облаков, а люди уже так малы с него кажутся! Какovy же должны они казаться жителям неба?.. Эти бурные движения народов, их ссоры, кровопролитные брани; это борение вооруженных страстей не должно ли казаться небожителям движением, подобным тому, которое мы видим в муравейнике или столпе комаров?.. Что ж после этого весь гром подлунной славы, все великие дела тех, которые прочтут себя только для здешнего мира; что сам Наполеон!.. Теперь верю, что жители высоких гор должны иметь мысли и понятия

возвышенные. Пустынник на вершине Цобта легко может позабыть все земное. Страсти бушуют у ног его. Спокойствие сияет над ним в лазури небес. Чтоб быть счастливым, должно воображать, что стоишь на Цобтене, и видеть вещи таковыми, как они с высоты его кажутся. Тогда ни знатность, ни величие, ни блеск украшений не возбудят в сердце твоём бури, называемой завистью. Ты будешь доволен внутренним чувством, что разгадал загадку земного величия мечтаний, надежд и счастья людского. Чтоб наслаждаться чистым воздухом, должно всходить на высокие горы; чтоб вырваться из вредного тумана страстей, предрассудков и заблуждений, должно привыкнуть возвышаться духом. Стоя на Цобте, невольно предаешься мечтаниям о древних переворотах мира. Сии необозримые долины, которые по справедливости можно назвать сухими морями, напоминают о том мрачном периоде времен, когда большая часть Германии была морем, и Цобтен, сохранивший и поныне наименование *великой скалы*, может быть, плавал в пучинах. Где слышен был вечный свист вихрей — там раздастся теперь пе-

ние птиц; где свирепствовали бурные волны — там пасутся стада! Вот как все изменяется! Тацит представляет нам Германию, покрытую дремучими лесами и болотами, а нынешнего времени историк назовет ее цветущим садом, но, увы! орошенным кровию! Что сказать исторического о Цобте? В XII столетии некто датчанин Петр Пфласт получил гору сию в подарок от герцога Бреславского, построил на ней замок и жил со своею женою. По-видимому, был он великий любитель природы и картинных видов. После смерти замок его достался монахам, которые, не стерня зимней стужи, переселились к подошве горы, в селение Гуркау. Замок опустел. Хищные рыцари засели в нем и производили долгое время набеги на окрестности, пока наконец Бреславские и Швейдницкие жители, соединись вместе, осадили гору, взяли замок приступом и превратили его в развалины. Теперь едва-едва приметны следы сих развалин. За 200 пред сим лет один аббат поставил на самой высоте церковь, которая и теперь существует, несмотря на то что высота Цобта достойна быть украшена гораздо красивейшим здани-

ем. Но вершину сию украшают облака, вокруг нее ходящие, и зарницы с молниями, в них играющие. В древнейшие времена на Цобте был языческий храм и гора сия называлась тогда Субботка. В 1335 году Польша уступила Силезию королям Богемии. От них вместе с их собственною землею перешла она к австрийцам, а от сих последних досталась Фридриху и была причиною Семилетней войны. По мере как мы сходили вниз, Штульберг, Мительберг и Энгельберг, смиренно лежавшие у ног наших, возвышались более и более. Наконец, когда мы очутились совсем внизу, они по-прежнему заслонили от нас Цобтен и казались равными ему. Не так ли и в обществе людей мелкие страсти заслоняют великие добродетели? Не так ли ничтожные способности затевают высокие дарования?

1 июля. Альт-Вассер

Вчера вздумали мы побывать под землею. Здесь, в Альт-Вассере, можно это сделать, ибо тут копают так называемые горные и земляные уголья. Мы садимся в лодку и вплываем в отверзтый свод, сквозь дикий камень прорубленный и в подземелье ведущий. Проводник

наш вместо весел действует руками, упираясь о стены, и лодка бежит. Мы прощаемся с светом, постепенно от нас отстающим, и видим мрак, бегущий к нам навстречу. Взятые с нами ночники и свечи слегка только разгоняют темноту. Видим красноцветную воду — она купоросная. Невысокий и не более 4 аршин в широту имеющий свод похож на наши Киевские пещеры. Плыдем версту, плывем другую, все под землею!.. Там и там встречаются горные люди с краснопламенными факелами. Одни провозят лодки, нагруженные углем, другие вырубает уголь из земли. Везде скрипят веревки, гремят цепи, движется механика. Вот один черный человек вертит колесо, другой врубается в черную стену. Внутреннее устройство в сих подземельях точно как в рудокопнях — те же и трудности. Для чего ж, когда и кем сделан этот подземный свод? Один немецкий граф за 25 лет пред сим, возвратясь из Англии, привез с собою план и тайну для устройства сих подземных сообщений, которые делают гораздо успешнейшими горные работы. Прежде и теперь в том месте, где достають уголь посредством машин прямо из-

под земли на поверхность, всякий работник, при всех усилиях, может выставить не более сорока мер в день, тогда как посредством сего канала каждый вывозит до 160 мер — это вчетверо!.. Целые горы угля лежат на поверхности подле ям. Безлесная Германия все захватывает и пожигает. Разумеется, что это приносит несметный доход владельцу; а что получают бедные работники: по два злота в сутки! Однако ж бергманы[48] и сами довольны, и целые семейства охотно посвящают себя этой трудной работе, сопровождаемой всегда болезненной старостью. Часто случается, что брат, дядя и отец задавлены глыбами или умерли от горной чахотки, а сын идет по их же следам — таковы люди!..

Трудно описать чувство, произведенное в нас появлением света, когда мы опять к отверстию приближались. Он очаровал, восхитил и усладил нас. Издали представился он нам в виде серебряной луны, которой длинные лучи глубоко в подземелье проникали. С приближением нашим лучи сокращались, а круг света, возрастая, уподоблялся солнцу. Как приятно увидеть свет после тьмы и

сквозь тьму — это вовсе необыкновенный свет! Такого нигде не увидишь, кроме картин Корреджио и Конто-ди-Ротари. Невольник, выходящий из темницы, может только иметь понятие о таком свете.

2 июля. Альт-Вассер

С величайшим трудом, взбираясь вверх более двух верст, достиг я вершины горы, где стоял главный маяк против Альт-Вассера. Какой обширный горизонт!.. Цепи тор, снежные вершины, Яуер, Швейдниц, даже Бреславль среди необозримых равнин своих — все видно! Выхожу наверх — горы унижаются предо мною; схожу наниз — они растут, высятся и, кажется, хвастают своею высотой. Не так ли царедворец, карабкаясь из мрачной ничтожности на высоту честей, видит, как упрямые вельможи и вся окрестная знать унижается его возвышением? Одно слово — гордый временщик быстро скользит с вершины вниз и в падении своем видит, что все перерастает, все становится выше его; даже и те, которых он не примечал у подножия своего, гордятся, высясь над его головою!..

7 июля. Фюрштентейн и Фюрштенбург

В пяти верстах от Альт-Вассера, с версту от большой Швейдницкой дороги, можно и должно видеть древний замок Фюрштенштейн. Посмотрев на здание замка и на местоположение его, вы не долго будете в нерешимости, чему отдать преимущество: тотчас последнее предпочтете первому. Какие виды! Какая природа!.. За несколько десятков лет пред сим надменное *искусство*, со всеми приманками, затеями и вычурами своими, явилось было здесь, чтоб, под видом украшения, перестроить и перерядить по-своему при роду. Но природа громко возопила против сего. Явно возроптали столетние дубы, увидев уничтожительные орудия готовые отсекать их древние ветви; сетовали густые рощи и скорбели из черных пропастей до светлого неба достигающие скалы. «Мы возросли свидетелями беспримерного величия ее, мы покоили под тению своею людей, с которыми ныне никто не посмеет сравниться ни в крепости сил, ни в твердости духа, ни в чистоте нравов и обычаев, людей, которые не имели даже понятия о том, что значит таять в роскоши и можно ль быть рабом, будучи германцем! Мы

не хотим надеть на себя позлащенных цепей искусства, чтоб пленять взоры питомцев неги. Нет! Лучше пусть огни небесные пожгут нас, или бури разрушения искоренят!» Тут нечего было делать. Искусство уступило природе. Оно предложило ей только услуги свои тем, чтоб дать средство любопытному путешественнику удивляться диким красотам ее. Например: искусство сделало несколько тысяч ступеней, чтоб ходить по крутизне скал; провело множество дорожек сквозь частые перелески; настроило мостиков; расчистило полянки; рассеяло по местам цветы и насадило плодоносные деревья среди вековых елей и дубов. Оно коснулось огромных скал — и загремели ключи и брызнули водопады... Вот что сделало здесь искусство. Оно только открыло природу. Посмотревши на огромный новый замок, имеющий 365 окон, вы увидите насупротив развалины Фюрштенбурга и непременно захотите побывать на том месте, где люди жили за 500 пред сим лет. С лестницы на лестницу, с уступа на уступ, среди плодоносных деревьев, множества цветов, мимо оранжерей спускаетесь вы ниже и ниже, и

места становятся мрачнее и дичее. Во глубине рва переходите ревущий ручей, а змеистые дорожки ведут вас на противулежащую крутизну. Вы видите скалу, висящую над вами... Несколько минут, и вы уже на ней! То проходите вы около самой бездны, то уходите от нее вверх; то, между тем как цветы улыбаются вокруг вас, нависшие громады скал хмурятся и грозят рассыпаться над главою вашею... Но я чувствую, что рассказ мой совсем холоден, не живописен, не похож на то, что я видел и хотел выразить. Для чего я не волшебник? Для чего не могу схватить и бросить на холст сих горных ручьев, чтобы можно было видеть, как быстро они текут, как растут от дождей; как сердятся от препятствий; как сражаются с камнями: то с стоном пробираясь под разрушенную скалу, то с шумом и пеной летят через нее!.. Для чего я не могу нарисовать всех прелестных видов Фюрштенштейна? Чтоб замок казался под облаками, тогда как я стою в глубоком рве, которого каждая отлогость есть сад. Или чтоб сей новый замок очутился у ног моих и заплатил бы за труд взбираться на старый Фюрштенбург. Пройдя

рощи, переправаясь через ручьи, следуя по дорожкам то вверх, то вниз, то сквозь отверстия, пробитые в скалах, вы наконец достигнете своей цели в приятной усталости. Возьдем чрез сей подъемный мост в этот древний готический замок. Издали мы полагали его необитаемым и крайне удивились, увидя противное. Престарелый смотритель предлагает нам показать весь замок — пойдем за ним. Вот зала, гостиная, ряд комнат в точном вкусе XII века. Все уборы того времени: обои, кресла, люстры — из оленьего рога; по углам большие серебряные подсвечники. Вот присутственная зала. Стол, покрытый красным сукном, и 12 кресел показывают нам место, где некогда рыцари совершали страшный суд истины. Возьдите по двум крутым лестницам вверх башни: там любопытство ваше будет рассматривать и дивиться хотя небольшому, но редкому собранию оружия. Древние луки, пищали, ружья и пистолеты без кремней, трением огонь производящие, все рыцарские доспехи, а более всего в 100 и 200 фунтов латы удивят вас. Были же люди, которые носили их! Углубляясь в рассматривание сих остат-

ков древности, невольно переносясья мыслию ко временам рыцарства. Воображение рисует картины домашней жизни сих необыкновенных людей... В холодный осенний вечер, когда ветры свистели в скалах и целые леса шатались над пропастями, когда буря, восставшая от севера, чрез необозримые леса и пустыни древней Германии протекая, свирепым дыханием своим, казалось, сдувала солнце с горизонта, гася свет лучей его и распуская по небу черные тучи, гостеприимный замок рыцаря представлял надежнейшее убежище от бурь. Заглянем в него. Множество свеч теплются в высоких серебряных подсвечниках, огни пылают в каминах, и древний рыцарь, которого голова поседела под тяжким шлемом, в кругу семейства своего, цветущего здоровьем и красотою, не чувствует непогоды. Вдруг слышится звук рога. Из сторожевой башни дают знать о прибытии рыцаря-гостя. С громом опускается подъемный мост и — входит странник. Все узнают рыцаря, живущего за сто верст — это почиталось тогда недальним соседством. Приветливость встречает его. Он снимает черный

шлем, верхние латы во сто фунтов и садится в кругу веселого семейства. Белогрудая дочь рыцаря, цветущая свежестию и красотой, подносит ему сок винограда, на южных долинах растущего, или потчует пенистым медом, которого соты в пустотах древних дубов и в ущелиях скал дикими пчелами приготавлиются; а рыцарь между тем рассказывает о дремучих лесах, чрез которые проезжал, о свирепых реках, которые переплывал, о лютых зверях, с которыми сражался. Он рассказывает о замках хищных рыцарей, о юных красавицах, которых молодость и красота увядает в заключении. Съезжаются другие рыцари, заседают в судилище, рассуждают о добродетелях рыцарей, избирают молодого витязя к освобождению страждущей красоты. Другому поручают прервать неволю великодушного защитника невинности, томящегося в подземном заключении. Или все вместе назначают за забаву себе охоту на дикого зверя, распространившего ужас среди окрестных поселян. Скачут по безднам и оврагам чрез горы и поля. Вой псов сливается с воем ветров, и отзывами стонут леса. Но если иноплеменник дер-

зал угрожать свободе отечества, если гремела труба военная, то в то же мгновение тысячи рыцарей, на бодрых копьях своих, составляли величественные строи. Грозно звучали их копья и брони, и прелестно волновались радужноцветные перья на шлемах. Так жили сии древние сыны Германии, защитники невинности, добродетели и красоты. Фюрштенбург существует уже 500 лет. Время и война обратили его в развалины, но теперешний граф*** вновь отделал верхнее жилье. Мы, однако ж, видели подлинные остатки пятивекового здания, сходя под самые нижние своды. Тут можно видеть в саду и террасу, где некогда, может быть, сражались рыцари и где за 13 пред сим лет прелестная Луиза, королева Прусская, присутствовала на карусели, представлявшей подражание древним забавам рыцарей. И теперь еще видны места, где сидела королева с знатнейшими женщинами своего двора. Окрестности Фюрштенштейна прекрасны. Взгляд на долину близ Фрейбурга восхитителен. Взоры теряются в необозримости сей прелестнейшей долины; множество ручьев, домиков и целые роции плодовых де-

рев испещряют ее.

Город Нейроде

Из Рейхенбаха в Нейроде дорога чрез горы. Между деревнями Штейн-Кунцендорфом и Гаусдорфом должно проходить по узкой и каменистой дороге высочайшую гору. Но подоблачные здешние горы отменно живописны, обработаны и населены. Нейроде приятный, чистый городок, и как ни мал, но все лучше больших польских городов. Тут есть прекрасные суконные фабрики.

Здесь опять надобно дивиться искусному обхождению горных жителей с водами. Версты за две не доезжая Нейроде, слышите вы подле дороги шум и журчание, но не видите воды: это подземный ручей. Он имеет причину прятаться, ибо едва только покажется на свет, как жители хватают его, обуздывают насыпью по берегам, замыкают в латоки и водят туда и сюда по пространству двух или трех верст. В середине города видите вы большую мельницу, на три постава день и ночь действующую. На какой она реке? спросите вы, и вас не поймут. Ибо здесь мельницы не на реках, а на ручейках. Тот самый ручей, ко-

торый попался мельникам в руки еще за городом, проведен ими сюда по латокам. Будучи возвышен на две и больше сажени от горизонта, он движет собою всю огромность мельницы. Но ручей сей полезен не одним мельникам. Боковыми латоками отводят воды его на огороды, сукновальни, сукнодельни и красильные фабрики. Если б дети богатых наших, господ ездили путешествовать единственно для пользы себе и своему отечеству, то, вместо того чтоб ринуться в блеск и разврат Парижа, они заезжали б в эти горы. Здесь научились бы они, что можно сделать прилежанием и трудом. Здесь увидели бы, как один рабочий ручеек может быть полезнее больших рек, праздну в дачах их протекающих. Здесь увидели бы они, как всякое почти семейство имеет свою фабрику. Отец с сыном сидят за станом и ткут по осьми аршин в день сукна. Мать прядет шерсть на ручной прядильной машине, две малолетних дочери обрабатывают шерсть. У них есть все потребные снадобья для обрабатывания, чески и очищения шерсти — вот и все!.. Купцы здешние весьма благородны в обращении.

Они имеют свой театр. На площади прекрасный фонтан, куда в ясные летние вечера сходятся брать воду и беседовать молодые девушки из всего почти города после дневных своих трудов на сукнодельнях. В горах воздух и нравы чище, нежели в долинах. Но это все не Саксония!..

Рекрутский набор в Силезии

«Что это за торжество?» — спросил я у крестьян, проезжая мимо одного дома, подле которого развевались знамена, украшенные разноцветными лентами, и в котором веселились. «Из этого дому берут в рекруты», — сказали мне. Вот как здесь это дело делается: набиратели приходят в дом к хозяину и объявляют, что сыну его по очереди достается идти на службу государю, на защиту отечества. Обрадованный отец выставляет лучшее вино на стол, и все празднуют избрание молодого человека в защитники отечества.

Таким образом, здесь все вооружаются. Я видел молодых людей, от 15 до 20 лет, весело играющих новым оружием своим. Я видел в Нейроде целую седоглавую колонну — 900 инвалидов, служивших еще с Великим Фридри-

хом, несмотря на бремя ран и лет, подняли теперь древнее оружие свое.

Так стремятся пруссаки защищать свое правительство!.. И как не защищать этого кроткого, на мудрости и точности основанного правительства? Представьте, что здесь не имеют даже понятия о взятках и о том, как можно разживаться должностью и как кривить весы правосудия за деньги!.. Несмотря на все мятежи военные, здешнее правительство исправнее и правильнее в домашних делах своих, нежели мои французские часы в ходе.

8 июля

Перемирие отсрочено до августа. Воспользуемся сим и съездим еще раз в Альт-Вассер, только чрез горы: дорога по полям скучна. Едем — Швейдниц остается у нас вправо. Мы сворачиваем в горы. С первого взгляда они кажутся совсем пусты: гранитные скалы и высокие сосны, торчащие на них, придают всему дикий и мрачный вид. Но как удивишься, увидя среди сих скал и лесов, во глубине диких оврагов, прелестнейшую обитаемость. Деревни здесь очень часты. Каждая из них, по

причине узкого пространства в тесноте гор, бывает от одной до двух верст длиною, и все они вместе составляют почти непрерывную цепь селитьбы. Вот мы въезжаем в одну горную деревню. Глубокий овраг, так сказать, насыпан прекраснейшими домиками. Некоторые из них как будто утонули в зелени кустов, одни только раскрашенные кровли мелькают. Другие разбросаны по скалам; иные под навесом оных; а большею частию расположены они по обоим скатам оврага на берегах ручья, который при малейшем дожде становится рекою. Множество красивых мостиков перегибаются с скалы на скалу, с берега на берег. Горные ключи журчат и брызжут из-под скал, голубые волны ручьев прыгают по камням — и все это вместе составляет полную картину лучшего английского сада. Чем далее в горы, тем они выше: с обеих сторон видишь горы на горах, леса, нависшие над лесами. Сердитые воды с шумом перебегают дорогу. Пещеры зияют из-под скал. Вейстриц есть, может быть, прекраснейший на горных ручьев: как быстро течение, как чиста лазурь волн его! Это точно Оссияновский ручей!

Кстати о здешних ручьях. Здесь каждая речка приносит удивительную пользу. Немцы дружны с гидравликою. Речка, протекающая близ селения, становится совершенно работою жителей его. Ее сворачивают с природного течения и разделяют на множество ручьев, которые всякий употребляет по надобностям и произволу своему. Иной ведет свой ручей через огороды и, отпирая заставки, наводняет их. Другой пускает воды на поля. Разные ручьи вертят колеса разных машин и мельниц и, окропив сады, нивы, луга, наполнив все домашние фонтаны, вырываются наконец из селения; но удержаны будучи большою плотиною, образуют озеро и ворочают огромные колеса мельницы, пильни, сукновальни или бумажной фабрики. Большая река в другом Крае не приносит столько пользы, как здесь безыменный ручей: вот польза искусств и трудолюбия!

Рейхенбах, июля 25

Исполняю просьбу твою. Вот несколько образчиков слога и содержания того занятия, над которым трудился я почти во все время перемирия. Целое покажется в свое время, те-

перь взгляни покамест на части. Я выбрал нарочно такие места, которые, изображая разные обстоятельства Отечественной войны, могут быть занимательны и понятны для всех и для каждого в кругу своем. На слог не пеняй! Ему ли цвести в военных записках при знойном дыхании войны!.. Препровождаемые тебе выписки могут послужить немалым объяснением и для всех прежних моих описаний.

ВЫПИСКИ, СЛУЖАЩИЕ ОБЪЯСНЕНИЕМ ПРЕЖНИХ ОПИСАНИЙ 1812 ГОДА **Отступление армии к Вязьме, Гжатску и далее. Дух народа, войск и проч.**

Отступление армий наших продолжалось далее и далее. Все пространство между Вязьмой и Гжатском отдано неприятелю, который час от часу становился дерзостнее и наступал сильнее. Все окрестное дворянство, оставляя поместья свои, удалялось большею частью в замосковные губернии. Великолепные дома стояли пусты, и самые поселяне, покидая в жертву неприятеля мирные хижины, в которых родились, и драгоценнейшее наследие предков, нивы, обогащенные обильной жат-

вой, удалялись с семействами своими от мест их родины. Многие из сих прямо русских поселян сделали себя в полной мере достойными благодарности Отечества. Целые селения, укрываясь в густоту лесов и превратив серп и косу в оборонительные оружия, без искусства, единым мужеством отражали наглые нападения врагов. Ужас предшествовал неприятелю; опустошение сопровождало его. Каждая ночь освещалась ужасными заревами пожаров: неприятель истреблял все мечом и огнем. С горьким, неизъяснимым чувством прискорбия солдаты наши видели землю русскую, объятую пламенем; видели храмы божий разрушаемые, иконы и алтари обесчещенные и веру отцов своих поруганную. С горестью видели они себя принужденными уступать хищному неприятелю села, города и целые области. Они разделили скорбь, повсюду распространявшуюся; они видели и слезы сограждан своих, и слышали обеты и моления их к богу, управляющему судьбою браней. Обе армии одушевлены, преисполнены были единым желанием — желанием стать твердою ногою на одном месте и, выдержав

решительный бой, умереть или спасти Отечество. Есть случаи, в которых люди охотно жертвуют своею жизнью! Жертва эта тем важнее и благороднее, чем более клонится к пользе и спасению сограждан. Так и во время отступления армии каждый воин желал лучше умереть, нежели заслужить укорительное нареkanie потомства.

Описание ночи, предшествовавшей Бородинскому сражению

С 25 на 26 августа 1812 года ночь, предшествовавшая великому сражению, проведена была совершенно различно в наших и неприятельских армиях. Солдаты наши, спокойные в совести, уверенные в помощи бога, защитника правых: одни — после жаркого вчерашнего боя, другие — от дневных трудов спокойно отдыхали при потухающих огнях. Глубокое безмолвие ночи, по всему протяжению стана русского, ничем не прерывалось, кроме протяжного отзыва часовых и глухого стука работающих на окопах.

Напротив того: ярко пылали удвоенные огни в стане неприятелей; музыка, пение, трубные гласы и крики наполняли отзывами

окрестности. Через целую ночь продолжалось у них движение. Известно, что в сию ночь Наполеон, император французов, осматривая все свое войско, объявлял иному, что намерен дать решительное сражение, и говорил речи, в которых обещал мир и отдохновение в Москве, преисполненной забав и роскоши. Армия Наполеона, составленная из различных народов, разных обычаями, наречием, нравами и верой, завлеченных в дальние пределы чуждых стран не для защиты отечества, не для возвращения свободы, но единственно по ослеплению через хитрости честолюбивого вождя, — такая армия имела нужду в убеждениях. Должно было льстить страстям и потакать распутству, Наполеон не щадил ни вина, ни улещений. Обещанием победы и неизсчетных выгод оной умел он очаровывать многочисленное воинство свое и поощрять его к отчаянному нападению.

Приближение армии к Москве

Между тем главная армия находилась уже в ближайших окрестностях Москвы. В виду сей древней столицы собран военный совет, в котором присутствовал сам Светлейший

Князь со многими другими генералами для совещания о участи ее. Возможность не соответствовала пламенному желанию русских сохранить мать и красу городов своего Отечества; ибо столь огромный город, как Москва, не имеющий ни укреплений, ни выгодных мест для боя, почти совершенно неудобен к защите; всякий ему подобный город легко может быть обойден и отрезан от сообщений вместе с армией, которая вздумала бы защищаться в нем. А важнее всего то, что в случае отступления войск во время бою они легко бы могли разойтись по всем тем разным дорогам, на пересечении которых стоит Москва, тогда как единственное средство в то время, для надлежащей обороны, было совокупление оных вместе. Вот причины, которые с первого раза могут представиться всякому рассуждающему о сдаче Москвы; причины же, принятые в совете, о которых, конечно упомянуто будет в истории Отечественной войны, суть бесспорно несравненно сих важнее.

Впрочем, Москва, опустелая, мрачная, унылая, не была уже тем блестящим, многолюд-

ным, великолепным городом, которым привыкла славиться Россия. Все вельможи, все богатые люди выехали в дальние губернии; большая часть сокровищ увезена. Оставшееся купечество и толпа народу готовы были еще защищать священные стены древних зданий, храмы божий и гробы царей российских; но, видя отступающую армию, оставляя все, следовали за оною. Многие показали такие примеры пренебрежения собственных выгод и преданности к общей пользе, которые удивляли нас только в истории. Сии усердные сыны Отечества сожигали собственные дома свои, дабы не дать в них гнездиться злодеям.

Москва занимается неприятелем без боя

Между тем наступал решительный час, в который сия российская столица, в течение двух столетий не только в стенах, но даже и в окрестностях своих не выдавшая врагов иноплеменных, должна была перейти в чужое владение. Неизменна воля свыше управляющего царствами и народами. В пламенном, сердечном уповании на сего правителя судеб россияне с мужественной твердостью уступили первейший из городов своих, желая сею

частною жертвою искупить целое Отечество. Около вечера неприятель, вступая с большою осторожностью и на каждом шагу останавливаясь, начал распространяться по улицам и занимать город.

Действия Кутузова по оставлении Москвы

ВЫ

Светлейший Князь, оставляя Петербургскую и прочие дороги, которые из разных застав Москвы ведут в разные концы России, избрал среднюю между ими — Рязанскую. Полководец не столь искусный, вероятно, устремился бы защищать и оспаривать у неприятеля дорогу Петербургскую, открыв через то набегам его все прочие области России, из которых армия пользовалась всеми жизненными средствами и получала подкрепления; но Кутузов, как вождь, летами и опытом умудренный, сделал движение, совершенно тогдашним обстоятельствам приличное. Ибо если бы неприятель и вздумал идти на Петербург, то вся армия, ступая шаг вправо, стала бы у него в тылу; а движением влево (разумеется, когда войска стоят лицом к Москве) войска наши могли совершенно за-

слонить от всех покушений неприятеля изобильнейшие губернии России.

Последствие, исполненное счастливейших для нас успехов, оправдало во всех отношениях сие искусное движение, которое, будучи спасительно для жителей, вышедших из Москвы, прикрывало также и все государственные и частные сокровища, по той дороге отправленные.

Наполеон в Москве; Кутузов скрытно передвигает войска, направляясь к неизвестной для неприятеля цели

5 сентября. Уже два дня владеет неприятель столицею. Армия наша кажется ему отступающей по Рязанской дороге, ведущей за Оку, Волгу и далее в беспредельность России.

Дорога С.-Петербургская обороняется отрядом барона Винценгероде; Владимирская — частью отступающих по ней войск; Можайская совершенно во власти неприятеля; Тульская и обе Калужские открыты ему.

Теперь увидим, на что решится Наполеон и что предпримет Кутузов. Чтоб судить о последствиях, должно определить главную причину действия. Для сего представляют два

предположения: пришел ли Наполеон в Россию с тем, чтобы завоевать и покорить ее; или не с тем ли пришел он, чтобы, наполнив Европу громом сей единственной войны, опламеня ею многие области России и захватя, наконец, самую столицу, предписать выгоднейший для себя мир, не простираясь далее в завоеваниях?

Известия о состоянии армии неприятельской, уверения пленных и все прочие соображения оправдывали совершенно последнее из сих двух предположений. Наполеон оставался в Москве — и Москва, обогрренная кровью, наполненная злодеяниями, неистовством и грабежами его войск, исчезла в глазах его, как великолепный призрак среди неугасимых пожаров. Что же предпринимает в это время Кутузов? Все то, что глубокая проницательность, долговременная опытность и хитрость воинская внушить полководцу могут.

Он спешит передвинуть войска на Тульскую и Калужскую дороги, дабы прикрыть сии города, как врата обильнейших областей России, из которых в то время двинулись на-

встречу армии большие обозы с продовольствием и много старых и вновь набранных войск.

Тарутино

23 сентября армия, совершив благополучно все движения свои, достигнув цели, преднамеренной искусным вождем, остановилась за рекой Нарою при селе Тарутине, принадлежащем Анне Никитишне Нарышкиной.

Армия, расположенная лицом к Москве, по обеим сторонам большой дороги на правом берегу реки, имела все выгоды просторного стана; и сие есть одно из преимуществ местоположения Тарутинского перед Бородинским, в котором войска крайне стеснены были.

Крутые берега Нары, которая здесь почти такова же, как река Москва у Бородина, доставляли в некоторых местах природную оборону; а весь стан укреплен был искусством превосходным образом. Нара, текущая от Можайской через старую и новую Калужские дороги, близ Серпухова впадает в Оку. Если б вместо речки Нары была тут другая в широте и глубине река, то воинский стан при Тарутине мог бы почесться неприступным. Однако

ж все меры для соделания его таковым были приняты. Все пространство на правом крыле армии до самой Оки, пересекающей Тульскую, Каширскую и Рязанскую дороги, оберегаемо было цепью легких отрядов; ополчения всех губерний, лежащих между Волгой и Окой, выдвинуты на правый берег сей последней и расставлены в ближайшем расстоянии от реки, составляя сторожевую линию от Серпухова к Кашире, оттуда к Коломне и далее к Рязани. Извещательные стражи и маяки, по берегу устроенные, готовы были тотчас развестить по всему пространству о появлении неприятеля в каком-нибудь одном месте.

Сих предосторожностей слишком довольно было для правого крыла; ибо нельзя было ожидать, чтоб неприятель сделал теперь то, чего он с самого Немана еще не делал, то есть чтоб решился обходить нас справа: он потерялся бы тогда в неизмеримости русской земли, которую русские готовы были превратить в пустыню до самой Волги для того только, чтобы сделать ее гробом враждебных тысяч. Итак, оставалось заботиться о левом крыле. Взглянем на оное. Село Тарутино почти на од-

ной черте с Боровским на новой Калужской дороге и с Георгиевским, что на дороге Медынской. Извещательные отряды должны были тотчас дать знать при появлении неприятеля в сих местах; и коль скоро открылось бы покушение его прорваться в Калугу, то фельдмаршал удобно мог передвинуть козвенным путем все войска влево и силами неприятельским противопоставить свои.

В таком-то положении были русские при Тарутине. Армия, отовсюду обеспеченная, под щитом благоразумия, наслаждалась столь нужным и полезным для нее отдохновением, укрепляясь самым бездействием своим и становясь час от часу могущественнее и страшнее без пролития крови, без боя и сражений.

Около сего времени возникла другого рода война, весьма полезная для нас и крайне вредная для неприятеля.

Здесь говорится о малой войне, или действиях *наездников*.

Сии наездники (*партизаны*), начальствуя летучими отрядами, из разных войск составленными, имеют все способы переноситься с места на место, нападать внезапно и действо-

вать то совокупно, то порознь вдруг с разных сторон или пересекая черту сообщений.

Они же могут доставлять армии подробнейшие сведения о всех скрытых и явных движениях неприятеля. Сей род малой войны, доставляя случай молодым людям поверять опытом приобретенные ими познания и открывая воинские способности их, образует отличных офицеров. Во время пребывания армии в Тарутине она имела два отделённых отряда; 1) генерала Винценгероде, действовавший по С.-Петербургской, Ярославской, Дмитровской и Владимирской дорогам; разъезды сего отряда двигались: около Можайска, Рузы, Волоколамска и Воскресенска, 2) генерал-майора Дорохова, взяв приступом укрепления Вереи, действовал к Можайской дороге перерез опои. Генералу Шепелеву поручено было, составив особый отряд, прикрывать Брянск от нападения неприятеля, начинавшего уже показываться в Рославле. Известнейшими наездниками в то время были: 1) подполковник Денис Давыдов: он давно уже жил в весьма удачно действовал между Гжатском и Вязьмою; 2) Сеславин около Боровска; 3)

князь Вадбольский у Вереи; 4) князь Кудашев между Серпуховской и Коломенской дорогами; 5) Фигнер, прославившийся своей отважностью, появлялся в ближайших окрестностях Москвы, проходя неоднократно даже тесное пространство между армией французской и передовой ее стражей. Вообще всем отрядам сим предписано было держаться реки Нары. Впрочем, множество повсюду рассеянных казачьих разъездов, хотя проселками, избирали каждый для себя направления, обстоятельствам приличные.

Таким образом, со всех сторон окруженный пламенем и войсками, гордый завоеватель Москвы увидел себя вдруг осажденным в развалинах ее.

И между тем как французские ведомости, наполняя Европу шумом и молвой о непобедимой армии своей, возвещали повсюду, что гром пушек французских уже слышен в пределах Азии; что войска России истреблены мечом, а народы ее поражены грозным именем Наполеона, сей самый Наполеон и страшные легионы его должны были терпеть все нужды, все ужасы строжайшей осады и про-

стой хлеб считать выше всех драгоценностей, во множестве ими награбленных. Напрасно разные полки по разным дорогам из Москвы высылаемы были искать не побед, не лавров, но пропитания. Все они, встречая повсюду вооруженных крестьян, пики донцов и штыки русских солдат, принуждены были с горестным стоном возвращаться назад и ожидать решения судьбы своей на тлеющем пепле столицы.

Но совсем противное сему было в Тарутине. Войска наши, огражденные окопами, видя себя усиленными через ежедневно прибывающие подкрепления и чувствуя успокоение после продолжительного отдыха, час от часу становились бодрее и довольнее положением своим. Какое-то тайное предчувствие, уверяя всех и каждого, что Россия не увидит неприятеля за Нарою, возрождало прелестнейшие надежды о свободе Отечества. Радость заступила место грусти; веселые песни раздавались в полках. Вскоре открылись обильные рынки. Окрестные поселяне во множестве привозили хлеб, овощи и плоды; маркитанты торговали винами и прочими припасами;

солдаты и казаки продавали лошадей и множество дорогих вещей, отнятых у неприятеля. Простые соломенные шалаши час от часу становились обширнее, покойнее. Некоторые из них имели в себе даже камины и все прочие выгоды комнат. Словом, укрепленные высоты Тарутина среди веселых отзывов музыки и пения, освещенные необозримыми рядами вечерних огней, представляли вид не простого воинского стана, но некоего великолепного города.

Наполеон, обманутый в мечтах своих

Как жестоко обманулся честолюбивейший из полководцев в дерзких мечтаниях своих! Ему казалось, что он все предусмотрел, все предуготовил к успеху исполинского предприятия своего.

Уже язык французский слышен стал во всех пределах и во всех состояниях России; уже вместе с ним водворились повсюду обычаи и нравы французские, вредной роскошью и развратом сопровождаемые. Французы взяли полный верх над умами; для них отворялись палаты и сердца дворянства.

Французам вверено было драгоценнейшее

сокровище в государстве — *воспитание юношества*. И французы, обращая все сие во зло для нас, извлекали из всего возможнейшую пользу для себя. Наполеон не прежде решил-ся идти в Россию, пока не имел там тысячи *глаз*, вместо него смотревших; тысячи *уст*, наполнявших ее молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи *ушей*, подслушивавших за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных.

Таким-то образом, подрывая коренные свойства народа, заражая нравы, ослепляя умы, соблазняя сердца лестью и золотом, одерживал он заранее победы в сей тайной, но всех других опаснейшей войне.

Одно только обстоятельство, сделавшееся впоследствии чрезвычайно важным, упущено было им из вида. Легкомыслие скрытых врагов отечества нашего с древнего времени взирало с презрением на состояние земледельцев или крестьян, составляющих самую большую часть народа России. Французы думали, что люди эти, будто бы удрученные ярмом рабства, при первой возможности гото-

вы будут восстать против всех законных властей и что пламя бунта столь же легко разольется по России, как пламя сжигаемых ими селений и городов.

Но сии-то люди, казавшиеся им ничтожными в скромной простоте своей, явили себя истинными героями сего времени. Вера, верность и любовь к родине составили многочисленные ополчения и вооружили их непреодолимой твердостью. Нет ничего полезнее для государства и ничего ужаснее для врагов его, как восстание целого народа.

Французы пренебрегали дух народный, в бездействии дремавший. Но пробуждение его было пробуждением уснувшего льва. Одни и те же причины в то же самое время производили одинакие действия в России и в Испании. Наблюдатель превратностей в судьбе царств и народов с любопытством будет смотреть на сию эпоху времени, ибо прежде воевал Наполеон только с государствами, теперь народы вступили за государей. Он воюет с народами и чувствует уже тяготу этой священной войны, в которой миллионы готовы пролить свою кровь для спасения свободы, алта-

рей, престолов и древних своих прав. Но обратимся к Тарутину. Уже наступил октябрь месяц, а погода была еще ясная и дни довольно теплые. Скоро, однако ж, скоро все должно перемениться; и что будет с завоевателями России, когда они узнают суровость ее зимы? Скоро нестерпимый холод разольется в воздухе; скоро завоюют осенние ветры, надвинут темные тучи, земля покроется снегами, и лютые морозы русские ополчатся на землю свою...

Прибытие 20 000 донских войск к Тарутину

В сие время, между прочими ополчениями, прибыли в Тарутино 20 казачьих донских полков. Войска эти составлены были из престарелых казаков, выслуживших уже срочное время, и молодых людей, еще не достигших зрелости лет. Они двинулись с берегов Тихого Дона по предварительному зову своего атамана и внезапным прибытием много обрадовали самого Светлейшего Князя, который о звании ничего дотоле не ведал. Приятно было видеть ополчения сил, в рядах которых бодрые юноши являлись между воинами, заслу-

гами, ранами и седиными украшенными. Отцы встречали тут детей, и даже внуки находили дедов. Целые семейства переселились с Дона на поле брани. Прибытие их сделалось тотчас известным и страшным неприятелю. Армия французская увидела себя, так сказать, осыпанной многочисленными роями конницы, которая, с быстротою ветра носясь вокруг нее, смерть и страх повсюду рассеивала.

Картина французских биваков после сражения 6 октября

Войска наши неослабно преследовали неприятеля, забирая на биваках его множество повозок, награбленными корыстями навьюченных. Несколько церквей, бывших в руках неприятеля, представляли разительный вид поруганной святыни. Престолы были разрушены, иконы ниспровергнуты, в алтарях спали солдаты, а на помосте храмов стояли лошади, наполняя ржанием своим те священные стены, в которых раздавалось до толе одно благоговейное пение в честь боже-ству. Лики святых употреблены на построение шалашей.

Ужасно опустелые места, где гнездились

сии поборники злочестия, представляли самую мрачную картину опозоренного человечества и все ужасы дикой пещеры разбойников.

В одном месте лежали груды тлеющих трупов французских, погребения не удостоенных, в другом разбросанные церковные утвари, изломанные оклады с образов; далее скелеты издохших лошадей, которых мясо съедлось голодными завоевателями. Предметы, пышную роскошь и крайнюю бедность представляющие, вместе тут глазам являлись. Целые головы сахару, вина и прочие лакомства брошены были подле жареного конского мяса и пареной ржи. Богатые одежды, зеркала, бронзы, обрызганные кровью, члены человеческие валялись вместе с членами убитых скотов.

Множество больных, всякого призрания лишенных, разбросанные по полям, бледные, обезображенные, умирали в мучительных терзаниях совести, наполняя воздух стоном и проклятиями.

Между сими несчастными жертвами честолюбия было много женщин и малых де-

тей.

Невинные младенцы, не находя пищи в груди мертвых матерей своих, с жалостным воплем умирали на охладевших телах.

Оставление высот Тарутинских

Итак, укрепленные высоты Тарутина остались необагреными кровью! Да пребудут до позднейших времен сип твердыни, заслонившие сердце России, знаменитым памятником ее спасения и вместе священнейшим мавзолеем для всех, великий подвиг сей совершавших!.. Да не коснется их разрушение от руки человеков, доколе тяжелые стоны лет и столетий, медленно переходящих в вечность, не изгладят их. Когда мирный землепашец поздних времен, возделывая нивы на тихих берегах Нары, с благоговейным содроганием взирать будет на сии громады древних лет: пусть каждый просвещенный отец семейства с восторгом указывает их питомцам своим; пусть, раскрыв книгу бытописаний, напоминает им о днях мрака, бурь и треволнений, когда дым, пламень и кровь покрывали землю русскую, когда скорбь, рыдания и смерть были общим, круговым горем. Пусть напоминает им о днях

неслыханных битв, повсеместных ополчений и великих жертвований. Пусть, с сердечным умилением, указывает опять эти же высоты, как места священные, где занялась первая заря свободы плененного отечества, где первый луч надежды, посланник небес, осветил сердца вернейших сынов России; где первое «ура!» известило бегство неприятелей и первая улыбка радости блеснула на лице полков. Пусть, наконец, представит им, сколь велик бог, спаситель земли нашей, сколь тверд был государь ее, сколь мужествен народ, сколь мудры полководцы и сколь храбры войска, истребившие неисчислимых врагов!..

Вид Малого Ярославца после боя

Малый Ярославец, занятый войсками генерала Милорадовича, представил глазам их позорище, еще ужаснейшее того, которое видимо было на биваках французских после сражения 6-го числа.

Улицы, кровью политые, усеяны обезображенными трупами. Сотни французских раненых, умерших и умирающих, раздавлены и по членам раздроблены проездом собственных их пушек. Все церкви ограблены и пору-

ганы. На одной из них читали надпись: «*Копюшня генерала Гильемино*».

Преследование неприятеля косвенным (фланговым) походом и трудности оно-го Быстрота и неутомимость необходимы бы-ли для достижения неприятеля. Для сего должно было забыть о пище, отдыхе и сне.

Генерал Милорадович, разъезжая перед войсками, ободрял их примером и речами, напоминая всем и каждому прежние походы с Суворовым, трудные пути Альпийских гор, поощряя через то преодолевать всякое препятствие, забывать всякую нужду, помня только о единой славе и свободе отечества. Такие увещания не были напрасны; солдаты с удовольствием внимали им — и темные осенние ночи, влажные студёные туманы, скользкие проселочные дороги, томительный голод и большие переходы не могли остановить рвение войск, кипевших желанием настичь бегущего врага. Солдаты наши дышали мщением; но мщение становится страстью благородной и похвальной, когда оно имеет целью обиды отечества. Притом и сладкая надежда о скором возвращении прежней славы немало

подкрепляла передовые войска среди неопи-
санных трудов их.

Окончание большого сражения при Вязьме, октября 22 дня

Уже город Вязьма в виду; неприятель бес-
престанно тесним и поражаем на простран-
стве 15 верст. Кровопролитное сражение ре-
шается в пользу нашу. Победа явно к нам бла-
госклонна... Пушки наши во множестве гре-
мят. Войска наполняют воздух восклицания-
ми «ура!» — и толпы неприятеля бегут... Но
день меркнет, и темная осенняя ночь готова
скрыть бегущих.

Победители сетуют, для чего нет власти,
могущей сказать солнцу: *постой!* Но крат-
кость времени замедляется быстротой: 11 и
26 отделение войск под начальством гене-
рал-майора Паскевича и Чоглокова вместе с
Белозерским полком, сомкнув строя свои,
стремятся выбить запершегося в городе
неприятеля. Перновский пехотный полк, впе-
реди всех стоявший, с распущенными знаме-
нами и барабанным боем первый врывается
в город, очистив по трупам неприятельским
путь другим. С другой стороны генерал Мило-

радович сам с некоторыми генералами вводит все полки конницы в объятый пламенем город Вязьму.

Неприятель стреляет еще из домов; разбросанные бомбы и гранаты с громом разряжаются в пожаре; горящие здания упадают, пылающие бревна с треском катятся по улицам; но ничто не сильно остановить ревности войск и мужества начальников.

Неприятель прогнан — и еще один отечественный город, в котором имел он твердое намерение держаться и который в неистовстве своем стремился обратить в пепел, вырван из хищных его рук.

Поражение Нея при Красном, ноября 6 дня

6 ноября поутру получает генерал Милорадович известие, что маршал Ней с 30 000, закрывая отступление французской армии из Смоленска к Красному, показался перед сим последним городом. Желая нанести чувствительнейший удар неприятелю, его высокопревосходительство не удовольствовался беспокоить его только со стороны, но отрезал ему совершенно путь, став твердой ногой на

дороге и расположа войска по обеим сторонам оной. Войска генерал-лейтенанта Раевского стали по правую сторону; князя Голицына — по левую; князя Долгорукого 2-го на самой дороге; генерал-лейтенант Уваров начальствовал конницею, устроенной за пехотой. Глубокий ров простирался перед всей нашей линией. Генерал-майор барон Корф с кавалерийским корпусом сильно беспокоил неприятеля с тыла.

Таково было положение маршала Нея. Может быть, в первый еще раз в жизни своей, исполненный громкой воинской славы, видел он себя в столь тесных обстоятельствах. Тут не было середины. Должно положить оружие и лавры многих лет к ногам победителей или найти славную смерть в отчаянном сражении. Нетрудно угадать, что маршал Ней решается на последнее. Построя в густые колонны многочисленное войско свое, он поощряет его примером и речью. «Неприятели, — говорит он, — теснят нас с тылу; Наполеон ожидает впереди. Сии толпы русских, дерзающие представиться глазам вашим, тотчас рассеются, исчезнут, побегут, коль скоро вы решитесь

ударить на них с мужеством, французам свойственным. Не взирайте на гром неприятельских пушек: они страшны только для малодушных, Победим русских их же орудием — штыками. Друзья, я вижу мановение победоносной длани императора нашего, зовущего нас на соединение с ним. Французы! Смерть и плен позади вас; Наполеон и слава впереди; маршал Ней с вами; вперед!!!»

Генерал же Милорадович, покрывший уже себя блистательнейшею славою в течение трех предшествовавших дней, в самое это время среди смерти и ужасов сражения спокойно занимался обозрением мест и, проезжая мимо полков, по обыкновению своему, ласково с солдатами разговаривал. Войска кричали ему «ура!»...

Генерал, твердо уверенный в победе, благодарил полки за приветствие, тем из них, которые наиболее отличили себя славными подвигами, дарил заранее выступавшие из лесов колонны неприятельские. Такие подарки принимаемы были с новым восторгом и новыми восклицаниями «ура!». Твердая уверенность вождя в победе мгновенно сообщалась

войску; оно кипело мужеством и ожидало только знака к нападению. Все это происходило под страшным громом наших пушек, при взаимном действии неприятельских, в лесах укрытых.

Между тем и маршал Ней войска свои, речью его ободренные, течением теснимые и пробиться надеждой подкрепленные, при громком барабанном бое и веющих знаменах, ведет четыремя большими колоннами с артиллерией во главе оных, невзирая на убийственный огонь всех пушек наших. В грозном виде выступили из густоты тумана войска неприятельские. С приближением их пальба умолкает. Глубокая тишина распространяется по всем линиям, все безмолвствует, ожидая решительного конца. Конец сей должен был доказать, чья пехота первая в свете: французская ли, победами многих лет прославленная и в тот час отчаянием и храбрейшим из полководцев своих предводимая, или российская, столь мужественно ему противувавшая. Генерал от инфантерии Милорадович поручает храброму генералу Паскевичу с 26-й дивизией привлечь колеблющуюся победу к

знаменам нашим и решить столь важный спор о преимуществе пехоты. Тотчас неустрашимые войска сего генерала, быстро двинувшись навстречу идущим без выстрела, ударяют в штыки. Победоносное «ура!» гремит в туманах; и прежде нежели отзыв губительного для неприятеля восклицания сего успел наполнить собой все окрестности и возвестить прочим войскам торжество наше, колонны неприятельские были уже поражены, гонимы и в бегстве истребляемы.

Из 4 больших колонн одна на месте положена. Прочие покусились было снова устраиваться за своими пушками; но лейб-гвардии Уланский полк бросился на них, взял пушки со всеми артиллеристами и всю оставшуюся толпу рассеял и побил.

В сие же время приказал генерал Милорадович и князю Голицыну ударить на правое неприятеля крыло; но едва успел он подвинуться вперед, как встретил уже идущие на него новые французские колонны. Павловский гренадерский полк бросается в штыки, бьет и обращает их назад, дивизионный генерал Ланшантен, стараясь остановить бегу-

щих, ранен и взят в плен. Генерал Разу убит. Тут бегство неприятеля становится общим. Но, не видя в оном спасения, 12 000 кладут оружие; а сам маршал Ней, с слабыми только остатками переправясь через Днепр, укрывается от преследования повсюду разосланных за ним отрядов.

Потеря неприятеля в сии дни: убитыми 15 000; в плен взятыми: генералов 2, штаб- и обер-офицеров 285, рядовых 22 000, пушек 56 и чрезмерное количество всякого обоза.

Общий беспорядок и уныние в бегущих остатках французской армии суть важнейшим последствием сих побед.

Тотчас по одержании оных известный статский советник Фукс писал к его императорскому высочеству Константину Павловичу следующее:

*«Ваше императорское высочество!
Сейчас входит к фельдмаршалу Михаил Андреевич Милорадович и повергает ему победы свои. Весь корпус генерала Нея истреблен. Его самого ищут. Отягченный лаврами Кутузов бросается в объятия победителя. Сей спе-*

шит писать донесения и поручил мне донести вашему императорскому высочеству, что Уланский полк покрыл себя блистательнейшей славой.

Счастливым он себя почитает, доставив ему Георгиевские знамена: ибо шеф одного полка великий его благодетель. Счастлив и я, что очевидец опять славы России!»

Вступление войск в Польшу

С самого вступления войск в древние пределы Польши Светлейший Князь в особенном приказе объявил армиям волю государя, чтобы солдаты наши, укротя дух мщения и забыв все прежние обиды, обходились с жителями с свойственным русским великодушием.

Здесь-то изящнейшие качества монарха России явились в полном блеске своем. Напрасно виновные жители Литвы, совестью тревожимые, трепетали в мечтаниях, ужасом порожденных, что мщение предходить будет русским полкам; что разрушение от меча и огня запечатлеет следы победителей и что кровь преступников польется в стране их... Великодушные ополчения российские, победою предводимые, спокойно вступили в пре-

делы Польши. И как удивился бурю мятежа восколебанный народ сей, увидя дома свои целыми, права не уничтоженными, к законам почтение, а храмам благоговение оказываемое. Словом, везде, где только развевались знамена русские, тишина и утешение водворялись.

О пользе воинских наград

Ничто так не полезно на военном поприще, как награждение заслуг. Честь составляет главнейшую пружину в монархическом правлении; а посему и знаки ее должны быть непременною наградою достоинства. Офицер, прошедший несколько месяцев сряду в открытом поле, среди непостоянства стихий, на снегах, в непогодах осенних и в лютой зимней стуже, участник во многих сражениях, покрытый ранами, с сердечным удовольствием приемлет знаки монаршей милости. Сии награды приносят с собою целение его ранам, утешение томному духу и прежнее стремление к подвигам. Он возвращается на родину, в новый блеск, грудь его украшающий, рождает улыбку радости на лице престарелого отца, извлекает слезы благодарности из очей

нежной матери и часто для всего семейства бывает предметом приятнейших разговоров о славе отечественного оружия; о стране и времени, где увенчивалось оно свежими лаврами; о имени и достоинстве вождя, под предводительством и чрез посредство которого сии знаки отличия им заслужены и получены.

Несчастное состояние бегущих французов в окрестностях Дорогобужа

23 октября, передовые войска двинулись вперед для преследования неприятеля по большой Смоленской дороге. Остатки разбитого накануне войска представляли ужаснейший вид страждущего человечества. На гудах убитых и умерших лежали кучи умирающих. Стон и отчаяние были повсеместны. Тысячи издохших лошадей валялись по дороге, служа скудною пищею, если не от оружия и голода, то от стужи вокруг них издыхающим.

Всего ужаснее бесчувствие и самого отчаяния жесточайшее, поразившее сих несчастливцев. Великое множество их, вовсе полумертвых, шатаясь толпами или бродя поодиночке, лишены были всех чувств и всякого понятия. Они ничего не говорили, ни на

что не отвечали; глотали лошадиное мясо или грызли тела умерших товарищей своих. Каждый огонек служил приманкою. Выползая из кустов и оврагов, они толпились около него, сидели в оцепенении, не заботясь о поддержании ни себя, ни огня — и жизнь их угасала вместе с пламенем, доставлявшим им минутную теплоту.

Много женщин и малых детей, сосавших кровь вместо молока, умирали одинаково с прочими смертью. Наполеон ввел в Россию целый вооруженный народ.

Последний взгляд на бедствия французов в окрестностях Вильны

Бросим еще в последний раз взор на толпы сих несчастливцев, воспитанных под ясным небом южной Франции или роскошной Италии и ныне разбросанных по снегам русского Севера. Невозможно изобрести достаточных выражений для изображения ужасного состояния сих злополучных жертв честолюбия.

Презренные и брошенные надменным вождем своим в странах, столь удаленных от их отечества, в климате, для них убийственном,

между людьми, их ненавидящими, обремененные усталостью, изнуренные голодом, в крови и в ранах, везде шатаются они как тени. Леса, большие дороги и остатки сожженных ими селений наполнены сими бродящими мертвецами. Те, которые еще не вовсе лишились сил, собираются вокруг раскладенных огней и с жадностью терзают мясо издохших лошадей. Другие, обремененные ранами, укрываясь от стужи, ползают по раскаленному пеплу сожженных домов, обжигают нагое тело свое, а нередко и совсем сгорают, бросаясь в огонь в исступлении ума.

Многих видели пожирающих товарищей своих и оспаривающих друг у друга их обгорелые трупы. Вообще все сии разноплеменные толпы кажутся совершенно лишенными ума: вероятно, что чрезмерная усталость и отчаяние повреждают рассудок их. Я описал здесь положение тех только, которых не считаем мы военнопленными; ибо они, и в будучи взяты в бою с оружием, сами собою рассыпаются повсюду, оставши от армии своей, которая и вся, по словам очевидцев, совершенно походит на огромную толпу изнуренных и

полунагих нищих.

Р. S. Вдобавок к этим статьям посылаю тебе еще истолкование того, о чем ты так часто у меня спрашивал. В этом отрывке, в виде разговора, ты найдешь объяснение о *фланговых* и *косвенных* маршах.

Больше писать некогда: работы много!
Прощай!

Разговор о фланговых маршах

В.[49] Что значит фланговый марш?

О.[50] Фланговый марш значит боковое движение, то есть движение войск не прямым, а боковым путем, труднейшим, но кратчайшим.

В. Для чего такое движение предпринимается?

О. Для того, чтоб опередить неприятеля или, по крайней мере, стать у него во фланге (с крыла).

В. Когда наиболее употребляется оно?

О. При преследовании неприятеля.

В. Почему стараются стать у неприятеля сбоку? Стало это выгоднее?

О. Несравненно выгоднее, нежели теснить его с тылу, ибо тыл свой прикрывает он обык-

новенно арьергардом, который всегда насто-
роже. Напротив, обойдя неприятеля сбоку,
можно напасть на армию неожиданно, ис-
стребляя обозы, тянущиеся обыкновенно в сре-
дине войск; можно отрезать у него арьергард,
и вообще выгодно такое нападение потому,
что неприятель поражается внезапностью и
страх увеличивает число нападающих врас-
плох.

В. Какое отличительное достоинство флан-
гового марша?

О. Тайна. Отряд, идущий фланговым мар-
шем, должен следовать за неприятелем невидимкою. Иначе неприятель, почуяв сбоку у
себя такой отряд, может взять меры; может
устроить особый летучий отряд для прикры-
тия своего фланга — и тогда дело испорчено!

В. Где удобнее производить фланговые
марши?

О. В земле ровной, плоской; где мало гор и
рек, а много лесов удобнопроходимых.

В. Стало, Россия к этому способна?

О. Более, нежели другие земли.

В. Чем более нанесено вреда неприятелю в
Отечественной 1812 года войне?

О. Фланговыми маршами.

В. Кто первый употребил фланговый марш?

О. Кутузов. Он повел сперва армию по Рязанской дороге и вдруг, склонением вправо, очутился на Калужской и заслонил всю армию врата Малороссии. Он поступил в сем случае, как искусный шпажный боец, легко уклоняющийся от смертоносного удара противника.

В. Кто потом употребил фланговый марш?

О. Генерал Милорадович, который из села Георгиевска, что на Медынской дороге, скрытым фланговым маршем достиг дороги Можайской и близ Вязьмы разбил большое неприятельское войско, напав на него нечаянно с флангу в то время, когда оно, отступая, тянулось по большой дороге Смоленской.

В. Какие потом деланы были фланговые марши?

О. Кутузов вознамерился опередить неприятеля и повел армию от Вязьмы прямо на Ельню. Но сие движение сделано только для того, чтоб войска имели лучшее продовольствие в неразоренной стороне; а впрочем, армия бы-

ла от неприятеля далеко и в бой с ним не вступала.

В. Кто ж был в это время сберегателем армии, совершая трудный и искусный фланговый марш между неприятелем и ею от Дорогобужа влево, мимо Смоленска прямо к Красному?

О. Авангард.

В. Какие были успехи этого марша?

О. Величайшие. Генерал Милорадович 3, 4 и 5 ноября, нападавая сбоку, разбивал неприятельские корпуса; а 6-го, став поперек дороги, истребил арьергард французской армии, тридцатитысячный корпус Нея.

NB. После деланы были еще разные фланговые марши в обход неприятеля справа и слева большой дороги до Борисова и Вильны; но они не так важны, как прежние.

III ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ИЗ СИЛЕЗИИ В РОССИЮ

Дорожный дневник

Путь от Рейхенбаха к Одере

Надписи на памятниках, воздвигнутых в честь немцам при жизни их или на их могилах, доказывают, что здесь уважают семейственные добродетели и мирные свойства более, нежели движение бурных страстей и кровавые воинские подвиги. В деревне Китлау, подле Нимча, в саду на пирамиде читаете вы с одной стороны: «Карл Сервий Гольдфус», а с другой: «Он был честен, благоразумен и деятелен. Он сделал поля свои плодоносными, детей довольными, подданных счастливыми: не умер он для сердец наших!» — Памятник сей поставили дети отцу.

Выехав из Нимча на Бреславскую дорогу, мы очутились в той необозримой долине, которая развивалась перед глазами нашими с высоты Цобтена. Здесь плуг и пастушеский посох берут верх над веретеном и бердом[51].

Хлебопашество и овцеводство принадлежат особенно жителям плоской земли. Они доставляют в горы хлеб и шерсть. От Бреславля к Бригу все еще видите довольство в селах и обилие в полях, проезжая по прекрасным насыпным дорогам; но тут нет уже того очарования, которое пленяло вас в горах. Бриг — известный большой город на левом берегу Одера. Растянутый вдоль по берегу, с башнями, церквами, высокими белыми домами и мачтами, украшенными веющими флагами, составляет он издали прекрасную картину. Одер сам по себе красив и полезен, ибо судоходен.

27 июля

Проезжая Бриг, мы видели тысячи работников, строящих большое мостовое укрепление. Громадные вагенбургги, со съестными запасами, толпились около Одера. Из дальнейших стран Польши и Малороссии привозят сюда хлеб и прочее. Казаки — подводчики, большею частью во французских мундирах, рыщут на конях своих, принимая вид настоящих солдат. Так-то справедливо, что военное время всякого военным делает. Обстоятель-

ства изменяют самые закоренелые свойства. Завоеватели! Пользуйтесь, но не употребляйте этого во зло. Напротив, солдаты наши, отложив грома на время перемирия, подружась с хозяевами и хозяйками своими, работают с ними вместе на нивах.

Где русская сила водит косою — то поле горит!.. Шаг за Одер — и какая ужасная перемена!.. Прощайте высокие подоблачные горы, прелестные виды на долины, картины по скатам! Прощайте величественные буки, стройные тополя, плодоносные рощи! Прощайте воды, брызжущие из скал, журчащие в ручьях среди кустарников или глухо воющие под землю! Прощайте искусства горные! Прощайте бердо, веретено, молот и колеса, производящие чудеса; крутые стези водящие по садам природы! Яркая зелень, свежий воздух и чистые нравы — прощайте! Переезжаю в Бриг за Одер и вижу унылую пустыню. Пространная болотистая долина, дремлющая в вечной тени густых деревьев, представляется здесь глазам моим. Население, довольства, искусства и художества остались там — за Одером! Мы ночуем верстах в 10 от Брига; но

места здесь так плоски, что он еще очень ясно виден. Бросаю последний взгляд на черные леса, на синеватый Одер, на белеющий Бриг — и иду в избу. Воздух очень влажен, погода студена; закутываюсь в бурку, сажусь у окна, которое дрожит от ветра; слушаю свист его в камине и начинаю читать «Освобождение Нидерланд», сочинения Шиллера.

Вижу землю только что вышедшую из-под морей, едва обсохшую от болот; вижу новый народ, новую природу. Вижу самовластие, с страшными силами нападающее. Вижу дух народный — ополченный, и свободу — торжествующую. Свобода! Как приятна ты даже и в книгах!.. Приятно читать о свободе под шумом бурь. Волнение стихий изображает тревожения народов, борьбу независимости с вооруженным честолюбием.

28.

Пробираемся на большую Береславскую дорогу. Как лесиста, болотиста и пуста здешняя сторона!.. Кучи хижин называют здесь деревнями. Здесь нет ни замков, ни садов, ни мельниц, ни видов...

Женщины здешние плотны, дородны, с яр-

ким на лице румянцем. Вот они, одетые очень опрятно в синие платья, идут в церковь. У них праздник, работы никакой нет. Каждая имеет в руках свой молитвенник. Здесь и в бедных избах учатся читать и — читают!.. Намслау, последний прусский городок, окружен старинными окопами.

29.

Въезжаем в Кемпен, первый польский город, — толпы жидов нападают на нас! Всякий старается услугами, просьбами и обманами выманить деньги!

1 августа. Большая Варшавская дорога

Как пуста здешняя сторона! Сколько бы народу можно еще в ней поместить! Обширные поля расстилаются пред глазами — и кое-где видишь деревеньки. Большие деревни: Чернозелы г-на Бржостовского, Нельборов Мальчевского и местечко Уязд графа Острожского походят еще на что-нибудь. В них есть каменные дома и сады. Город Петрикау, известный в начале сего года тем, что вся знать, по занятии Варшавы, в него переселилась, представляет также вид развалин.

Пресечение торговли и отсутствие поме-

щиков суть главнейшая причина печального запустения сей части герцогства Варшавского; ибо, судя по полям, покрытым наилучшею жатвою, земля должна быть довольно плодородна. Есть, однако ж, и здесь место, где можно найти трудолюбие, порядок, устройство и нравы немцев. Это большое селение Ольбуш, в сторону от дороги, не доезжая Петрикау на 4 мили. За несколько пред сим лет чехи, вышед из Моравии, купили здесь землю и поселились. Они секты гуситов, имеют свои особенные права и правила и живут прекрасно! Несчастные крестьяне польские удивляются им; но не подражают.

Французы, проходившие здесь, говорили языком дружбы, а грабили руками разбойников. Все почти здешние земли розданы были французским генералам. Арендари, или державцы, превращая кровавый пот и слезы крестьян в серебро и золото, отсылают в Париж.

Господа польские вообще привержены к французам. Крестьянам у них худо! Почти вся сия дорога песчана. Дни отменно жарки; но зато ночи прелестны. Когда вечерние росы падают на раскаленные степи, с одной сторо-

ны разливается пурпур на западе, а с другой плывет полная светлая луна, тогда, дыша прохладою в серебристых сумерках, чувствуешь какое-то неописанное наслаждение! О, природа!.. Удивительно, что по всей этой дороге мы нигде не слышали птиц. Ужели и они чувствуют общую грусть людей? Мы обедали в местечке Рава. Содержательница небольшого трактира, немка, рассказывала, что муж ее был почтмейстером на границе Вестфальской, что король Прусский провел у них несколько дней пред Энским сражением и что потом французы убили ее мужа и выгнали ее, совсем ограбив. Недавно писала она о своей бедности к королю Прусскому. Король отвечал ей ласково, прислал довольно значительную сумму и упомянул в милостивом письме своем, что если война сия кончится благополучно, то он не забудет ее, равно как и всех пострадавших от французов. И война сия, конечно, кончится благополучно! Справедливое небо не укусит увенчать блеском победных торжеств государя, столь милосердного и столь внимательного к нуждам своих подданных!

3 августа

Мы ночевали в доме графа Острожского. Молодой граф женат был на прелестной графине Морской, которая украшала некогда блестящие общества Ландс-Гута, где мы провели несколько таких дней, каких в этой жизни завистная судьба никому не дает в другой раз. И эта прекраснейшая женщина, добродетельная супруга, нежная мать семейства — недавно умерла! Муж в отчаянии уехал бродить по свету. Здесь все неутешно о ней. Увы! Ни красота, ни знатность, ни богатство не защитили ее от смерти!..

Смерть, как говорит одна французская сочинительница, истребляет лучшие цветы в цветнике жизни!

4 августа

Мы встречали большие обозы с сухарями из Молдавии. Конечно, каждый сухарь будет стоить то же, что белый хлеб, купленный на месте; но волы могут очень пригодиться для войска; это показывает, какие великие средства имеет Россия!

Около самой дороги видно много опустелых селений: жители их вымерли; здесь пах-

нет смертию!

С сей стороны окрестности так пусты, что кажется, будто едешь к какому-то уездному городку, и вдруг въезжаем — в Варшаву! Беннигсен и Дохтуров пошли с войсками в Калиш. Все пусто и уныло здесь! Эти высокие, мрачные дома так угрюмо на нас смотрят!.. Кажется, что радость умерла здесь. Варшава вздыхает.

Я смотрю на Польшу, как на славного шпажного бойца, покрытого ранами. Но это не те раны, которые возбуждают удивление, любовь и почтение, как раны Испании и России!

Взгляд на Прагу

Мы поехали посмотреть на Прагу, которая за 20 пред сим лет не уступала в красоте, великолепии и даже в обширности и богатстве самой Варшаве. Переезжаешь Вислу, идешь через Прагу — и не видишь ее! Тут только одни пространные поля, засеянные хлебом, разрушенные окопы и бедные дома. Где же Прага? Ее нет: она высилась, как кедр Ливанский; прошел мимо герой — и странник не находит места, где она была! Суворов, победив отда-

ленность и все неслыханные препятствия, принес, так сказать, в горсти небольшое число уматерелых в победах воинов под самые стены Варшавы и стер Прагу с лица земли. Уже прошел Суворов все пространство от Волыни и до Вислы. Быстро было шествие героя. Слава предтекала великому, победа сопровождала его. Внезапность, быстрота и штыки были его орудиями. В разных местах разбил он разные польские войска и вел полки свои прямо на Варшаву. Бурно было движение умов в сей столице. Одни, страшась справедливой казни за вероломно пролитую кровь русскую, другие, стремясь к необузданному своевольству, а некоторые из прямой любви к свободе, соединяются все вместе и общими силами воздвигают земляные громады на правом берегу Вислы, полукружием согбенные, дабы оградить вместе Прагу и Варшаву. Скоро общие силы народа устроили грозные валы. Высота укреплений, глубина рвов и множество пушек соделывали оплоты сии неприступными. 30 000 войска и весь народ варшавский решились умереть, защищая их. Суворов имел только 15 000 в трудах и побе-

дах обдержанного войска. С быстротою палящей молнии летел он вслед за бегущими. Они скрылись в окопах; он запал в лесах. Чистое поле расстилалось между им и укрепившимися. Проходит несколько дней: Суворов из лесов не показывается. Никто не знает, что он делает и сколько имеет войска; оно темнеет в дремучих лесах, как густое облако, из которого должен грянуть ужасный гром. Мало-помалу страх слабеет, а доверенность поляков к их окопам возрастает. Думают, что Суворов не посмел на них напасть. Иные разглашают даже, что Суворов уже бежит назад; а Суворов, выбрав темную ночь, окружась горстью своих войск, послав пред собою воинскую хитрость [52], быстро и внезапно, как буря на лес, налетает на беспечного неприятеля. Передовые стражи сорваны вмиг. Поляки узнают о приближении русских только в ту минуту, когда уже они начинают приступать. Ничто не могло удержать привыкших к победам... В 4 часа начат приступ, а до рассвета судьба Праги свершилась. Ужасна была картина разрушения сего города. Под страшным громом пушек русские врываются со всех сторон, как

бурные поды. В разных местах вспыхивает пламя и, вместе с бурюю, разливается по всему городу... Багровое зарево рдеет на небе и в Висле. В сей ужасный час никому нет пощады. Каждый штык наносит множество смертей; город горит; подкопы разряжаются, огромные глыбы взлетают на воздух. Пожар и разрушение повсеместны. Шум, треск и вопли наполняют окрестности. Мост на Висле разведен, и всякое сообщение с Варшавою прервано. Положение жителей неслыханно. Те, кои жили у моста, бегут вперед и погибают от штыков; другие, убоясь штыков, бегут к мосту и тонут в реке. Поражение было совершенно. Восходящее солнце осветило героя, сидящего на развалинах разбитых окопов. У ног его истлевала Прага. Гордые послы Варшавы, по грудам тел войска и народа своего достигшие, униженно просили его о пощаде. Я видел и другие окопы в Праге, за 5 только лет пред сим сделанные народом по воле Наполеона. Они стоили Варшаве миллионы злых и теперь истреблены!!! Отсюда вид на Варшаву наилучший. Громада зданий в амфитеатре, на берегу светлой и широкой реки,

прекрасно рисуется в воде и нравится глазам.

Варшава. Королевские Лазенки

Если захотите иметь понятие, как может жить король, имеющий деньги, вкус и ум, то сходите в Варшаве в так называемые Лазенки. Положим, что вы уже там. Тенистые рощи, светлые пруды, шум водометов при посребренных луною сумерках настраивают воображение ваше к мечтательности. Забудем на минуту существенность и предадимся мечтам. Видите ли вы, как великолепно сие жилище роскоши, любви и наслаждений. Ищите в воображении своем чего-нибудь подобного — и только один Армидин замок может сравниться с ним. Какое очарование для глаз, слуха и обоняния. Вы идете по цветам — легкие ветерки отовсюду надувают на вас благоухание. Скрытые хоры музыки разливают сладчайшие звуки по всему пространству над зелеными долинами, в тени рощей и по светлым водам. Сии волшебные звуки, переливаясь из отзыва в отзыв, кажутся томными вздохами в отдаленных гротах и цветущих переулках сада. Видите ли как прелестны эти пруды! Они так чисты, так светлы и так по-

койны, что кажутся огромными зеркалами, на свежей зелени положенными.

Берега их унизаны тысячами разноцветных огней. На сих-то водах, не на земле, щедрость, искусства и художества, истоща все свои усилия, воздвигли и украсили прелестнейший дворец, который, как Нарцисс, вечно глядится в чистые воды, любуясь сам собою и других заставляя собою любоваться. Посмотрите! Посмотрите! Какой собор красот! Они выходят из кристальных палат на зеленый луг. Какая приятность в лицах, в речах, в воображении! Какая ловкость в движениях, в приемах! Это польки, составляющие двор любезного, умного и роскошного Понятовского. Как грации, богини, в легких, из ветра истканых одеждах, едва касаясь земли, как будто порхая по зелени лугов, гуляют они по садам. Но что останавливает эту блестящую толпу и привлекает всеобщее внимание? Это открытый театр вроде древнего Римского. Вы видите здесь столпы — конечно, маленький отрывок, уголок какой-нибудь огромной древней сцены; но он освещен и там играют. Несколько каменных ступеней в виде амфи-

театра, полукружием согбенного, занимаются зрителями. Открытое небо служит сводом. Лески и рощицы, приятно освещенные, умножают очарование декораций. Но всего необыкновеннее то, что сцена от зрителей отделяется водою. Играют волшебную оперу: театр представляет реку — и она льется не на кулисах, а в самом деле. Морское сражение — два корабля, ярко освещенные радужно-цветными огнями, каждый везя свою богиню, выплывают на бой. Лели и Купидоны пускают тучи золотых стрел и проч., и проч. Вот слабая картина того, что бывало здесь за 20 предсим лет. Но полно мечтать! Остановите свое воображение. Теперь ничего этого уже нет. Теперь увидите вы в Лазенках только светлые пруды, прекрасный дворец, развалины театра, развалины беседок, гротов и прочие развалины, освещенные бледным лучом задумчивой луны. Однако же бывши в Варшаве, стыдно не побывать в королевских Лазенках. Унылый ветер в ущелиях развалин и в сумерках опустелых рощей в пустынной песне своей, кажется, говорит вам: «Как быстро все проходит в мире; как скоро исчезает рос-

кошь, величие и блеск!»

Лазенки

Войдя в небольшой летний дворец в Лазенках, я не скажу: какая пышность! какое великолепие! Но поневоле должен воскликнуть: какой вкус!.. Здесь все на своем месте — и все нравится глазам, уму и сердцу. В первой комнате, направо, рассмотрите портреты всей фамилии последнего короля. Вот отец и мать углубляются в чтение книги о воспитании. В сыне своем готовят они полезного гражданина обществу. Провидение дарит в нем Польше короля. Нежные сердца родительские не предчувствуют будущего величия его. Может быть, они содрогнулись бы и облились кровию, если б кто-нибудь открыл им будущее и если б могли они предвидеть, что бури мятежей потрясут престол и сорвут корону с главы их сына!.. Ах! Если б и сам король мог предвидеть будущее, то скипетр и дворец свой, конечно, променял бы он на посох и шалаш пастушеский. Трон польский во время Понятовского был то же, что дом, построенный на вершине Этны. Трудно согласиться быть его господином. В этой же комна-

те стоят портреты и других обоего пола особ из родни королевской. Отсюда, чрез несколько комнат, убранных картинами, мраморами, фарфором и мозаиком, войдите в каплицу и полюбуйтесь простотою украшения. Над серебряным престолом стоит один образ Спасителя. На правой и левой стороне висят на стенах изображения Иосифа и Марии. Прекрасная мозаическая работа делает картины сии драгоценными. Входите в большую светлую залу — и поражаетесь блеском живописи. Здесь видите красоту во всех видах и со всеми ее очарованиями. Живописец истощил все свое искусство, чтоб представить красавиц разных времен и народов в исторических и баснословных картинах. Более всех привлечет и остановит внимание ваше большая картина из жизни Соломона. Вы видите мудрого государя уже в преклонных летах на закате жизни.

*В чертогах кедровых, среди садов
прекрасных,
В объятиях сирен.*

Какое собрание красавиц! Все прелести

Азии помещены в этой картине; но одна величественная, стройная, белокурая красавица затмевает всех ее окружающих. Она вся наполнена страстию: страсть пылает в сафирных ее очах; страсть колеблется в полной ее груди, и в быстром движении алой крови кипит страсть. Это в совершенстве красавица. Какая белизна и нежность в теле! Какой свежий румянец в лице! Роскошь и нега взлелеяли ее — и посвятили любви. Самая тонкая ветротканная одежда, кажется, тяготит ее. Небрежность в одежде возвышает и прелести. Вот Соломон, старец по летам, но юноша по страстям. Он внемлет законы из уст своей владычицы. Сия дочь заблуждений повелевает ему преклонить колена пред бездушным истуканом. Буря страсти возмущает рассудок. Исчезает монарх и мудрец, и в Соломоне виден человек. Он забывает властителя миров, потрясающего вселенную громами гнева своего — и падает пред истуканом!.. Приятно видеть такие картины в чертогах государей: они напоминают им, сколь легко и опасно быть игралищем страстей! Но вот комната, в которую не входит ни один поляк без особенного

сердечного содрогания. Здесь поставлены в четырех углах мраморные изваяния четырех славнейших из польских государей: Степана Баттория, Сигизмунда Великого, Казимира и освободителя Вены Иоанна Собиеского. Их собрал сюда Понятовский, конечно в намерении научиться у них быть великим.

Тот же король, который построил Лазенки, соорудил на одном из возвышеннейших мест Варшавы прекрасные и величественные казармы... и он же поставил монумент Собиескому. Освободитель Вены бурным конем своим подавляет толпы свирепых мусульман.

В Варшаве всякий может удовлетворить страсти сорить деньги, как бы велика она ни была. Толпы нищих и жидов осаждают вас; но из всех тех, которые поют, играют на гитарах, кувыркаются, ломаются по улицам, достойнее всех наград те люди, которые зарабатывают хлеб, провожая иностранцев в темные ночи с фонарями по улицам.

Варшава

Отдадим справедливость выбору пиэс, на здешнем театре представляемых: они все служат или к возбуждению любви к отечеству,

или к порицанию разврата, или заключают в себе сатиры на нынешнее воспитание и похвалу стародавним обычаям. Сколько я заметил — во французском фраке выпускают на сцену всегда или плута, или развратника, или, по крайней мере, шалуна и ветреника; а в польском кунтуше — человека честного, твердого, любящего отечество, древнюю славу его, добродетели предков.

Варшава

Я имел приятнейшее удовольствие встретить здесь князя А. В. Сибирского. В 1805 году перешел он из нашего Апшеронского полка в Нарвской. Вместе с прочими офицерами, которые были к нему душевно привязаны, простился с ним и я в Браунау. С тех пор, проведя несколько лет в плену во Франции и отличась потом в Финляндии, произведен он в генерал-майоры, а заслуги его в Отечественной войне награждены многими лестными знаками отличия; но после всех случившихся с ним выгодных перемен он принял меня с прежнею благосклонностию. Теперь лечит он тяжелую рану свою: правая рука его сильно повреждена картечью. Я видел золотые часы,

бывшие в кармане его в то время, когда он ранен в руку; картечь совсем исковеркала их. Вероятно, что они отвратили смертоносность другого удара; ибо князь получил еще сильную контузию в бок в том самом месте, где лежали часы.

Палац или замок Сакский украшен прекрасным садом, в котором очень приятно прогуливаться и тем приятнее, что там можно видеть почти всю публику варшавскую и встречаться нечаянно с знакомыми. Вчера встретился я там с общим нашим совоспитанником Байковым. Оба мы обрадовались так, как кадеты, не видавшие более десяти лет. Я увидел у него в петлице Георгиевский крест; он получил его за взятие маршальского жезла Давуста 5 ноября под Красным. Он гнался за самим Давустом и даже стрелял по нему. Теперь служит в гвардии.

Сегодня был я весьма обрадован нечаянным свиданием с К. Н. Батюшковым, который едет в армию. Марс беспрестанно отнимает у Муз любимцев их. Ты не раз пленялся прекрасными произведениями Батюшкова. Ревностное желание пожать лавры в войне за об-

щие права человечества влечет его из мирной тишины в шумные поля браней. Как жалко видеть прекрасное плодоносное дерево во власти бурных ветров; но еще прискорбнее видеть изящнейшие дарования в том месте, где один золотник свинца может отнять их у света! Мы провели несколько часов вместе в приятнейшей беседе. Потом он поскакал на курьерских в Силезию; а я пошел бродить по развалинам Праги.

Дорога к Брест-Литовскому. 10 августа

Местечко Окунев самое скудное местечко. Дорога к нему прорублена сквозь дремучий болотистый лес. Где делась Варшава? Исчезла как сон!.. Прелестная Висла, громада зданий, высокие мрачные костелы, унылые палаты и прекрасные цветущие сады, смесь зелени с пестротой зданий — все это осталось, как картина, только в воображении. Окрестности Варшавы пусты! За три мили, не более, вы даже не предчувствуете, что находитесь близ столицы! Кажется, что какая-нибудь волшебница вдруг поставила совсем готовую Варшаву среди диких пустынь и лесов.

11 августа

Здесь, кажется, только что прошла война: так свежи следы ее!.. Как ужасны следствия войны и как горестно покорение!.. О русские! Благословляйте руку, даровавшую вам свободу! Благоговейте пред теми, кто пролил за нее кровь! Смотря на здешние места, я невольно восклицаю из глубины сердца: «О! Как счастливо Отечество мое, что оно свободно!»... Здесь едешь все дремучими лесами и встречу с человеком считаешь редкостью.

Мы ночевали в деревне Невисках. Смотрю на стену — и вижу на картине *бедную Марию*. Стерн[53], нежный, умный, чувствительный Стерн, с неподражаемою прелестию слога своего, живо представляется воображению моему. Я вижу, как он старается пролить целебный елей на раны растерзанного сердца бедной девушки, для которой природа кажется только картиною теней, которая уже не может выйти из тесного круга своих мечтаний, не может наслаждаться существованием. Светильник разума ее погас; но сердце еще пылает чувствительностью — и она несчастна!

В то время, когда углубляюсь в рассмотрение картины, узнаю, что госпожа дома

также помешана.

Она была прекрасна; многие искали руки ее: одному удалось получить. Страстный супруг, испивший наслаждение из полной чаши радости, беспечно предался приятному сну в объятиях прелестной супруги и в сладком уповании проснуться столь же счастливым, как счастлив был накануне. Но судьба смеется надеждам смертных! Свершился роковой удар: то самое солнце, которое оставило юную чету среди блаженства, застало наутро молодого супруга в отчаянии и слезах — жена его проснулась сумасшедшею! И вот уже 20 лет, как она живет, лишена будучи лучшего украшения в жизни — ума! Сия несчастная из фамилии Осолинских. Она богата и знатна. Осолинский, предок ее, был великим канцлером при короле Иоанне Казимире в 1654 году, в то достопамятное время, когда славный Зиновий, Богдан Хмельницкий, освобождал Малороссию от ига польского. К немалой ее отраде служит то, что она совершенно равнодушна ко всему в настоящем; о будущем не имеет никакого понятия; одно прошедшее занимает ее. Она сидит перед зер-

калом и очень покойно, а иногда даже весело, разговаривает сама с собою о том, что было за 20 пред сим лет. Итак, все превратности Польши и Европы для нее как не бывали!.. После этого не назовешь ее более несчастною и невольно скажешь: не счастливее ли она всех чувствующих, мыслящих, а следовательно, и страждущих существ?

Пустой замок, сумасшедшая женщина и проч., и проч. — вот содержание для романа вроде Радклифиных[54], которые так дорого ценятся продавцами и покупателями книг!.. Счастье, если пожар Москвы очистил столицу от французов, русалок и Радклифиных романов! Тогда, вместе с Панглосом, можно сказать: «Все к лучшему!»

12 августа мы проезжали местечко Седлиц, в котором есть несколько каменных домиков.

13. Белая, изрядный старинный городок. Во время Отечественной войны, прошлого 1812 года, когда большая наша армия готовилась к боям и победам, стоя за Нарою, славный генерал граф Ламберт, с отрядом своим, доходил до сих мест, распространяя ужас до самой

Варшавы. Страна эта гремит подвигами этого генерала. Жители здешние уважают его, а солдаты любят как отца!

Всякий генерал, желающий быть славным, старается заслужить имя друга и отца солдат.

Этот городок Белая принадлежит Доминику Радзвилу, который, показав себя неблагодарнейшим человеком пред великодушнейшим государем, находится и до сих пор во французской службе. Говорят, что вторая жена его совратила этого питомца счастья с истинного пути. Когда женился он на первой жене, прелестной и добродетельной Мнишковой, то в один день с собою венчал несколько пар влюбленных, которым бедность препятствовала быть счастливыми; между прочим, он женил и любимца своего Михаловского на прекрасной Кашенской, подруге жены его. Одной этой чете дано в приданое 100 000 злотых!.. Чего не могут сделать богачи, если они захотят быть благотворителями?

13 августа. От Белой к Кодне земля, освежаемая наводнениями, имеет много соков. Болота здесь пространны.

14. Брест очень разорен: все представляет в

нем вид бедности. Здесь застава. Проезжающих из-за границы и за границу останавливают для узаконенного обыска. Но, верно, ни один из проезжающих не пожалуется на сверхзаконную строгость или прижимки, которые обыкновенно в таких местах случаются. Директор Брест-Литовской таможни так честен, добр и учтив, что всякий за удовольствие почтет открыть ему не только все чемоданы, но даже сердце свое. Здесь зашли мы в старинный русский монастырь и насладились удовольствием, которого почти целый год не имели, удовольствием молиться в русской церкви. Прискорбно видеть русский монастырь в развалинах среди великолепных католических костелов.

15 августа. Большая дорога, кажется, плавает в воде: по сторонам ничего более не видишь, как болота и леса. Сторону эту должно прежде осушить, потом населить; а там уже просветить.

Ратно

18 августа. Я вижу здесь столетние строения, столетние деревья и почти столетних людей, с современными молодости их обычаями.

ями. Здесь все точно так, как было пред сим за сто лет: то же прохождение времени, те же уборы, обряды; а что всего важнее — те же добродетели. Местечко это принадлежит графине Сосновской, матери княгини Любомирской, которая имеет на Волыни городок Ровно. Графине Сосновской уже около ста лет; но необыкновенный ум и доброта суть отличительнейшие свойства ее по сие время. В других местах имеет она великолепные замки; а здесь, в Ратном, живет сама в старинном доме, совершенно по-старинному. Вероятно, что сей старинный, бесшумный и беззаботный образ жизни причиною и долголетия. Здесь так все привыкли к своим углам, что многие находящиеся в различных должностях у графини живут по 50 лет в одной комнате. Странно и вместе приятно видеть здесь, так сказать, сколок протекшего столетия в то время, как роскошь и нововведения наводняют всю Польшу и Европу. Стол графини украшается всегда старыми винами, а домашнее общество молодыми девушками. Почтеннейшая хозяйка любима всеми у нее в доме и близ живущими. Самые животные привыкли

к ее голосу и ласкам. Бедные получают из щедрой руки ее помощь; а разные птицы — пищу. Нет ничего приятнее, как видеть ее в кругу благодетельствуемых ею тварей. Она выходит из комнат — и всех родов собаки, кошки, куры, голуби и прочие птицы и летят, и бегут, и собираются к ней; отворяют конюшню — и молодые игривые жеребята спешат прыжками есть хлеб из рук ее. Она приходит в сад — и кролики, белки и павлины толпятся около нее. Лебеди, услышав голос ее, плывут к берегу, везя на хребтах, между крыл, малых детей своих. Все кормится, дышит и живет ею! В последнюю войну оказывала она различные вспомоществования нашим раненым и отдавала всех лучших своих лошадей под больных.

22 августа. Местечко Любашев

Мы проехали проселком пространство, отделяющее большую дорогу из Дубна в Брест-Литовский от дороги из Волыни в Пинск и далее идущей. Лесистая и крайне болотистая здешняя сторона весьма выгодна для оборонительной войны: с одною пушкою и горстью людей можно защищать надежно большие

пространства от превосходнейшего неприятеля. Два больших канала, Огинского и Королевский, могут доставить здешней стороне великие выгоды для внутренней торговли, только должно их несколько прочистить и поисправить.

Здесь-то генерал Тормасов, защитник Воыни, весьма искусно и благоразумно производил свои движения и воинские обороты. Здесь и граф Ламберт славился с летучим отрядом своим, снискав любовь солдат и жителей. По всей здешней стороне водяное сообщение могло б быть в наилучшем состоянии. Любашев на прекрасном месте и может некогда быть прекрасным городком. Отсюда плавают в Пинск и далее. Но тут нет ни хорошей пристани, ни порядочных лодок. Берега реки Припяти заросли осокою, и жители, как будто дикие, вовсе не имеют понятия о выгодах внутренней торговли. Все зависит от владельцев. Поляки, теряясь в романтических мечтах о свободе, забывают существенные пользы свои и своего отечества.

Здесь, в Любашеве, должность ключ-войта [55] занимает добрый престарелый отставной

солдат. Как бы хорошо было, если б все такие места отдавались заслуженным и честным воинам!..

25. Город Пинск

Нельзя не пожалеть, подумав, чем бы Пинск мог быть и чем он есть теперь. Он бы мог быть прекрасным городом, иметь красивые дома, богатых граждан, трактиры, постоянные дома, магазины и проч., и проч. Все бы это могло быть, потому что Пинск может быть средоточием важной торговли. В окрестностях Пинска льются и сливаются до десяти рек: Пина, Стырь, Щара, Припять, Горень и проч., и проч. Из Кременчуга, Киева и разных мест Волыни можно плыть сюда, а отсюда пробираются даже до Немана и Вислы. Лесистые окрестности Пинска могли бы дарить приднепрские степи лесом; те отдарились бы солью и другими произведениями, а наипаче пшеницею, которую довольно удобно спроваживать отсюда даже в Данциг. Таким образом произведения отдаленных стран обменивались бы в Пинске. Что же он теперь? Простой уездный городок, как и все такого разбора. Однако и теперь приходят сюда по нескольку

сот байдаков с солью. Проезжая Пинск, непременно надобно посмотреть русский Собор, недавно сделанный из польского костела. Художник, имевший, конечно, самый изящный вкус, прикоснулся к обгорелым развалинам древнего польского костела и — явился прелестный новый фасад. Извне понравится вам прекрасный вид и мастерская отделка; внутри готическая огромность невольно располагает к благоговению — это в полном смысле храм!

26 августа. Сердце обливается кровью и радостью, когда вспомнишь об ужасной сече и счастливейших последствиях Бородинского сражения, ровно за год пред сим ужаснувшегося и спасшего Россию. Поля Бородинские останутся вечно памятными для россиян. Приятно мечтать, что сродники и друзья падших на сих полях соорудят на общих могилах их прекрасный месту и великому подвигу храм. Каждый год, 26 августа, совершаться будет поминовение героев. Имена их впишутся в памятных книгах, как имена тех, которые пали на задонском побоище, в обширном Куликовом поле. В селе Бородине будет гостиница, кото-

рой не проминет ни один из путешественников чуждых стран и нашего Отечества. Каждый остановится там, с тем чтоб, рассмотрев внимательно подробный чертеж великого сражения и прочитав подробное описание оною, идти потом бродить по тем местам, где грудь русская устояла против тысячи громов, где бился божий меч. Не раз полная луна в прекрасный осенний вечер освещать будет прелестных россиянок, в унылом сетовании осыпающих цветами гробы супругов, братьев и женихов. Приятно мечтать, что все сие так будет. Посмотрим, существенность оправдается ли только, или еще превзойдет эти мечты!

28 августа. Несвиж очень порядочный город князя Радзвила. Он имел здесь прекрасный замок, облитый озерами, и великие сокровища. Первая жена его, скромная, нежная, страстная Мнишкова, была самым необходимым и неоцененным сокровищем для счастья его жизни; но сей любимец счастья не умел пользоваться ни богатствами, ни семейственною жизнью — не умел быть благополучным. Он развелся с добродетельною су-

ругую и, ослепленный мечтами, ринулся во французскую службу. Один Несвиж приносил владельцу своему до 100 000 рублей серебром! Из разных имений привозили к нему целыми возами золото и серебро!

29. Местечко Свержень окружено озерами, имеет пристань. Здесь протекает Неман. Неман! Неман! Сколько напоминаний при виде сей реки!

Мы повстречали Московский казачий полк, который сформировал на собственное иждивение граф Дмитриев-Мамонов и сам ведет его к армии. Люди и лошади в этом полку прекрасны! Если б все русские богачи, вместо того чтоб расточать наследие предков в пользу роскоши, моды и иноплеменников, подражали почтенному графу Мамонову, то армия русская непременно удвоилась бы и мертвые частные капиталы сделались полезными общему благу России, Европы и человечества. Скупые богачи, замыкающие доходы свои в сундуках, похищают у общества часть его достояния. Некто сказал: «Богачи должны стоять на коленях пред бедными». Пусть не становятся они на колени; а только помогают им

и усердствуют к пользам отечества!..

29 августа. Мы проезжали Минск. Весь город приготовлялся праздновать день тезоименитства государя. Везде расставляли площадки. Прошлого года, в этот самый день, был я в Москве, и тогда в сей столице Севера царствовало, как говорит знаменитый стихотворец:

*Увы! молчанье вокруг глубоко
И меч, висящий над главою!*

Минул год — и русские на Эльбе, и Россия торжествует! Минск наполнен пленными французами. Они разгуливают везде по улицам, очень свободно, как домашние. Поляки с ними, как братья. Минск окружен лесами. Дорога к Борисову хороша, но крайне единообразна. Военных позиций почти совсем нет или очень мало.

2 сентября, город Борисов

Не узнаешь его! Прекрасное мостовое укрепление, по чертежу известного нашего генерал-инженера Опермана, вдруг возникло у Березины. 1500 пленных французов заняты здесь земляною работою. Нельзя употребить лучше французов! Улицы мостят камнем.

Видно, из Борисова хотят сделать хороший город. Дай бог! У нас так мало хороших городов. Недавно случилось здесь любопытное происшествие. Русский, немец и француз шли по мосту во время грозы. Ударил гром — русский шел бодро, немец и француз упали. Но первый скоро встал, а последний остался мертв. «Тьфу, пропасть! — говорят французы, — нас и земные и небесные громы поражают!»

В деревне Натче было 200 дворов; теперь нет 200 колов: так обработали ее французы!

Мы проехали чрез местечки: Крупки, Бобр, Толочин, Копыс, где прошлого года переправлялся через Днепр авангард Милорадовича. Потом чрез Дубровну и Ляды приехали наконец в Красное. «Вот место, где разбит был Ней!» — невольно воскликнул я, проехав Красное. Но там нет доселе никакого памятника, свидетельствующего о сем великом подвиге. Даже те места, где похоронено великое множество тел неприятельских, покрыты чуть приметными холмиками. Предки наши были в подобных случаях благоразумнее. Кости татар и поляков, вторгавшихся в Россию, покрыты высокими курганами, которые,

предохраняя от заразы, служат и поныне лучшими памятниками геройства россов-победителей. Поля Красенские, Вяземские и Бородинские достойны быть увенчаны памятниками.

Мы повстречали новый немецкий легион, составленный полковником Дебичем из пленных. Прекрасно одетые, прекраснейшие люди шли распеваячи сражаться за свободу Европы.

Наши рекруты, идущие из Вятки в армию, также отлично хороши. Любо смотреть на сих белотелых, плотных и свежих людей!

В армию русскую, стоящую на Эльбе, Молдавия посылает — сухари; Вятка — рекрут. Области, разделенные тысячами верст расстояния, соединяют силы и способы свои для одной общей цели. Сколь велики средства великого Отечества нашего!

*О сколь монарх благополучен,
Коль знает россами владеть!
Он будет в мире славой звучен
И всех сердца в руках иметь!*

Великий стихотворец в стихах сих предрек блистательнейшую славу Александра I.

Сентября 10, 1818. Смоленск

Мой друг! Что такое любовь к родине?.. Откуда происходит это сильное, живое и для самих нас непонятное стремление к тому месту, где мы родились? Часто случается, что, лишась виновников бытия своего, потеряв всех милых, всех друзей и даже знакомых, не имея уже никаких причин, никаких предлогов заглядывать на родину, все еще стремимся к ней, как к самому милому другу. Свидание с родиною есть праздник для сердца. Мы это чувствуем; а почему?.. Кто знает и кто возьмется объяснить? Умы людей с давнего времени селятся постигнуть и растолковать причины всех наших ощущений; но труд их напрасен! Как знать причину, почему чувствуешь, когда очень часто не умеешь выразить того, что чувствуешь. Мы несравненно богаче чувством, нежели выражением. Согласись, друг мой, что менее всего знаем мы то, что от колыбели до могилы всегда с нами, всегда в груди нашей: менее всего знаем мы свое собственное сердце. Если б мы знали, отчего, когда, как и почему оно радуется, грустит, умиляется, наслаждается небесным

вдохновением добродетели или, по вихрю страстей, стремится в туманную область порока... Если б мы все это знали, то имели бы полное познание о самих себе. Но нет, познание самого себя, говорит древний мудрец всех веков — *опыт*, труднее всех знаний на свете. Остроумный Вовенарк, которого читал я на сих днях, объяснил многие свойства, способности и действия ума; но сердце все еще становится для нас странною неизвестною.

Тайна, на которой основывается любовь к родине, еще не объяснена. Отчего, думает холодный ум, после прекрасного солнца полуденных стран, после цветущих областей земель чуждых нравятся нам и туманное небо, и лесистая природа, и знойные пески, и вечные снега нашей родины? Отчего такая неизменная привязанность к пей? Не смею утверждать, но предложу догадку. Не основывается ли привязанность на воспоминании детских лет, того счастливого, очаровательного времени бытия нашего, которое ни для кого уже в другой раз в жизни не возвращается. Ничто не сильно заменить сердцу потерю того состояния невинности, в котором находится

оно в безмятежном утре дней своих! И часто, среди всех очарований роскоши, утопая в изобилии, вдруг заноеет и загрустит оно, видя себя увядающим от зноя страстей и вспомня, в какой свежести процветало прежде. Но, любя вспоминать о блаженном состоянии юности, нельзя не любить и того, что об нем напоминает. А где ж больше окружены мы напоминаниями, как не на своей родине? Там нет ни одного предмета, который бы не был или свидетелем, или товарищем наших игр, забав, надежд, мечтаний и той счастливой беспечности, которою наслаждались мы непрерывно, доколь нужда, прихоти и страсти не повлекли нас в бури и мятежи света. Так: родина есть друг нашей юности. Она есть единственное вместилище всех неоцененных напоминаний протекшего счастья — и вот почему должна быть она нам всегда любезна! Вот строки, излившиеся тотчас по приезде моем в Смоленск. Причиною их были чувства, пробудившиеся при виде этого города. Завидя издали, сквозь вечерние сумерки, стены и храмы его, я невольно воскликнул: «Они еще целы!» — и обрадовался им, как давниш-

ним друзьям. Душа наша приемлет иногда великое участие и в неодушевленных предметах. Теперь ночь, прощай! Завтра осмотрю город, после всех его страданий, потом загляну в свою хижину; а там уже буду к тебе писать.

Сентября 13

Я видел разорение моей родины, я слышал тяжкие вздохи ее. Повсюду пепел и разрушение! Город весь сквозной; мы без кровель, без окон, без дверей. Пустота пугает; ветер свищет среди обгорелых стен; по ночам кажется, что развалины воют. В деревнях ничего не слышать, кроме стога и жалоб: а что, спросишь ты, нашел я у себя? — Одно запустение! Так, друг мой, нашествие неприятеля лишило меня всего! Состояние небольшого довольства превратилось в состояние бедности. Но может быть, еще можно поправить? — Нет! Нива, убитая градом, уже не цветет без особого милосердия неба. Как для нив благотворные дожди, так для разоренных нужна помощь. Но от кого ждать ее? От людей? Ах, чем более узнаем их, тем менее на них надеемся! «Не надейтесь ни на князи, ни на сыны человеческие!» — повторяет печально странник

мира, умудренный опытом. Люди все те ж, что и были. Пожары не просветили умов, и злополучие не успело еще смягчить сердец. Прежние страсти и прихоти выползают из пепла и старое свое господство утверждают в новых домах. Роскошь и богатство запевают прежние песни. «Бедность не порок!» — говорят равнодушно светские умники, лежа на богатых диванах. Согласен с ними: однако ж можно не стыдиться, но нельзя не чувствовать суровости ее. Точно так, как зимою ходить без шубы не стыдно, да холодно! Никогда, как теперь, состояние бедных не заслуживало более всеобщего сожаления. Я постараюсь со временем сообщить тебе записку о потерях губернии — и ты, верно, испугаешься, читая ее, как я пугаюсь, видя их.

Сентября 15

Сейчас подтвердился слух, которому я долго не хотел верить. Письма из армии удостоверяют о кончине знаменитого Моро, изображая и некоторые подробности оной. Итак, для чего великий муж сей, из отдаленного уединения своего преплыв необъятное пространство морей, явился на кровавом поприще

смятенной Европы? Для чего из безмятежной тишины своей выступил опять в бури и молнии гремящей войны? Для чего?..

Февраля 2, 1814 года

Я давно обещал прислать тебе записку о потерях Смоленской губернии; ты ее получишь теперь вместе с уведомлением, в «Русский Вестник», об одном несчастном семействе; а таких семейств у нас после войны много. Прочти, говорю я, записку; прочти уведомление и пожалей о бедной, опаленной родине моей. Скоро распрощусь с нею и поспешу опять в армию, уже за Рейн.

Записка[56]

В течение полутора года убыло в Смоленской губернии от войны, мора и голода разного состояния людей мужского пола — 100 000 человек

Обывательских домов сожжено, кроме городских — 13 132

Мельниц разрушено — 260

Лошадей погибло — 122 798

Рогатого скота — 130 395

Мелкого скота, кроме последнего падежа — 250 332

NB. Все сие означено здесь по самому

верному и умеренному начислению. Сверх того два рекрутских набора извлекли из каждых 500 душ по 18 лучших молодых людей; да из воинов Земского ополчения в дома не возвратились: 4407 человек.

Уведомление о бедном, от неприятеля разоренном семействе

Уже давно не стало ни единого врага на земле русской: все они легли костьми на ней или выгнаны за пределы ее с бесчестием. Было время незабвенное для истории и потомства, когда бог вступился наконец за Отечество наше и пролил весь фиял[57] гнева своего на врагов его. Страшен бог во гневе своем! Я видел гибель нечестивцев!.. Они бежала великими толпами по той самой дороге, по которой некогда наступали грозно, в воинском устройстве, с пением и кликами торжественными. Но как изобразить злополучие гонимых небом? Путь их лежал чрез страны, им неведомые. На земле ничего не представлялось им, кроме необозримых снегов; в небе ничего не видели они, кроме мрачных туч, хладную влагу на главы их просыпающих. На

всяком шагу постигал их гнев раздраженного бога. Страшен был им унылый вид обнаженной природы. Хладные ветры, сливаясь в бури, несли за ними вслед проклятия целого народа. Войска, донцы и крестьяне повсюду наносили им смерть. Но лютые враги и в последние минуты жизни еще помышляли о вреде. Сжимая одною рукою пронзенную грудь, другою зажигали они дома и города. Пожары неугасимо пылали, и след их было опустошение! Истреблены злодеи; но скоро ль загладится причиненное зло? Скоро ль перестанет рыдать бедность на пепле хижин своих и прежнее довольство успокоит по-прежнему? Кто бы ты ни был, проезжающий чрез страны, разоренные неприятелем! Не подумай, видя в городах дома богатых купцов, возрождающиеся из пепла в новой красоте, видя села богатых господ в прежнем блеске, видя радость, пирующую в пышных домах, и смеющиеся лица в веселых обществах: не подумай, чтобы прежний порядок вещей был уже восстановлен. Нет! Загляни в дымную избу поселянина; сойди в глубокий погреб, где местится целое семейство; имей терпение вы-

слушать печальное повествование матери о горестном странствовании ее по лесам; о тех нуждах и бедствиях их, которые угнетали ее с малолетним семейством; взгляни теперь на семейство сие, неуверенное еще в дневном пропитании; взгляни — и сердце твое не вместит в себе живейшего сострадания! Великое несчастна есть бедность. Но рожденные и выросшие в бедности некоторым образом привыкают к ней. Они не знают выгод лучшего состояния и часто довольны бывают своим. Для кого ж ужасна и даже нестерпима бедность? Для тех, которых ввергают в нее превратные случаи и незаслуженное несчастье. Как больно променять порядочный, светлый дом, на дымную избу; кусок чистого хлеба на черствый сухарь! Должно признаться, что такое положение горестно, и в таком-то положении находится семейство, к которому я осмеливаюсь обращать внимание сострадательных соотечественников наших. Птр. Вслвч. Т. ий лишился всего своего имущества при нашествии неприятелей. Он живет теперь в крайней бедности в Смоленской губернии в Д. м уезде. Я видел этого бедного от-

ца большого семейства; видел я горестную мать, в простой крестьянской избе, ухаживающую за пятью малолетними и больными детьми! Она теперь беременна и содрогается при мысли, что вскоре еще одним невинным страдальцем должно умножиться семейство ее, и без того едва могущее получить скудную и слезами окропленную пищу. Но в самой нищете, среди шума зимних бурь и вопля болящих детей, подкрепляет ее вера и надежда на сострадательность русских. Вам, чувствительные соотечественники, до которых провидение не допустило бурь военных, вам прежде всех должно оправдать надежду сию. Вы не видели страшной картины — пожара городов, полей сражения; не слышали воплей разоренного народа и стоа умирающих тысяч. Пусть вечно не возмущают чувств ваших подобные явления!.. Но в приятной тишине, вас окружающей, среди удовольствий семейственной жизни, в изобилии и покое вспомните, что есть несчастные, не наслаждающиеся ни одним из сих благ. Вспомните, что есть истинно несчастные страдальцы, требующие необходимой помощи от великодушного со-

страдания вашего! *И когда услышите глас его, не ожесточите сердце ваших!* Теперь глас сей слышен в горестном стоне страдальцев!

Письма из Польши

Минск. 23 марта

Проедешь Оршу, Дубровну, Борисов, Минск и ничего не заметишь, кроме бедности в народе и повсеместного разрушения — неминуемого последствия войны! Представьте себе длинное, почти непрерывное протяжение дремучих лесов по обеим сторонам дороги, и вы будете иметь понятие о дороге к Минску. Сколько надобно времени, сколько надобно рук, чтоб превратить сию лесистую, угрюмую местность в цветущую и населенную сторону!.. Минск, стоящий на берегах речки Свилощи, текущей в Березину, довольно изрядный город; но в весеннее время так нечист, что я не могу надивиться, как могут люди дышать столь вредным и тяжелым воздухом?

Большая часть жителей состоит из евреев. Они не орут, не сеют, но кормятся и богатеют. Чем же? Проворством и промыслами!..

Мы едем на почтовых, и езда не спора: везде остановки! В каждой станции увидишь

стену, оклеенную большими и малыми, в лист и в четверку, печатными бумагами, непроницаемыми щитами для содержателей станций (большей частью жидов). Но в десяти печатных листах нет десяти строк в пользу проезжающих. Нет никакого равновесия между правами зрителя и путешественника. Первый, ссылаясь на свои стенные учреждения, всегда находит способы стеснить, остановить и обидеть; а последнему предоставляется писать жалобу за несколько сот верст в почтамт и никогда не знать, удовлетворен ли он или нет! Люди, сочинявшие сии строгие постановления в тишине великолепных кабинетов, конечно, никогда не езжали под именем простых офицеров или бедных путешественников. Побыв в когтях станционных хозяев, они заговорили бы совсем другим языком.

24 марта. Минск

Знаешь ли ты существа, которым отец — воображение, а мать — ложь? Они невидимы, но слышимы. Будучи ничем, составляют нечто. Не имея ни ног, ни крыльев, быстро ходят и летают из страны в страну, из области в

область. Ничто не может так восхитить или опечалить душу, возмутить или успокоить чувства, как они! Им нет нигде преград. Они втесняются в каждую дверь, садятся в кареты, бросаются в скачущие почтовые повозки, кружатся в обществах и носятся по свету. Но полно, говоришь ты, сплетать загадки: кто эти существа? — Слухи! Нет ничего вреднее распространения пустых вестей и слухов. Теперь Польша наводняется ими, и, между тем как русские завоевывают Францию штыками, здесь губят их слухами. Трудно ладить с людьми неблагорасположенными: они толкуют все в свою пользу!..

Р. S. Вся здешняя сторона еще с самых древних времен была принадлежностью России. Минск то к Полоцкому, то к Смоленскому княжеству принадлежал попеременно. В 1066 году город сей был взят и жестоко наказан за вероломство князьями русскими, детьми Ярослава.

27 марта, местечко Смургонь

Мы не едем, а тащимся. Дорога ни на санях, ни на колесах! Туманное небо, воды, шумящие под снегами, беспрерывные леса, раз-

валины домов и разоренные французами села — вот что представляется глазам нашим! Много надо времени, чтоб изгладить следы войны! Между Минском и Смургонем в нескольких местах цепи холмов, пересекая дорогу, образуют твердые и выгодные военные позиции. В Смургони видишь небольшое довольство, порядочные дома и свежие лица; а причина? — торговля! В двух верстах отсюда течет Вилейка, по которой сплавливают брусья через Вильну и Ковно по Неману в Пруссию. Дремучие здешние леса еще долго будут доставлять способ к такому торгу. Взамен за проданное промышленники привозят красный товар, вина, сахар и прочие произведения.

Наполеон в быстро-поспешном бегстве своем из России ночевал в Смургони. Сегодня проехали мы Молодечно, где написано, столько шуму наделавшее, 29 известие из французской армии.

Люблю видеть людей, хранящих закон, нравы и обычаи праотцов своих. Теперь смотрю на тех, которые молятся, живут и действуют точно так, как молились, действовали и

жили предки их за 2000 лет. Мы останавливаемся у евреев, содержателей гостиниц, и в это время торжествуют они важное празднество свое: *исход из Египта*. Согласись, друг мой! что Моисей был великий законодатель! Он так умел скрепить израильтян узами уставов, обрядов и обычаев, что без государя, отечества и прав, рассыпанные по лицу земли, они все еще составляют народ.

Они заблуждаются... согласен! Но для чего мы, просвещенные, не столь постоянны в законе, основанном на истинах непреложных, как они в своем заблуждении? Вот что должно нас устыжать! Чем богаче еврей, тем строже и ненарушимее исполняет он даже малейшие обряды свои. У нас, напротив, богатство, смеясь, попирает златою стопою уставы веры и обычаи праотцов.<...>

Бедная корчма, близ Вильны. Ночь

Сквозь шум весенней непогоды слышу звон колоколов в городе и, при слабом мерцании луны, вижу остроглавые высоты, которые, подобно рядам исполинов, стоят на вечной страже сидящей в долине Вильны. Кажется, слышу, как город движется, шумит и

разговаривает — переносусь в него воображением, но не могу быть в нем! Опять остановка: сломилась другая ось! Все мечтания исчезли; все надежды молчат! Не так ли, друг мой! и на пути, через поле жизни, одно мелкое, непредвиденное обстоятельство подрывает на воздух все, что ни строим в уме!.. Не так ли, среди быстрейшего стремления к цели, останавливаемся внезапно и среди пламенных желаний цепенеем! Ах, кто успел насмотреться, как вянут прелестнейшие радости, как умирают лучшие надежды людей, тот никогда не положится на будущее и не станет делать расчетов вперед! Опыт! Опыт спасителен для жизни!.. Но вместе с опытом заходит в сердце грусть! Где вы, золотые дни моей юности! беспечное время мечтаний и надежд! Тогда не умел я еще читать в будущем... Теперь, брошенный в бури жизни, купил себе ума бедами... Теперь стал, правда, я умнее; но стал ли ты счастливее? говорит, вздыхая, сердце.

Что же отвечать на вопрос? Что отвечать! Молчать и читать чаще: *«О напрасных ожиданиях философа Гарве!..»*

Вильна, 1 апреля

За 509 лет пред сим Гедемин князь Литовский, расчистив дремучие леса, основал Вильну на берегах реки Вилии а Вилейки. И вот уже пять веков, как, повинуюсь основателю своему, не оставляет она своего места: растет, богатеет, ширится, но все в своей долине, не смея взойти на горы, смыкающиеся вокруг нее кольцом. Вильна один из лучших городов в России; она почти вся каменная. Дома просторны, улицы тесны, площадей мало. Все почти военные дороги проходят теперь чрез сей город, а потому он чрезвычайно многолюден. В нем и всегда считалось до 25 000 жителей. Притом Вильна — средоточие торговли всего здешнего края. Хлеб, воск, лес строевой и даже мачтовый отпускается отсюда вплавать по рекам в Кенигсберг, Ригу и Мемель. Зато деятельность в городе неусыпна; улицы кишат народом. Все дома в тесном соседстве; многие построены сплошь под одну крышу. В этот раз застали мы Вильну спокойною, в чистоте и опрятности; а за год пред сим завалена была она тысячами трупов мерзлых французов: каждый день нагружали ими сотни подвод. Я

никогда не видел в большом унижении человечество!

2 апреля

Только что мы дали о себе знать брату Владимиру, находившемуся за сорок отсюда верст при своей роте, и он уже здесь! Он выехал на дрожках, потом скакал верхом, а во многих местах принужден был идти пешком: так дурна дорога! Как обрадовался я свиданию с ним! Все неприятности пути награждены!.. Мы поневоле должны пробить здесь, чтоб дорога хоть немного лучшела. Здесь люди живут весело: поляки и русские, кто кого перецеголяет гостеприимством! Смолянин наш, почтенный Василий Иванович Путята, начальник здешней комиссии, прослыл другом русских в Вильне. Все русские почти каждый день у него. Из здешних граф Манучи дает вечеринки и завтраки. Здесь, к удовольствию нашему, нашли мы еще родственника И. П. Глнк., полковника артиллерии. Мы были по должности и в гостях у полковника Говена, здешнего коменданта: все не нахвалятся им. Он также воспитанник 1-го корпуса. На всяком шагу встречаюсь с знакомыми офице-

рами и знакомлюсь с другими. У военных открыты сердца: в изгибах нужды нет!

4 апреля

Здесь уже совершенная весна!.. Горы первые сбросили с себя снежную одежду и зазеленели; вода хлынула в улицы и смыла весь сор; теперь их подмели и они чисты и сухи!

Тут и дома сидя видишь людей. Выглянешь из своего окна и видишь длинный ряд других. Почти в каждом прекрасное личико! Здесь красавицы любят всех видеть и быть видимыми. Небольшая площадь в середине города с утра до вечера пестреет от множества гуляющих. Теперь слывут здесь первыми красавицами две сестры Г ** из Жмуди. В самом деле, меньшая прелестна!

Университет

Я видел здешний университет. Он известен и в Европе. Епископ Валериян Протазевич основал его в 1570 году. Спустя девять лет король Стефан утвердил существование его. Здание университета пространно. Мы были в библиотеке и на обсерватории: всего любопытнее последняя. С самой вершины высокой башни наблюдают здесь за всем, что ни

делается в небе. Мы рассматривали разные снаряды, инструменты, астрономические часы; смотрели в микроскопы, телескопы, зрительные трубы и заглядывали в преогромный октан, посредством которого подстерегают светила, расхаживающие в небесах, означая в точности час, минуту и секунду прохождения какого-либо из сих небесных странников чрез Виленский меридиан. Внизу показывали вам целую комнату, занятую образцами различных механических снарядов. Тут можно видеть все, что изобретено людьми к тому, чтоб самую малую силою огромные тяжести поднимать и двигать. Университет сей всегда находился и теперь состоит под управлением иезуитов.

По двумстам пятидесяти ступеням взошел я на самый верх колокольни Св. Иоанна, откуда весь город, со всеми его церквами, монастырями и замками, как на ладони... Вчера поутру смотрел оттуда на Вильну, опоясанную цветущими холмами. Она еще спала, когда я взошел наверх. Сперва любовался я картинами небесными, потом оглянулся на земные. Я видел, как Вильна просыпалась. Нача-

ли растворяться ворота, вышли мести улицы, потом отворились окна — и резвые ветерки бросились целоваться с красавицами и нежным дыханием освежать их расцветающие груди и лелеять мягкие кудри. Сегодня обошли мы с братом Владимиром весь город по горам, любовались течением Вилейки и мечтали о древности, отдыхая на развалинах старинного замка, в котором некогда русские защищались с необычайным мужеством против Казимира, отнявшего у них завоеванную ими Вильну. В 1658 году, когда знаменитый Хмельницкий вырвал уже Малороссию из рук польских, войска казацкие вместе с воеводой царя Алексея Михайловича брали Вильну и победоносное оружие свое подносили даже к берегам Вислы.

Мы были в русском лазарете в Вильне, и хвалили, и любовались, и дивились: какая чистота! какой порядок! какая внимательность к больным! В сем лазарете и самый строгий наблюдатель, кажется, не найдет ничего такого, что бы нельзя было похвалить.

<...>

Дороговизна

Дороговизна в Вильне так велика, что без великодушного вспомоществования благотворительных людей люди бедные должны бы непременно исчезнуть от нужд и голоду. Друг мой! *Дороговизна* стоит нашествия неприятелей! Она также наводит уныние на все сердца, отъемлет первейшие потребности в жизни и погружает целые семейства в сетование и скорбь. Где делись те счастливые времена — и давно ль они были? Не более как за 100 с небольшим лет, когда за две копейки можно было купить то, что теперь купишь ли за рубль!.. Ты смеешься! Но это истина: я докажу это исторически. При царе Алексее Михайловиче несколько сот шотландцев, гонимых за веру, переселились в Россию. Гостеприимное Отечество наше приняло странников, как родных сынов. Один из них, Петр Гордон, бывший уже генерал-лейтенантом в российской службе, живя в Киеве, вел подробные записки всем своим домашним расходам. Ему понадобилось 70 аршин лучших лент; что, думаешь, он заплатил за них тогда? Пове-ришь ли: 1 рубль 20 копеек!.. За курицу и утку платил он по копейке; за гуся и индейку по

две; а теперь все эти вещи рублевые!.. Как переменчивы времена! Но количество вещей не убавилось: отчего же так возросли на них цены? Об атом надо много толковать; однако же мне кажется, что главнейшими причинами всех беспорядков суть: мода и роскошь. Эти два чудовища делят между собою все достоинства нынешних обществ.

6 апреля

«Париж взят!» Весть сия распространяется в городе. Русские в восторге, поляки — смотрят сентябрем!.. Эта весть укусила их за сердце. Площадь, где гуляют, вдруг опустела; все присмирели в домах. Известия о взятии Парижа получены с нарочным из Кенигсберга. Русские вошли в столицу Франции 19 марта 1814. Император Александр I ввел сам войска свои в Париж, а слава введет его в храм бессмертия! Думаю, однако ж, что война еще продолжится, ибо Наполеон не в руках...

7 апреля

Мы пиروвали сегодня у брата Владимира. Мысль, что русские в Париже, приводила всех в неизъяснимый восторг. В доме играла музыка; народ столпился под окнами. Вспомнили

празднество Фрауштатское и начали бросать деньги, которые чернь хватала с неописанною жадностию. Один русский солдат с простреленною ногою замешался в толпе. Его тотчас зовут наверх. «В пользу русского раненого солдата!» — говорит хозяин и ставит блюдо, положив на него несколько червонцев. Все сыплют, и в одно мгновение собралось 250 рублей; на то же блюдо ставят стакан пуншу и все сие подносят в дар израненному воину, который, не веря глазам своим и не зная, что говорить от восхищения, молится только богу и кричит: «Ура!»

Через два дня Вильна будет освещена. Начнутся пиры и мы спешим и празднества; но война еще не кончена — и мы спешим далее. Прощай в Вильне!

9 апреля. Станция

Вырвавшись из Вильны, наполненной шумом многолюдства, стуком карет, толпами движущегося народа, радости русских, смущением поляков — о взятии Парижа, — мы поехали в Варшаву. Добрые приятели проводили нас далеко за заставу.

От Вильны до Лиды дорога лесиста; далее

поля и много воды. Рощицы, перелески, деревни и господские домики я дома составляют прекрасные картины. Дорога песчана, земля камениста; климат прелестный: здесь уже сеют!.. Соловья поют полным свистом. Небо ясно, воздух чист. Природа, как пробужденная от сна красавица, сама, кажется, любит себя! Как сладко, как утешительно действуют на душу красоты природы! Если буря зашумит в сердце твоём, выдь в поле в тихий весенний вечер: где денется грусть!.. Возвращайся домой с какою-то неизъяснимо-сладостною задумчивостию, мечтая о погасающей заре и восходящем месяце. Как милостив бог! Он всем равно позволяет любоваться картинами своего неба и утешаться прелестями весны.

10 апреля. Гродно

Гродно гораздо меньше и малолюднее Вильны; но зато окрестности ее несравненно красивее. В Вильне на одной улице увидишь больше народа, нежели в целой Гродно.

Нас перевезли через Неман; он быстр, светл и величественен. Давно ли был он пограничною рекою? Теперь русские раздвину-

ли границы до Вислы и за Вислу; а славу свою расширили по всей земле.

Сколь удивительных, сколь неслыханных происшествий был ты свидетелем, величественный Неман! Пространно и шумно течение твое теперь; а придут, придут времена, когда сольются лета в столетия и века утекут в вечность, что и ты, река великая, сделаешься малым ручейком и, может быть, исчезнешь в глубоких песках! Но не исчезнет слава моего Отечества, слава Александра I! Не исчезнет, если История успеет передать ее векам и народам. Проснитесь, Тацит, Фукидид и Миллер! Ваш ум, ваше сердце и ваше перо необходимы для описания чудеснейших подвигов наших времен!

Все пространство к Гродне и Белостоку по-листо; деревеньки маленькие, земля песчано-камениста, но плодоносна. В ином месте не бывает столько колосьев на нивах, сколько здесь малых и больших камней. Трудолюбие немецкое прибрало бы их к месту: да у него, право, много рук, а тут их мало!.. Речки здешние быстры, и берега их высоки.

Станция за Белостоком

Мы проехали Белостокскую область. Область прелестная, но почти пустая! Природа отменно живописна; красивые холмы, быстрые речки, обширные долины, деревеньки и рощицы, быстро мелькая в глазах скачущего на почтовых, составляют цепь прекрасных сельских видов. Здешние леса — рощи, а рощи — сады. На мшистых развалинах древних лесов цветут и зеленеют новые стройные рощицы. В одном месте видишь семью молодых березок, собранную вокруг старого дуба, их прадеда. В другом — кущи яблонь и вишен среди истлевающих пней. Везде просеки и просади; по сторонам зеленеют еловые рощи. Здесь, как видно по множеству огромных утлых пней, были некогда дремучие леса; века, секира и огонь истребили их. Здесь все восстает из разрушения и пепла в новом и лучшем виде. Но не ищите тут ни замков, ни господских домов, ни великолепных храмов и зданий. Здесь люди, кажется, только что приготовились было жить; ад дохнул войною — и все опустело! Местечек, однако ж, довольно.

Город Белосток

Прелестнейший городок, погруженный в

густоту зеленых рощей. Кажется, что какая-нибудь волшебница взяла его из середины Германии и перенесла сюда. Дома одни других красивее. Липовая улица отличается от прочих; но теперь город, как мы его видели, можно назвать только прекрасною гробницею. Из каждого окна выглядывают бледные лица; смерть и болезни, кажется, перебегают из дома в дом. Большая часть домов превращены в военные больницы. Здесь есть огромный замок с прекрасными садами.

В Тихочине переехали мы угрюмую Нареву, которая здесь в просторном разливе топит окрестности. Длинное протяжение лесов, обширные воды и красный месяц, утопающий в пасмурно-синих волнах — все это вместе составляло ночную, Оссияновскую картину. Места сии не богаты ни жителями, ни населением; но они богаты воспоминаниями. Мы проехали Остроленку и с почтением остановились на том поле, где сражался сын величайшего из героев с мужеством, достойным отца. Я говорю о покойном молодом Суворове, отличившем себя в битве при Остроленке в 1807 году. В Тихочине в первый раз заплаати-

ли мы прогоны серебром; это значит, что мы въехали в герцогство Варшавское. Теперь уже везде плата одинаково для путешественников тяжела. В России несравненно и скорее и сходнее ездить на почтовых!

Вот и Пултуск! где кажется в первый еще раз в жизни своей разбит был Наполеон. Генерал Беннигсен первый имел славу задеть его за сердце русским штыком. Проезжая мимо, я окинул взглядом поле сражения. Левое крыло наше (думаю) опиралось на Нареву, по берегу которой извивается и дорога; правое крыло терялось в лесах. Пред лицом войск чистое поле — разгул для конницы, слава для Кожина! Отсюда повели войну вправо, по дороге в Северную Пруссию, до самого Кеннигсберга.

Вот маленькое местечко Сиротск при слиянии больших рек Буга и Наревы. «Отчего так быстро катишь ты волны свои, широкая Нарева! Зачем ломаешь леса и раздираешь горы, пролагая сквозь все препятствия путь свой? Далеко слышен шум твоего нетерпения, к кому стремишься так? Там величественный Буг, сей светлый сын полей Волын-

ских, спокойно протекая, ожидает в объятия к себе кипящую Нареву, невесту свою. Здесь (у Сиротска) слились они, смешались волны, зашумели и потекли по холмам и долинам, не зная берегов. Но не долго потекут они вместе! Уже Висла, река древняя, открывает хлябь свою и готова поглотить неразлучных под гремящими стенами нового Модлина!» — Так скажет, проезжая, *Стихотворец*, придающий всему чувства и жизнь! *Воин*, смотря на скорую, по слиянии, кончину двух рек, скажет про себя: так два друга-витязя, расставшиеся с юных лет, после многих превратностей в жизни встречаются на поле битв, заключают друг друга в объятия, меняются оружием, стремятся к славе — и вместе падают в могилу! «Здесь, — скажет в описаниях своих *Историк*, — при слиянии Наревы с Бугом, Наполеон вздумал сделать огромные укрепления. Тысячи польских рук и миллионы злотых употреблены для этой работы. Наконец возникли высокие валы; показались, погрозили — и рассыпались!..» «Это дело очень сбыточное, — прибавит внимательный *путешественник*, — ибо тут нет другой земли, кроме

песка; а песчаные валы не долго стоят!»

Друг мой! падение сих валов не предвещало ли, что и скоропоспешная слава основателя их рассыплется так же, как они?.. Впрочем, твердое положение Сиротска защищает Варшаву с лица от Праги, а Модлин надежно оберегает ее с левой стороны. Реки, текущие в Вислу, широки; пространства, орошаемые ими, лесисты и болотисты: сколько природных оборон имеет Польша! сколько способов для оборонительной войны и сколько выгод для торговли! Сия последняя оживает, несмотря на горящую в пожаре Европу. Плоты и барки плывут по течению. Белокрылые суда летают по разливам вод. Торговля придает какой-то вид жизни сим безмолвным наводнениям и лесам.

Варшава, 18 апреля

Переплывя Вислу, также широко распахнувшую воды свои за берега, мы очутились опять в Варшаве. Здесь, после всех превратностей с 1812 года, после всех неисчислимых трудов и опасностей, увиделись мы с братом Иваном, служащим адъютантом при князе Д. И. Лобанове.

Высмотря и пересмотря Варшаву два раза, в третий не найдешь в ней ничего любопытного. Это книга, которую больше двух раз не читают. Но то, о чем удостоверились мы совершенно в Варшаве, так важно, дивно и единственно, так чудно, любопытно и приятно, что кажется, с самых давних времен еще ничего подобного не бывало. Восхищайся, друг мой! уже великий, страшный, могущий Наполеон — нигде; а храбрые русские — везде!..

«Старайтесь только преградить течение главной реки, тогда малые источники сами собою иссохнут». — так говорил славный наш министр Безбородко, и так сделал ныне Александр Первый. «Бей змея по голове!» — повторял герой Рымникский; сломили голову Парижу — и все буйные головы французов преклонились. Вот что значит задавить змея в его норе! «Для чего не умер я на полях Италии!» — говорил Суворов в последние минуты жизни. Вот истинно великий человек!.. А Наполеон не хотел умереть, хотя при последних лучах догорающей славы своей он плакал, как дитя, о потере короны. Сбылось про-

рочество Лафатера: когда принесли этому почтенному мужу портрет Бонапарте, бывшего тогда только еще генералом, и требовали объяснения будущей его судьбы, он попросил несколько времени на рассмотрение, а через три дня возвратил портрет с сими словами: «Он пойдет высоко; будет очень славен, но — переживет славу свою!» Чудесно сбылось! Где слава разорителя царств? Умерла! Наполеон, похоронив честь и славу свою, сидит над могилою их, и боится смерти, и плачет!..

24 апреля

Герцогство Варшавское может быть прекраснейшим краем. Верхний слой земли кажется песчан, но под песком кроется чернозем — и нивы златятся лучшею жатвою. Долины здешние так гладки, что дальние предметы на них за несколько верст открыты глазам. На берегах Вислы расположена Запасная армия. Ничто не может быть умнее и полезнее, как учреждение этой армии. Под главным надзором неусыпного, благоразумного и опытного генерала князя Лобанова новые войска составляются из рекрут, образуются, учатся и, как рой из ульев, идут вперед засло-

нять грудью свою проломы в полках. От Сохачева до Ловича течет река Бзура, которой правый берег, состоя из непрерывных холмов и возвышений, может пригодиться в военное время для крепкого стана и прочего.

Лович преизрядный городок. Доселе принадлежал он Давусту и с округом своим из 75 000 душ приносил ему огромный доход.

Здесь крестьяне-извозчики одною вожжою управляют четырьмя конями. Вместо действия вожжами они говорят лошадям. Извозчик закричит: «Гекса! Икса!» — и лошади тотчас поворачивают вправо или влево. «Скажи лошадям своим, чтоб они скорее бежали», — говорили мы; но этого слова на конском языке не было: оно было в руках извозчика.

Сухачев, Лович и Лончиц, городки, расположенные на возвышенных холмах, среди гладких как ток полей, доставят большие выгоды в войне, если их укрепить. Они могли бы составить ряд преград на одном из путей к Варшаве. Вся сторона к Унеиову более и более лесиста. Варта, текущая чрез Познань и впадающая в Одер под стенами Кистрина, есть

сокровище для герцогства: она доставляет ему сообщение с Пруссией и Балтийским морем. Оживающая торговля уже готовится загребать золото и богатить свои области. Все пространство за Вартою удивительно песчано и довольно лесисто.

Местечко Доброе, за Вартою. 25 апреля

Нам отвели ночлег подле самого местечка на мызе одного барона. Ночь была претихая. Я лег в бричке, подле цветущих черемховых деревьев. Вдали извивался голос соловья; вблизи пел ночной сторож. Я не спал, долго смотрел на полную луну и вслушивался в слова ночного певца. Речи песни его достойны внимания: вот что я запомнил из них:

СТОРОЖ ПОЕТ:

*Простерлись ризы мрачной ночи,
И гаснет на небе заря;
И сон равно смыкает очи
У всех, от нищих до царя!
Там мед звучит — се время глас!
Возвысь свои, о смертный! мысли:
Спеши, дела свои исчисли;
Пройдет в жизнь твоя — как час!
Не бойтесь страшных привидений,*

*Безгробных мертвецов, теней!..
В груди невинной нет смятений:
Покойно сердце дремлет в ней.
В одних злодеях совесть, ноя,
Лишает их услады сна,
Лишает сладкого покоя:
Страшна им ночь и тишина!
О люди! час бежит, спешите
Добро сегодня довершать;
Надежд на завтра не кладите:
Подходит к жизни смерть как
тать!
Се, звезд полки нисходят стройно!
И утру быть пришла пора:
Блажен, кто встанет так спо-
койно
Сегодня, как уснул вчера!..*

26 апреля проехали мы Калиш. Проедем го-
родки: Остров, Сюльмержиц, Милич — и очу-
тимся в Силезии! По русской езде можно б в
одни сутки быть из Польши в Силезии и Сак-
сонии. Но здесь возят страх как тихо!

Около Калиша стороны весьма изобильны;
деревни часты, велики и зажиточны. Мужич-
ки, наши подводчики, едят ситный хлеб с
сливочным маслом! Увижу ли когда-нибудь
столь счастливыми земледельцев моей роди-

ны? Но разорение слишком жестоко постигло ее!

Вот уже в глазах Силезия; бросаю на Польшу последний прощальный взгляд.

Взгляд на Польшу

Следуй за мною все вверх на гору, которую я представляю себе в воображении; я поведу тебя так высоко, что мы увидим оттуда всю Польшу с края в край. Вообрази, что мы уже там, на высоте, и смотрим, и рассуждаем. Мы будем обращаться на все четыре стороны попеременно. Взгляни на восток — и прости взор твой чрез большие реки: Варту, Вислу, Нареву, Неман, Березину и Двину. Что видишь ты на сем великом и ровном пространстве? С первого взгляда дремучие леса, много болот и довольно пашни. Но в густой тени сих лесов, с которыми огонь и секира ведут вечную брань, среди болот, осушенных трудолюбием, есть города, славящиеся своею древностию и блистающие еще поныне остатками прежнего великолепия. Есть там места цветущие, живописные: замки и дома, расположенные на берегах светлых озер или при шумном течении полноводных рек. Древние

нравы, древние обычаи вместе с лучшим из всех гостеприимством еще цветут и утешают там людей. Роскошь, по удалению мест сих от столиц, не может утвердить в них вредного владычества своего. Но любовь не покидает сих стран!..

Польша с давних времен считалась отечеством ее. Ни мрак глубоких лесов, ни кипение бурных рек утратить ее не могут. Осенью бродит она, вместе с задумчивостью, по развалинам старинных замков и сетует о прошедшем; зимою ходит по оледенелым пустыням из хижины в хижину, из дома в дом. Весною, обновляясь вместе с природою, гуляет она по зеленеющим мхам и древним рощам, наполненным отзывами жизни. Здесь все любит. Нигде, как здесь, женщины такого владычества в обществах не имеют. Музыка также охотно гостит в сих местах. Часто странник, ехавший целую ночь по лесам, засыпанным снегами, слышит на утренней заре приятные звуки органа: это предвозвещает ему близость селения и костела польского. Часто, застигнутый темнотою, останавливается он в простом сельском домике и находит

в нем скрипку, гитару и фортепиано; находит двух или трех девушек, которые играют отечественные песни: мазурки или краковяки; читают стихи; говорят о любви к своему отечеству — и вечер проходит в очаровании. Воин напрасно будет искать славных крепостей в сей стороне; их очень мало, да и те построены вновь. Влево к северу та же дикость уединенной природы; те же почти нравы людей. К западу — ровное, плодоносное, немногочисленное и больших замков и огромных домов почти не имеющее герцогство Варшавское. Но обратимся вправо к Югу: какая счастливая сторона!.. Полистая Волынь — Италия Польши. Она усеяна замками; украшена прелестными садами. Стада и табуны находят там тучную паству, а земледелец благодарную землю, возвращающую десятицею вверенное ей верно. Довольство видно там в хижинах; богатство блещет в домах; гостеприимство повсеместно. Буг, Горен и Днестр, вместе со множеством других речек, усыряя землю, доставляют большие пользы лугам и нивам и великие средства торговле. Далее, Подолия с своими живописными горами; а там обе Га-

лиции, сопредельные Моравам и горам Силезским. Пространна была Польша: от Днестра до Балтийского моря; от Двины и до Одера!..

Слышишь ли ты там, в далекой глубине лесов, и там, по уединенным развалинам древних замков, стон, подобный стону человека, умирающего в пустыне? Это стонет древний дух польский! Дух, блиставший некогда в красоте царства своего и стяжавший венцы побед на гремящих полях славы. Ныне лежит он уничижен, под тяжким бременем забвения, лежит связанный властями трех сопредельных держав. Многие века будут слышать стон его — и пройдут мимо. Напрасно надежда щекотит сердца; напрасно жены и девы польские, пылающие духом древних рыцарей, заставляют юношей своих петь любимую песню их:

*Еще Польша не погибла, доколе
мы живы:
Все, что прежде потеряли, саблями
воротим![58]*

«Трудно воротить потерянное!» — говорит здравый рассудок и опыт. <...>

IV

ОПИСАНИЕ СИЛЕЗИИ И ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СОЮЗНИКОВ ЗА РЕЙНОМ ДО ВЗЯТИЯ ПАРИЖА

27 *апреля 1814. Силезия*

Какая благословенная сторона! Земля обетованная! Из Польши в Силезию въезжаешь точно с таким чувством, как переходишь из бедного, опустелого в богато убранный и людьми наполненный дом. В Силезия убирают поля как комнаты. Право, так! Ну посмотри: здесь камни в своем месте; а дрова в своем — и все в порядке! Население удивительное: на всякой версте — деревня; на всякой миле — город.

Город Милич

Первый пограничный городок. Ландрат рассматривает паспорта наши внимательно; рассуждает благоразумно. Тут нет ни прижимок, ни зацепок, ни крючков. Заготавливают лошадей; дают билет на квартиру. Старый, еще Фридрихов солдат, провожает нас. Хозяева

принимают русских офицеров, как друзей. Пьем, едим, отдыхаем, все даром. В Польше этого не было! И кошелек наш очень исхудал от того, что там ничего не было даром. «Зачем вы сами услуживаете нам?» — спросил я у премоилой хозяйской дочери. «Я знаю, — отвечала девушка, — что ваши барыни белоручки, ничего сами не делают; у них много служанок и слуг; но мы в доме имеем только одного человека и по обычаю трудимся. Притом вы ведь сами же освобождали отечество наше из неволи: и нам приятно угождать благородным защитникам нашего счастья. Поверьте, что трудиться весело; надобно только привыкнуть к трудам. Для чего же дал вам бог руки? Для работы!» Я с непритворным удовольствием расцеловал сии трудолюбивые руки.

Тотчас по приезде дал я одному бедному, босоному, просившему милостыню мальчику несколько злотых на покупку мне бумаги. Он скрылся и чрез несколько времени возвратился с бумагою. Кто мешал ему уйти! Я бы никогда не мог узнать его после. Но — вот образец немецкой честности!

Право, тут все так порядочно, как в Нор-

тоновых часах, и уважать русских здесь также в порядке вещей. Извозчик, который нас вез, гордился тем, что часто возит наших офицеров. Русский мундир и русская ассигнация здесь в большой цене.

Тут женщины не только трудятся дома, но часто видим их работающих и в поле; мужчины сражаются за отечество: почтенный народ!

Город Трахенберг будет знаменит в истории. Здесь прошлого года имели свидание: Александр I, король Прусский и принц Шведский. Огромный замок здешнего князя Герцфельда имел счастье вмещать в себе сих венценосных особ.

В Трахенберге отвели нас в дом одной бедной старушки. Молодая Амалия Лаубе, внучка ее, готовила на кухне, читала немецкие стихи, накрывала на стол и играла на фортепиано.

Все почти силезские девушки воспитываются в девичьих училищах в Бреславле. Надобно думать, что училища эти очень хороши; ибо воспитанницы их преблаго нравны и довольно учены. Многие из здешних жителей

записывают в особую книгу имена всех добрых русских офицеров, которые у них бывают на постое. «А разве бывают и недобрые?» «О, случается, — отвечала Амалия с невинною простотою, — однако ж довольно редко!» Мы нашли имена многих наших знакомых в книге добрых.

Едем по очаровательным местам: Силезия лежит пред нами, как прелестная картина!.. На лугах тучная зелень, тучные стада и веселые пастухи. Здесь кажется всякий очень доволен своим состоянием. Жаль, что во все сии дни погода очень худа: то брызнет дождь, то посылет снег — и везде слякоть. Прелестная Силезия достойна позлащаться вечно прекрасным италиянским солнцем; но для удобрения песчано-каменистой земли ее дожди необходимы. Все здешние дороги и даже тропинки обсажены деревьями. В начале весны вколачивают рядами лозовые колья, которые чрез год или два превращаются в прекрасные ивы. Здесь люди так же хороши, как их природа; а это очень редко! Не один русский в молитвах сердца своего повторяет: «Дай, боже, всякого счастья сим добрым, гостеприимным

людям!»

О, как счастлив должен быть король Прусский, имея такие прекрасные области, как Силезия! Друг мой! Не лучше ли делать народы счастливыми, нежели их покорять?

29 апреля

Чрез Винциг в Штейнау

Здесь, в городе Штейнау, переезжали мы Одер на прекрасном плоту. Дул сильный северный ветер; буря пенила мутные волны, и река, казалось, хотела выплеснуть из берегов. Здесь Одер не так широк, как выше при Бриге и ниже при Глогау.

С нами переезжала прекрасная молодая девушка с старою матерью своею. Здесь так много хороших, что не знаешь, которой отдать преимущество. Только что пленишься Амалиею и целую станцию о ней мечтаешь, вдруг бросается в глаза Луиза, там Каролина, Шарлота — и одна другую вытесняют из воображения. За Одером проезжаем местами, чрезвычайно от французов пострадавшими; но глубоких следов войны уже не видать. В здоровом теле раны скоро залечиваются. И

такое благотворное и благоразумное правительство, как прусское, может залечить всякие государственные раны! Читал ли ты Одиссею? Разумеется, читал! Ну, так разве там только найдешь такое гостеприимство, какое находим мы здесь. Как-то примут нас в Отечестве нашем, когда бог судит воротиться?

Здесь все единообразно и порядочно. Приезжаешь в город, идешь к бургомистру или коменданту, оттуда в квартирную комиссию и в комиссию для выдачи лошадей. В первой получают билет на квартиру; в другой — на лошадей. Покуда отдыхаем на квартире, в красивом светленьком домике, при котором садик, цветник и беседка; покуда разговоримся с угостительным хозяином, услужливые жандармы приводят лошадей — и едем! Жандармы тут препочтенные люди; почтенные по их честности, расторопности, прежней и настоящей службе. Они отводят приезжих на квартиры, доставляют им лошадей, указывают, что нужно, и все с наилучшим усердием, без всяких взяток; они то ж, что полицейские, но без крючков. У нас добрые отставные сол-

даты могли бы также быть употребляемы.

Спрашиваю: отчего здешние девушки так белы, румяны и свежи? Отвечают: оттого, что они не проводят ночей без сна, а дней без дела. Их видишь всегда за работою; всегда в движении большею частию на открытом воздухе; не читают они пустых романов, не воспаляют воображения, не спешат жить. Зато не знают ни спазмов, ни мигреней, ни страшных нервных горячек. Всегда веселы, опрятны, проворны, встают рано, ложатся впору. Когда сгрустится — поют или тихо кружатся под свой плавный вальс. В обществе веселятся они от всей души и не зевают под шумом музыки и блеском освещения, потому что съезжаются только изредка. Наслаждение у них известно, а о пресыщении и слыхом не слыхать.

В Штейнау остановились только на минуту. Оттуда проехали в Любен, где обедали у мельника. Не пугайся! Он имеет прекрасный дом и двух премилых дочерей, которые играют на фортепиано, говорят по-французски, знают историю, географию и заведывают всем хозяйством в доме.

29 апреля. Город Гайнау

Город сей знаменит победою, одержанною в окрестностях его генералом Блюхером в прошлом году. Когда союзные армии отступали из Саксонии и неприятель уже вломился в Пруссию, то искусный и неустрашимый Блюхер, указав солдатам на стелящую в пожарах Бунцлау, стал твердо за землю свою. Одну часть скрывает он в лесистых оврагах, позади бугров; а другой умышленно велит отступать. Пылкие французы нагло стремятся в сеть. Условлено: когда загорится стоявшая в стороне на холме мельница, то нападать со всех сторон. Все исполнилось. Благоразумнейшее предприятие увенчалось блистательнейшим успехом. Знамена и пушки были трофеями победы. В Гайнау мы ночевали. Недалеко от сего города показались слева величественные исполины, окутанные туманами в синих венцах своих. Впереди под небом темнели знакомцы мои, холмы Саксонские. Необозримая даль манила к себе воображение. Воспоминания мелькали одни за другими; мечты и надежды ласкали сердце.

30 апреля. Бунцлау

Этот город разорен и укреплен французами. Сады вырублены, ворота завалены; везде рогатки, туры, рвы и окопы. Жители бунцлавские менее всех прочих славятся гостеприимством. Они были богаты и скупы. Здесь-то умер фельдмаршал, Светлейший Князь Кутузов. Дом, где он скончался, откуплен и превращен будет в храм. Так пусть неугасимая лампада теплится над могилою того, к кому почтение в сердцах россиян неизгладимо!

31 апреля. Город Лаубан

Силезия кончилась; мы в Саксонии! Здесь прошлого года было последнее арьергардное дело, в котором начальствовал Милорадович. Тут принял, угостил и обласкал нас, как добрый соотечественник, комендант города майор Канищев.

1 мая. Саксония

«Вот здесь дрались; здесь сражались; в этом лесу скрывались стрелки; по этому полю неслась на неприятеля конница!» — так говорили мы, подъезжая к Герлицу. Война коротко познакомила нас с окрестностями его. Герлиц уже опять цветет, и вся Саксония, стряся с себя пожарный пепел, является в прежней

красоте. Торговля и благоустройство залечивают раны.

Видал ли ты разоренный муравейник, приводимый в прежнее состояние трудолюбивыми его жителями? Видал ли, как движутся тысячи насекомых, сносят листья, сучки, зерна, травки, и прежнее становится по-прежнему? Так и Саксония!

Рассуждают, отчего здесь так скоро обгорелые развалины обеляются и дома рождаются из пепла? Узнаю, что здесь издавна копились суммы пожарные; суммы для вспоможения бедным: они уцелели и теперь пригодились кстати как нельзя лучше. Притом же сострадание, свойственное доброму и просвещенному народу, щедро изливает целение на раны страдальцев. Бури, потрясавшие Европу, пробудили чувства милосердия в самых оцепенелых сердцах. К чести Саксонии, в ней нет ни одного города, в котором бы не было какого-нибудь богоугодного и бедным полезного заведения.

2 мая

Анхен, Мальхен, Юльхен хоть кого очаруют здесь! Какие стройные талии! Какие живо-

писные лица!.. Я видал здесь женщин знатного рода; большая часть из них также бледны, томны и унылы, как и у нас. Почему же в среднем состоянии так хороши? Потому, что они ближе к природе. Природа мстит первым и лелеет последних, как милых дочерей своих. «Что ты получаешь в год от своего хозяина?» — спросил я вчера у одной прекрасной, преумной и прерасторопной Юльхен. «20 талеров» (80 руб. ассигн.), — отвечала она. «И ты довольна!.. Сыта и одета — стало, довольна!» Видите, как здесь люди не гоняются за большим!

Завтра, коли даст бог, едем чрез Бауцен, опять чрез поля сражений!.. Но теперь уже перестают литься кровь и слезы, замолкают громаы, начинают куриться алтари добродетели, и мир лобзается с тишиною под сладким пением оживленных муз. Там, где за год пред сим разъяренные воины с таким усилием стремились истреблять человечество, мирные поселяне стараются теперь о пропитании оного. Одни поколения живут на разрушении других: целые народы мрут, истлевают и превращаются в глыбы земные! Но долго ль, дол-

го ль будет существовать такой порядок вещей под солнцем?

До Бауцена, в Бауцене и далее к Дрездену нет места, которое почему-нибудь не было бы нам знакомо, почему-нибудь замечательно. Еще нет года (и сколько перемен!), как мы, уступая сие пространство шаг за шагом, дрались за каждую сажень земли. Битва на полях Будисинских[59] будет памятна в летописях Европы. Сражение под Бауценом было общее и великое. Французы в собственных своих известиях сознаются, что они потеряли 15 000, а в самом деле потери их гораздо больше.

Вся дорога к столице Саксонской возбуждает во мне тысячу напоминаний! Как разорена злополучная страна сия! Развалины на развалинах, пепел на разрушении; но деятельность извлекает из тления новые села, новые города. Кровли из новой черепицы, повсюду алеющие среди черных огарков, чрезвычайно нравятся глазам. Саксония похожа на прекрасную женщину, восстающую с одра тяжелой болезни.

3 мая

Дрезден! Дрезден вижу я! Он тот же; но

окрестности его уже не те. Где девались сии величественные рощи, сии волшебные сады, которые такую прелесть всему придавали? Наполеон сорвал их, как волосы, с главы красавицы. Он ощипал их, как золотые перья с фазана. На месте зеленеющих окрестностей явились грозные валы — и мирный беспечный Дрезден превращен в страшную крепость и хмурится за окопами, и грозит своими пушками. Давно ль входил я в него, как в цветущий сад!.. Кто ж превратитель царств, городов и Европы? — Наполеон!

*Обнес прелестный град он грозными валами;
Ко стогнам прилегла ночей дремучих мгла,
Драконы сели вокруг с гремящими жерлами,
И смерть у ног его легла. —
Исчез прекрасный свет лазури,
Под блеском варев воют бури,
Гром в день, гром слышен в ночь,
Рев смерти, жизни стон,
Мечами поросли и копыями дороги...*

В таком виде был Дрезден за несколько

пред сим месяцев; теперь опять расцветает. Многолюдство возросло гораздо против прежнего. Люди, скрывавшиеся в лесах, по горам и вертепам, возвратясь в дома свои, усугубили жизнь и деятельность в городе, улицы кипят народом, сады наполнены гуляющими; только Эльба что-то обмелела.

4 мая. Дрезден. Брилевский сад и дворец (Brillischer Garten)

Сей сад, принадлежавший министру Брилю, разведен на валах и бастионах, окружавших некогда древний Дрезден. Он украшает собою левый берег Эльбы.

Там, где были прежде грозные валы, высокие окопы, твердые оплоты старого Дрездена, там теперь на этих валах и бастионах, одетых камнем, разведены прелестнейшие сады, устроено очаровательное гулянье. Где гремела война, где жили суровые воины, где воздух наполнен был серным запахом, там поют птицы, гуляют красавицы и благоухают цветы. Вот что значит возвращать розы в пустынных дебрях! Всего более гулянье это украшается свободою; здесь всякий по себе. Один курит трубку; другая, сидя, вяжет чулок; там

пьют пунш, тут говорят или читают. Сладкие звуки музыки мешаются с пением вольных и по клеткам рассаженных птиц. Тут никому ни до кого дела нет. Полицейских и не слышать, а все так тихо, так порядочно! Гуляя на бастионах по берегу, находишься между картинами природы и искусства. Идя туда, взгляни налево: река, мост, с узорчатыми виноградниками горы, села, рощи, башни и замки в золоторозовом мерцании тихого майского вечера представляют прекраснейшие картины природы. Поверни направо: войдешь в галерею Королевского дворца — и восхитишься произведениями искусства.

Вот редкие картины! Опишу некоторые из них.

Видел ли ты Лас-Казаса за час-до его смерти? А я видел его здесь. Какая мастерская живопись в картине: видение Лас-Казаса! Невольно переселяюсь в Новый Свет и вижу все как наяву. Сей питомец добродетели, сей друг человечества лежит под открытым небом, на соломенном ложе, в виду синеющих вдали гор. Одною рукою прижимает он к умирающему сердцу крест; другою указывает

на Евангелие. Уже смерть отнимает у народа их защитника. Он умирает — и с ним вместе умирают все надежды чад Америки. Один из них, в глубочайшей грусти, стоя на коленях и ломая руки, кажется, умоляет смерть, чтоб она отвела косу от сердца добродетельного. Но неумолимая не внемлет. Уже все тело це-пенеет, стынет и синеет. На картине все это, как в зеркале, видно. Кажется, сам видишь, как смерть переходит из кости в кость, из жи-лы в жилу, вытесняет жизнь и отлучает душу от тела. В последние минуты раскрывается небо — и жители его, ангелы, роятся над умирающим, как пчелы над весеннею розою. Они, кажется, ласкают, как друга, душу Лас-Казаса, и ободряют, и манят ее из тлена в нетление, от сук суетливой земли к вечным радостям тихого неба. Рисовка в сей картине отменно хороша: черты глубоки, все мускулы, жилы и выпуклости так естественно изобра-жены, что кажется, будто там в самом деле положен умирающий человек.

В картине «Суд Соломонов» нарисован очень хорошо только один воин, намереваю-щийся рассечь пополам ребенка.

На большой площади в Нейштате сооружен бронзовый памятник Августу II. Он представлен на коне.

На славном Дрезденском мосту отличается другой памятник в честь первому зачателю сего дивного произведения, Георгу II, герцогу Саксонскому. На большом камне водружен огромный бронзовый и ярко вызолоченный крест с распятием. Весьма примечательна новая золотая надпись на мраморном подножии сего креста. Вот она:

«Разрушен — галлами;
восстановлен
Александром II»

Далее означены: год, месяц и число.

Сия надпись могла бы годиться и для общего порядка вещей в Европе. Не галлы ль нарушили его? Не Александр ли I восстановил?

Европа теперь похожа на человека, пертерпевшего страшное кораблекрушение и последним порывом бури выброшенного вдруг из шумных волн в мирную пристань, из самых мрачных пучин на самый цветущий берег. Несчастный не верит своему благополу-

чию; ему все еще мечтаются ревущие волны и свистящие ветры. Беспечно лежит он под ясным небом и, не зная, что предпринять, на что решиться, что будет с ним далее, забывает прошедшее, не мыслит о будущем и спешит только наслаждаться настоящим. Никогда так мало не говорили о войне, как теперь, по крайней мере здесь. Как будто и слово *война* опротивело людям: недавно минувшее, кажется, прошло уже бог знает когда!.. Все теперь стыдятся того, чего прежде желали, за чем гонялись; а давно ль гонялись? С месяц тому назад. О, люди!

Наши русские беспрестанно женятся в Саксонии. Здесь смотрят прямо на человека, а не на то, что на нем; ищут души, а не душ. Богатые саксонки выходят за бедных офицеров. Они не жаждут ни генеральства, ни денег, а желают, чтоб человек был умен, добр и русский! Каждая из сих милых женщин, подобно нежной Неемии, сказав мужу своему: «Твой бог будет моим богом, и твое отечество моим отечеством!», уезжает в Россию, не пугаясь морозов ее.

Любопытно смотреть, как немцы и рус-

ские играют в банк. Первые ставят — гроши; другие — червонцы. Те при проигрыше морщатся; а эти — ничего! Ведь и по таким мелочам можно узнавать характер народов.

На многих домах все еще существуют русские вывески. В саду у Марколини, вместе с золотоперыми фазанами, живут оципаные индейки и простые русские куры. Здесь, право, весело быть русским!

Дрезден более высок, нежели обширен. Дома в 5, 6 и более этажей. Все окна украшены розами и соловьями. Громкие песни по зарям услаждают дремлющий город.

8 мая

Воспоминание о прошлом годе, или прогулка около Дрездена

Улуча свободную минуту, вышел я из Дрездена и, долго бродя по прекрасным окрестностям его, то карабкаясь по горам, то гуляя в долинах, остановился наконец па дороге чрез Вильсдруф в Альтенбург. Я оборотился лицом к Дрездену — увидел его обнесенным валами, усыпанным батареями; подивился великим превратностям, в столь короткое время случившимся, — и начал мечтать о прошедшем.

Положи пред собою карту Саксонии (хотя тот платок, который я тебе послал, поставь себя подле меня, сделай так, чтоб Дрезден был у тебя в глазах; вправо, вверх по Эльбе, Пирна, Кенигштейн и далее гористые пределы Богемии; влево, вниз по течению, Мейсен, крепости Торгау, Виттенберг, Магдебург и прочие. Устроая таким образом, станем мечтать вместе. Давно ли Наполеон, засев в окопах Дрезденских, мечтал быть непобедимым? Еще тому и года нет. Обратимся к прошедшему, посмотрим на август месяц 1813 года. Перемирие приходит к концу. Оно доставило великие выгоды русским и пруссакам, ибо в продолжение оно успели они склонить австрийцев к защите правого дела. Притом многочисленные подкрепления с берегов Вислы, сии рои, выпущенные Запасною армиею, равно как и великие отряды, в разных местах Польши и Пруссии по больницам находившихся выздоровевших солдат, к главной российской армии прибыли, и, поместись в обессиленных полках, приметно оные освежили. Император французов ясно видел опасность, но надеялся на силу свою. Твердою ногою на-

ступал он на сердце Саксонии (Дрезден) и смелым размахом провел около него круг, заключавший в себе Бауцен, Виттенберг, Лейпциг, Альтенбург и мимо Теплица и Богемских границ проходивший до Цитау.

Проведя круг сей на своей карте, ты будешь иметь поле главных сражений того времени. Наполеон воображал, что никто не посмеет преступить за волшебную черту его, и выставил впереди себя большие армии: одну вправо на границу Силезии, другую левее на дорогу к Берлину; а между тем в дерзком уме своем хранил тайные покушения на Австрию. Союзники разделились на три армии. С одною принц Шведский взялся отстаивать Берлин; другая, средняя, вверена была уже прославившему себя Блюхеру; а третья, главная армия, под начальством австрийского фельдмаршала князя Шварценберга, потянулась влево, по длинной цепи подоблачных гор, мимо Дрездена к Теплицу. Сим искусным движением, заступя врата Австрии, получила она способы беспокоить тыл правого крыла неприятельского. Наполеон, владея обоими берегами, хвастался пред всеми, что он сидит

на Эльбе верхом и никто из смертных не в силах выбить его из седла. Он велел Макдональду биться с Блюхером; другой армии идти прямо в Берлин; а сам, с подвижною толпою множества войск, шагая с места на место, то того, то другого подкреплял и опять в Дрезден возвращался. В одно из сих его отсутствий главная армия, улуча удобное время, бросилась к Дрездену в намерении захватить его врасплох. Наполеона *не было тогда дома*: он вышел подкреплять Макдональда, чтоб превосходными силами разгромить Блюхера, который, как искусный боец, уклоняясь от ударов, старался нарочно неприятелей далее и далее за собой уводить. В это время россияне вдруг показали вон там направо, на высотах. Первые поиски на город были довольно удачны; но, услышав сзади себя бурю и беду, Наполеон тотчас опрометью бросился назад; и между тем как Дрезден палил из всех своих орудий, он выдвинул из-за окопов его 80 000 на долину. Союзники отложили наступательные предприятия и расположились для обороны по горам. В сем сражении пал знаменитейший из полководцев Моро! Но и до сих

пор место, обогренное кровью его, не ознаменовано никаким памятником! Наполеон, успев собрать великое войско около себя, сделался уже страшен союзникам. Они предприняли отступление. Пользуясь сим, противник их посылает одного из дерзостнейших подручных полководцев своих, свирепого Вандама с 30 000 войск, которому предписывает с всевозможною поспешностью и по самой кратчайшей дороге, опередя союзников, наступить на пределы Богемии, прорваться в Австрию и ломиться до самой Вены, предавая все огню и мечу. Дерзко, решительно и опасно было намерение сие, но к счастью часть нашей гвардии оставлена у Теплица. Эта-то горсть храбрых русскою грудью встретила внезапно нагрянувшего неприятеля; однако сей тленный оплот не удержал бы бурного стремления великой силы французской, если б неустрашимый граф Остерман не привел на помощь других гвардейских полков. Сведав об умысле неприятеля, бросился он от Кенигштейна к Богемии. Толпы французские отсекали было ему дорогу, но штыками и неустрашимостью открывает он себе путь к Теплицу

и к славе. Уже достиг он цели, подкрепил утомленных; сражение закипело по долинам; Вандам остановился на горах. В сии торжественные минуты граф лишается руки; но, восхищенный победою, без воплей, без стонов, и даже без перемены в лице, переносит отнятие своей руки. Между тем на гром битвы прискакивает граф Милорадович и принимает начальство. Генерал Барклай-де-Толли приводит большую армию и распоряжается всем. Генерал-лейтенант Толь направляет движение войск. Так начался и загорелся известный бой у Теплица при Кульме. Его можно сравнить с боем при Малом Ярославце: то же намерение и та же неудача. Если б французский генерал, не занимаясь пустою перепалкою стрелков, ринулся с гор густыми толпами, то, конечно, пробил путь в Австрию.

Но ему надобно было дождаться пушек своих, отставших по причине трудных горных путей. Не хотя пожертвовать чем-нибудь, он потерял все. День 18 августа был днем разрушения и войск, и дерзости, и славы нового французского маршала Вандама. Союзники обступили его со всех сторон. Битва была же-

стока, но победа совершенна. Шестьдесят шесть пушек, все обозы и 7000 пленных были трофеями оной; а венцом сих трофеев сам маршал Вандам, в плен приведенный. Наполеон восстенал, увидя, что против воли своей подарил союзников столь прекрасною победою. Защитники правого дела молились и радовались. Но сердце государя-полководца не успевало вмещать в себя всех внезапных восторгов: что вестник, то радость. Все эти дни были днями побед. 11 и 12 числа августа Наполеон указал влево на Берлин — и 90 000, по дороге из Саксонии в Пруссию, двинулись чрез Барут на расхищение этого города. Уже они за три мили от столицы, уже простирают мысленно руки на храмы, дома и сокровища, но принц Шведский стал пред Берлином и отстоял его. Вместо чайных прибытков французы потеряли 26 пушек, немало пленных и много обозов. Пруссаки, россияне и шведы вогнались их обратно в Саксонию. Таким образом, нападая на оба крыла, Наполеон не оставил в покое и середины.

14 сентября многочисленные войска французские погрозили союзникам с высот Кац-

бахских; но храбрый Блюхер, спаситель Силезии, не привык терпеть угроз: он нападает и бьет. Небо, мстившее в России французам морозами, послало тут на пагубу их воды. Дожди лились по дням и по ночам и так были сильны, и так непрерывны, что казалось, будто все облака небесные на землю обрушились. Ручьи становились реками. Из сих-то в один дождливый день Блюхер повел союзников к победе. Мало действовали ружья и пушки, в дожде и тумане не могли наносить обыкновенного вреда. Штык и сабля решили бой. Конница скачет прямо на сверкающие во мгле выстрелы — и пушки ее; пехота идет в штыки — сбрасывает толпы неприятелей со скользких утесов высоких гор. Сердитые горные потоки — тысячи пеших и конных, обозы, снаряды и оружие крутят, и ломают, и топчут в волнах своих. Гром, треск и вопль наполняют окрестности; 86 пушек и 5000 пленных доставляет союзникам сей знаменитый бой. Наполеон и Александр о всех сих великих событиях узнают почти в одно время: первый в Дрездене, загроможденном умирающими и мертвыми; а другой в Теплице, на-

полненном трофеями и торжеством. Но среди всеобщих восклицаний побед, под свежую тенью расцветающих лавров, возникает гроб знаменитого Моро. Как солнце, протекшее по бурным небесам и много раз блеском своим озарявшее грозные тучи, тихо угасает на западе, среди полной славы своего сияния: так безмятежно погас блистательный век сего великого человека. Вытерпя с твердостью выше человеческой все муки отнятия обеих ног, он умер безмолвно спустя три дня.

Великие успехи со стороны союзников подорвали в самом основании всю громаду замыслов неприятеля. Наполеон, сидя в Дрездене, только и видел со всех сторон бегущие к стенам его остатки разбитых, рассеянных или потопленных армий. Тут стеснил он уже гораздо круг действий и предприятий своих. Гром побед Блюхеровых слышен стал в столице Саксонии; принц Шведский вступил в пределы сей земли; смелые наездники наши рыскали пред самыми воротами предместий дрезденских. Большая союзная армия, ожидая прибытия многих войск с генералом Беннигсеном, спокойно отдыхала под тению гор Бо-

гемских. Известно, что длинное протяжение этих высоких, лесистых и утесистых гор, между Богемию от Саксонии, заменяет им собою твердость и высоту лучших искусственных окопов и стен.

Союзники распустили разные отряды, которые делали много шума и тревог в тылу Наполеона. Граф Платов и генерал Тилеман жестоко нападали на сообщения неприятеля, хватая людей, обозы и пушки. Города Вейсенфельс, Наумбург и Альтенбург заняты были легкими войсками. Французы скрывали стыд и поражение свое в глубокой тайне; но Эльба, неся беспрестанно по волнам своим множество трупов и разных воинских снарядов, открывала отдаленным краям Германским истинное положение их врагов. Наполеон бросался из угла в угол. Перехваченные письма того времени содержали в себе горькие жалобы на сие беспрестанное взад и вперед хождение, изнуряющее войска более всякой войны.

Однако Наполеон, среди всех стеснявших его обстоятельств, сделал еще несколько сильных и решительных ударов вправо и влево на союзные войска.

70 000 французов, под предводительством Нея и Удино, напали на 40 000 пруссаков, под начальством храброго Бюллова и Тауенцина. Три дня бились они между Виттенбергом и Ютербоком. Наконец подоспел принц с шведами и россиянами 25-го числа и решил битву при Деневице. Храбрые союзники, мстя за кровь и раны свои, далеко гнали и били расстроенных врагов. Под пушками только Торгау нашли себе спасение бегущие. Победители взяли знамена, обозы и 80 пушек. Они насчитали потери неприятельской 18 000 человек. Таким образом в непрерывном громе сражений, в победах и славе протек август месяц.

4 сентября сам Наполеон нападал на большую армию у Нолендорфа, желая прокрасться или пробиться сквозь ущелия Богемских гор; но бдительность уничтожила хитрость, а мужество дерзость; Наполеон отбит. Тогда воочувствовав, сколь бесплодны все его усилия и сколь мало стоят союзникам все великие победы над его войсками, он приутих в своих движениях. Но тогда союзники начали двигаться и действовать. Генерал Беннигсен,

приведши с собою армию, стал на место Блюхера; Блюхер подвинулся вправо; все четыре союзные армии подали одна другой руку и начали наступать общими силами и в одно время. Принц Шведский у Дессау, а Блюхер в окрестностях Виттенберга переправились чрез Эльбу и пошли отрезывать французам обратный путь. Тогда Наполеон, оставя Дрезден и в нем 25 000 войск, с маршалом Сен-Сиром, бросился к Лейпцигу, где и остановился еще с великим множеством войск. Две армии обходили его вправо; а большая армия двинулась из Богемии влево на Альтенбург. Генерал Беннигсен должен был прийти по дороге от Дрездена, держась середины между теми и другими. Все предвещало битву общую и решительную на полях Лейпцигских. О сей битве скажу в своем месте; а теперь полно мечтать! Солнце высоко; пора в Дрезден. Завтра отправимся к Рейну по той самой дороге, по которой в прошлом году проходила в Париж знаменитая путешественница — большая армия Союзников. Проезжая по следам ее, нельзя не рассказывать тебе иногда об ее подвигах.

9 мая. Утро

Теперь сидим мы в сельском трактире, близ Дрездена, подле журчащего водопада, и ждем завтрака; а прошлого года? Прошлого года были мы в ужасном сражении на полях Будисинских!

Того же дня в полдень

Мы проехали чрез Носсен и Вильсдруф. Прошлого года там и там были жаркие схватки. В Носсене на превысокой скале виден древний, остробашенный замок.

9 мая. Вечер

Ночуем в доме одного сукноделателя. Пресчастливо живут здесь эти люди. В прекрасном доме всего довольно, даже после войны. Молодой человек, только что вставший из-за суконного стана, сажился за фортепиано; и те руки, которые выткали несколько аршин в день сукна, прекрасно играли Тирольские вальсы и русские песни. Эти последние здесь в большом уважении. Все русское нравится добрым саксонцам. Малые дети называют себя казаками и собираются бить французов.

10 мая

Мы проехали город Рехлиц, где прошлого

года в такой ужасной суматохе войск провел я рябиновую ночь. Проселочные и кратчайшие дороги здесь очень дурны; да нельзя иначе и быть, потому что они прорезаны сквозь цепи гор. Это военные дороги. Война везде пройдет и везде прорвет себе путь. Она раздвигает горы, продирается сквозь леса, шагает чрез реки, и нет для нее непроходимых мест! Впрочем, большие дороги (шоссе) здесь прекрасны. Мы говорим: делать, а немцы говорят: строить дороги — и подлинно они их строят! Кирпич, камни, известь и песок — все употребляется здесь для сооружения почтовых дорог.

Того же дня

Проезжая Альтенбург, подивились мы еще раз огромности известного в истории старинного здешнего замка на высокой скале. На минуту приостановились у коменданта. Подполковник Данилевский (Екатеринославского гренадерского полка) принял нас весьма дружелюбно. В сем городе лечит тяжкие раны свой почтенный полковник гвардии Штевен, бывший у нас в корпусе офицером.

11 мая, очень рано. Гера

«Вот здесь-то цветущие поля Германии!» — говорил я сам себе, проезжая вчера от Альтенбурга к Гере. Одни картины сменялись другими. Природа, кажется, омочила кисти свои в лучшие краски, чтоб обмалевать места эти. Весна здесь уже в полном владычестве: там дышит она на юную зелень лугов и нив, в другом месте одевает леса молодыми листьями; одних птиц садит на гнезда, других выпускает по рощам, по садам и всех вместе учит петь счастье свободы и любви. Тут, даже на простых ручьях, по селам и деревням, каменные мосты на сводах и с железными решетками. Как ни поздно приехали мы в Геру, однако гостеприимство приняло и угостило нас очень хорошо.

Город Гера с округом своим причисляется к герцогству Гот-Сакскому, включает в себе не более 100 000 душ и принадлежит трем князьям: Рейс-Грец, Шлейс-Лобен-Штейну и князю Еберждорфскому. В самой Гере живет теперь князь Рейс 52-й. Здесь князей сих называют по нумерам.

Того же дня

Колесо сломалось в повозке, и мы принуж-

дены были приостановиться на час в большом и красивом селении Кестриц, принадлежащем князю Рейсу 42-му. У этого 42-го Рейса есть тут прекрасный английский, на несколько верст простирающийся, сад. Некогда гулять, но взглянуть можно. Прекрасная надпись, прочитанная мною в одной беседке, осталась невольно в памяти: *нет истинного счастья без склонности к уединению*. Так мыслила чувствительная Елеонора Рейс, благотворительница Кестрица в 1742 году. Поколение Рейсов происходит от Алберта и Эрнеста, родоначальников многих владельцев Германских.

От Геры до Иены 5 миль. Дорога прорезана между ужасных гор. Подымаясь вверх, думаешь, что едешь на небо; но все эти горы унизаны селениями, испещрены жатвами. Здесь нет диких лесов, непроходимых пущей; все стройные ели, все острые тополя. Иена в яме; утесы смыкаются около нее наподобие стен. Кажется, будто кто нарочно вынул несколько гор из общей цепи и заместил их городом. Всего примечательнее в Иене университет, основанный в 1558 году. Он известен в Герма-

нии, однако ж Геттингенский лучше. Некогда удивлял здесь путешественников чудесами механики Вейгелев дом, который называли седьмым чудом в Иене. Теперь он пуст. Здесь-то в окрестностях Иены, около дороги в Веймар, Наполеон одержал не столько оружием, сколько хитростью и деньгами, великую победу над Прусско-Саксонскими войсками 14 октября 1806 года. Пруссаки стояли на неприступных утесах; Наполеон прополз змеем по ущельям гор; измена провела его. Иенское сражение решило судьбу храброй, но несчастной Пруссии.

Иена принадлежит герцогству Веймарскому. Здесь все единодушно благословляют герцогиню свою Марию Павловну. Ее называют матерью-благотворительницею, ангелом кротости и добродетели. Такие ж благословения слышал я и в Венгрии доброй государыне Александре Павловне. Жители Макленбург-Шверинские и до сих пор не могут вспомнить без слез о добродетелях Елены Павловны. «Здесь ангел погребен!» — говорят они, указывая на могилу ее. Так покоряют сердца народов прелестные дочери Павла и

Марии! Все русские офицеры не нахвалятся милостивым вниманием к их нуждам и ранам высочайшей покровительницы русских в Веймаре. Из многих расскажу только один пример ее беспримерного великодушия. Ее высочество Мария Павловна, учредя на собственное иждивение больницы для раненых офицеров и солдат, почти каждый день удостоивала их посещением своим. Всякий раз обходила сама страждущих, одних расспрашивала о состоянии их болезни, других приветствовала, и всех вместе утешала ласковыми русскими словами. Однажды, заметя, что один гренадер неохотно ел поставленный подле него с белым хлебом суп, тотчас подошла к нему ближе. «Видно, кушанье не нравится тебе, — говорила высокая посетительница. — Скажи мне, друг мой! Не хочешь ли какого-нибудь другого?» Гренадер сперва отнекивался, но, ободренный ласками государыни, наконец сказал: «Поел бы, матушка, вареников и, кажется, здоров бы стал от них!» Этот солдат был малороссиянин, недавно поступивший в службу. Но что такое вареники? Этого кушанья никто не знал в Веймаре. Тот-

час собрали всех поваров, долго толковали, расспрашивали и наконец кое-как, по объяснению бывших в больнице малороссиян, состряпали вареники. На другой день благодетельная государыня сама потчевала ими больного.

Веймар

Веймар, как столица небольшого герцогства, не заслуживал бы особенного внимания, если б не был столицею вкуса, муз и наук. Отчего ж, оставя обширные столицы, роскошью и великолепием блистающие, избрали они себе небольшой городок, запрятанный в лесистых горах? Оттого, что правители его, государи просвещенные, пригласили, приласкали и ободрили их.

Мой друг, когда присутствие муз украшает и бедную хижину в глухой пустыне, то посуди, какую прелесть должно придавать оно чертогам царским! За то и называют Веймар Афинами Германии. Здесь жили Шиллер и Виланд, и здесь живет еще Гете. Кажется, довольно означить только имена сии, чтоб показать, что все лучшее здесь. Но мы пробыли тут не более часа и не могли никого и ничего

видеть. Взглянул только мимоездом на замок, заглянул мимоходом в прекрасный сад — и должно было пуститься далее.

После Лейпцигского сражения Наполеон, пробираясь окольными дорогами к Эрфурту, хотел было завернуть в Веймар; но генерал Иловайский не пустил его. Раздраженный неудачею, он послал 10 октября отважнейшего из наездников своих Лефевра де Нуета с 5000 конницы, чтоб предать Веймар огню; однако граф Платов, приспев с войском, заслонил город полками своими и отбил дерзкого неприятеля, который, пользуясь густым туманом, едва не ворвался в улицы. Штыки и дробы загородили путь злодеям. Русские отстояли грудью столицу сестры государя своего.

Эрфурт, 12 мая. Ввечеру

Сегодня выехали мы из Иены, проехали Веймар и приехали в Эрфурт. Здесь переезжаешь из княжества в княжество, как у нас из уезда в уезд. Свободный путешественник в каждом из сих городов прожил бы, конечно, по несколько дней. От него можно требовать описаний; от нас же нет. На пространстве около Иены природа, как будто ненарочно,

бросила кучу огромных гор, которые со всех почти сторон окружены полями. Пространство от Веймара к Эрфурту только немного холмисто.

Эрфурт, занятый ныне пруссаками, известен будет в истории по свиданию императора Александра с Наполеоном в 1809 году. Теперь война истребила здесь все достопамятности. Город был в тесной осаде. Французы в самое короткое время успели укрепить, защищать и опустошить его. Они выжгли у подножия замка, стоящего на превысокой горе Петерсберг, 250 домов. На вершине сей горы в старинной церкви погребен муж двух жен, граф Глейхен, с обеими ими в одном гробе.

Граф Глейхен, богатый властелин старинного замка близ Эрфурта, имел прекрасную молодую жену, с которою жил душа в душу. Звук военной трубы, сзывая христиан в крестовый поход, предпринятый Людовиком Великим против неверных, извлек молодого графа из объятий нежной супруги и мирного уединения. В общем строю Германских рыцарей полетел он в Палестину. Многие жаркие бои происходят между христианами и сара-

цинами. Граф приобретает славу и лавры, но в одном из кровошролитнейших сражений теряет свободу. Тяжкие оковы и мрачные темницы становятся уделом его. Забытый светом и людьми, долго вздыхал он о прежнем счастье и грустил по милой супруге. Ничто не предвещало несчастному о перемене судьбы его. Наконец послышал он усладительный голос надежды: она явилась к нему в прелестном образе юной девицы. Это была дочь того, кому по жребию войны принадлежала жизнь и свобода заключенного. Наслышась от тюремного стража о красоте пленника, она захотела видеть его; увидела и пленилась им сама. С тех пор почти каждый день, навещая чужеземца, утешалась она его красотой, его умом и призналась наконец в любви своей к нему. «Милый пленник! — говорила красавица, — как несчастна судьба твоя! Ты не видишь нашего прелестного отечества; не для тебя восходит солнце, позлащающее вечно цветущие долины наши; не для тебя алеют тихие зори. Ты не видишь, как ясно наше небо, как светлы звезды его! Один, с своими оковами, томишься ты в сырых и мрачных

стенах! Я, напротив, наслаждаюсь всеми прелестями природы, и притом любовью отца и великим богатством; но, любезный несчастливец! с тех пор как я узнала тебя, все радости жизни стали мне чужды.

Не могу объяснить того, что чувствую еще в первый раз; но я чувствую, что с одним только тобою могу возвратить опять потерянное счастье. Почитатель бога, которого мы не ведаем, не он ли наделил тебя чудесною силою покорять одним взором сердца? Прелестный христианин! Ты очаровал душу мусульманки. Сын хладного Севера! Откуда занял ты тот пламень, который поселил в сгорающее сердце мое? Но перестань, перестань долее терзать слабую девицу! Согласись быть моим супругом, и я охотно соглашусь забыть все, что ни имею здесь драгоценного. Я оставлю могилу матери, лишу себя нежности отца, оставлю богатые чертоги, вечно благоухающие сады и поплыву с тобою по мятежным морям в страну бурь, снегов и мразов, на хладную родину твою. Твой бог будет моим богом, и твое отечество моим отечеством!»

Можно ль было противиться столь очаро-

вательному голосу любви и страсти? Но Глейхен был верен супруге. Ах! Кто поручится за собственное сердце свое! Воин, не уступавший никому победы в боях, не мог устоять в своей твердости и пал в объятия прелестной мусульманки. Исторгшись из оков и темницы и сопровождаемый ангелом-хранителем, своею избавительницею, он направляет путь к отечеству.

Но там ожидала его прежняя супруга, супруга верная и нежная. Сколько раз, с высоких башен горного замка своего, смотрела она на синюю даль: не подымается ли пыль по дорогам; не блещет ли рыцарей строй; не едет ли милый ее!.. В тоске заставляла ее румяная весна, и слез по супругу не осушало жаркое лето. Она любила мрачную осень и снежные бури зимы. Сколько раз чрез путников, идущих по святым местам, чрез рыцарей, ехавших на брань, посылала она вести к другу своей души! Сколько раз поверяла грусть свою ветрам, веющим от севера на юг; птицам, улетающим от хладной зимы, и даже струям рек, бегущим в дальние моря, за которые поплыл супруг ее. Возвращались путни-

ки и рыцари, прилетали птицы назад, дули ветры от юга; но никто не приносил вести печальной супруге о милом друге ее. Наконец прибыл он сам, и прибыл не один! Кто напишет картину первого свидания их! Кто опишет жаркий спор новой любви и благодарности с прежними обязанностями и верностью супружескою!.. Это был спор сердца с рассудком, страсти с должностью. Наконец великодушные одержало верх, обе жены согласились жить в дружбе, и. Папа благословил сей тройственный союз. Нежный супруг построил для каждой жены по особому замку, а сам жил в третьем и навещал каждую особо. Там, говорили мне, влево от дороги, едучи к Рейну, увидите вы развалины этих трех замков.

Дорога к Эрфурту усеяна батареями. Наполеон прикрывал ими тыл свой. Но русские, обходя сторонами, отнимали целые области, стесняя его к Рейну. Здесь, в Эрфурте, Наполеон приостановился было на короткое время, собирая, на обширных полях, под выстрелами возобновленной крепости, по разным дорогам бегущие войска свои, но союзники наступали со всех сторон, Блюхер с силезскою ар-

мию справа; прочие по большой дороге и с уклонением влево шли окружить Эрфурт; а между тем полководец баварский Вреде, еще 4 октября, в первый день Лейпцигской битвы, пошел самым поспешным ходом, со многими войсками, с берегов Инна к Рейну, чтоб отсечь обратный путь Наполеону. Сей последний, предчувствуя опасность, не стал усугублять ее медленностию: бросил сильный отряд в Эрфурт и потянулся к Готе.

Мая 13

Мы едем по следам недавно прошедшей войны. Дорога идет по полям; но слева тянется цепь синеющих гор, которые, говорят, у Эйзенаха заступят нам путь. Обозы горных жителей отличаются от прочих: их повозки на двух колесах. Сохи здесь также на колесах. Тут углаживают нивы большими качалками. Здесь уже не так, как в Саксонии: на всяком шагу не встретишься с красавицею. Саксония — земля красоты и порядка.

Гота

Бывают сады в городах, а это город в саду. Прелестный город! Пока заготовляли лошадей, мы до крайней устали гуляли по прекрас-

нейшим аллеям неостриженных деревьев; смотрели на высокобьющие водометы; встречались с светлыми ручьями, бегающими по зеленым долинам сада, и любовались разнообразием ближних гор. Сад окружает город, а поля окружают сад. Из города идешь в сад, а из сада в поле, из поля опять в город и не заметишь, как очутишься там и там. Мы подходили к древнему готическому замку герцога и всходили на превысокие насыпи, которым подобных, кроме Английских в Виндзоре, нет во всей Европе. Вид оттуда чудесный! Пространство вблизи города усеяно цветущими рощицами; а даль украшается синевой гор. Гота принадлежит тому же герцогу, который владеет и Альтенбургом. Он живет здесь. Герцог чрезвычайно добр: он отец стотысячного семейства, то есть сто тысяч подданных считают его отцом. Здесь я сам видел, что родной брат герцога ездит в простой одноколке. Министры ходят во дворец пешком — и народ счастлив!!

Первые колонны бежавшей в прошлом году французской армии вошли в Готу 11 октября. Наездники наши бились с ними. Полков-

ник Храповицкий захватил французского министра С. Эньяна, взял 73 офицера, 900 рядовых и подорвал обоз с порохом. Наполеон спешил в Эйзенах, а оттуда влево к Франкфурту. Мы поедem по этой же самой дороге.

Дорога к Эйзенаху сперва по полям, потом через горы. Подошвы гор украшены селениями; вершины их дики и пасмурны. Слева синет, как дальняя туча, гористый Тюрингский лес.

Эйзенах

Нечаянная и приятная встреча! Идем явиться к коменданту, и в коменданте узнаем любезного товарища нашего по корпусу и по службе Фр-а! Он ранен под Кацбахом, бросаясь на выручку меньшого брата, над которым уже сверкали французские сабли; он получил две раны в голову, одну в руку; лечился в Бреславле и находится теперь военным комендантом здесь. Добрый сделался любимцем добрых немцев. Он рассказывал нам о сражении Кацбахском, происходившем под шумом мрачной бури и в проливном дожде; рассказывал о Блюхере, которого солдаты наши прозвали генералом Форвертс (вперед!), потому

что во время боя он беспрестанно кричал «Форвертс!» и вел полки вперед. Жители Бреславские приняли раненых наших чрезвычайно хорошо. Ф-к осыпан был ласками от всех и подарками от некоторых.

Наговорясь о прошедшем, мы спешили насладиться настоящим и пошли гулять за город. Какая бесподобная прогулка в окрестностях Эйзенаха! Горы на несколько верст превращены в прекраснейший сад. Дороги, просади, пещеры, мостики, проходы сквозь каменные скалы — все тут есть! Горы и долины очаровывают зрителя. Взобравшись на высоту горы, мы увидели весь город под ногами и на одной огромной скале прочитали надпись, начертанную творцом Вертера. Сердце тотчас почувствовало красоту этой надписи; память удержала смысл ее; а перо друга твоего передает ее тебе, как умеет, в переводе. «Кто имеет сердце незараженное пристрастием ко всему искусственному, сердце нерастленное роскошью и страстями; кто любит простую, но величественную природу; кто имеет душу чистую, способную наслаждаться дарами ее — тот уклонись в сии зеленые дубравы. Чув-

ствительный смертный! Здесь сокрыт ты от треволнений мира. Отсюда виден город, но не слышен шум его. Даже бури, мимо текущие, и ревуший гром не дерзают возмущать спокойствия, почивающего над сими сводами, из твердого гранита сооруженными. В безмятежные часы утра цветы своим благоуханием, ветрки прохладою, а птицы пением нечувствительно восхитят дух твой и преисполнят сердце благоговейною благодарностию к творцу вселенной!» Так, несравненный Гете! В прелестных садах природы, восхищаясь красотами ее, можно забыть о всем на свете. Кто пленяется изящным, тот уже не может быть злодей. Глядя на превосходную картину, слушая очаровательную музыку и гуляя в цветущем саду, кажется, нельзя и подумать о злодеянии. В невежестве черствеют чувства; все изящное умягчает их. О, да будет благословенно все, что только может сделать сердце добрым и чувствительным!!

Эйзенах есть участок герцогства Веймарского. И здесь уста и сердца всех и каждого согласно хвалят добродетели Марии Павловны. Фр-к пленил нас рассказом о ее обхождении с

русскими. Каждый раз после обедни она разговаривает со всеми офицерами, приветствует солдат и осыпает ласками раненых. У тех, которые ранены в ноги, спрашивает, не высоко ль отводят им квартиры, и всегда подтверждает коменданту, чтобы помещать таких в нижних жильях, в самых чистых и покойных комнатах. Она сама заботится, чтобы содержание раненым было лучшее; всех русских называет своими милыми гостями, приглашает их гулять в зеленых садах и откушать хлеба, соли в палатах своих. Мой друг! Ты знаешь русских и можешь судить, как восхищаются они таким обхождением с ними! Русскому одно ласковое слово царя государя любимого дороже злата и серебра!

Как обходятся здесь с нашими

Немцы очень любят русских. Получа известие о взятии Парижа, одна богатая графиня Эльма сделала великолепный праздник. Комендант города Ф *** приглашен уже поздно; он входит после всех, и что ж? Его встречают десять прекраснейших девиц, поют хор и с словами «В лице вашем увенчаем всех русских офицеров, освободителей Европы!» наде-

вают на него лавровый венок. Он должен был носить его несколько часов на голове и теперь бережет на память.

Еще пример: несколько русских солдат, ускользнув из плена, скрывались в лесистых вертепах около Эйзенаха, занятого французами. Знатнейшая из здешних женщин, сведав о сем, всякий день, под видом прогулки, ходила навещать несчастных. Она приносила им в корзинах пищу, одежду и деньги — и это продолжалось около трех месяцев. Ну, как же русским не любить здешних!

На сих днях проезжали здесь великие князья Николай и Михаил Павлович. Общий голос говорит, что они так же добры, умны и милы в обхождении, как и венценосная сестра их! Питомцы добродетельной матери оправдают неусыпные попечения ее об них.

Любопытные путешественники ходят смотреть на одной, из здешних скал *чету окаменелых любовников*. В глубокой древности, говорит предание, на двух противоположных скалах существовали тут два монастыря: один мужской, другой женский. Строгий надзор с обеих сторон полагал вечную преграду

между близкими соседями. Но любовь не знает преград: с тонкою струею ветра прокрадывается она в мелкие скважины железных ворот; легкою ласточкою перелетает чрез высоту огромных стен, и где только есть сердца, является и она с очарованием своим. Молодой монах и соседка его виделись сперва издалека, смотрели друг на друга, кланялись, потом изъяснялись глазами, вздыхали... При каждом из сих свиданий сердце более и более брало верх над рассудком. Они подходили друг к другу ближе, ближе и наконец встретились вон там — на той скале. Вечер был прекрасный; владычество весны повсеместно. Все ожило для любви и радости. Касатки, гоняясь друг за другом, вились над мшистыми зубцами черных башен; горные горлицы, воркуя, лобызались на расцветающих ракитах. Юная чета имела также сердца. Сильно забились они при общем ликовании природы; невольно раскрылись объятия, невольно заключили они в них друг друга. Уста хотели что-то сказать и сблизились — они поцеловались!.. Но, о боже! Какая ужасная казнь за сей поцелуй! Небеса меркнут... свет исчезает...

все темнеет в их глазах... непостижимый холод быстро пробегает из сердца по всем направлениям жил и медленно, вместе с цепенеющей кровью, возвращается опять к умирающему сердцу. Мраз и ужас пронизают до мозга костей! Они стыннут, цепенеют, как светлый источник в последний день осени; нет жизни, нет движения — они *окаменели!!!*

От Эйзенаха до Фаха и Гундфельда природа дикая, гористая. Стороны эти ужасно разорены войною; даже нивы не возделаны!.. Люди бедны, лица бледны; довольства не видать. Мальчишки в лохмотьях бегают толпами и самым странным охриплым голосом кричат: «Гир-гер крейцар!»

Фульда

Очень красивый город. Тут бы должно посмотреть дворец, церкви и мало ль еще что! Но мы проехали через город, не останавливаясь в нем: перемена лошадей в деревне.

Шлюхтер небольшой городок. Если увидишь в здешних местах запустевшие поля, бедных поселян и проч., то и не спрашивая знай, что это — Вестфалия. Брат Наполеонов оглодал ее, как кость. Не знаю, каково в Кассе-

ле; но здесь зато во всякой деревне сельская гвардия в оборванных кафтанах с пиками! Наполеон и товарищи его хотели всех людей сделать воинами, а свет превратить в казарму!

Сальмюнстер

Город, бывший некогда епископским. Кому теперь принадлежит Сальмюнстер? Фульде. А Фульда? Покамест еще никому! Сколько стад без пастырей! И как пострадали стада за то, что пастыри дрались!.. Тут ночевали мы у монахов в старинном монастыре, в мрачной зале за тесными перегородами, которые замыкаются, как шкафы, на выдвижных монашеских постелях. Ветер чрез целую ночь расхаживал по коридорам, выл.

Недалеко от Гебгаузена обедали мы в прекрасном доме у человека, одетого в топкое сукно, с премилою его дочерью, девушкою очень воспитанною — у кого же бы это, ты думаешь? У простого крестьянина! Так живут здесь крестьяне; а за несколько отсюда миль в Вестфальских горах — нищие! Счастье народа зависит от правителей его. Здесь, на квартире, стоял один французский офицер и

подписал на стене свое имя, название своего полка, год, месяц и число, когда он тут был. Французское самолюбие воображает; что это для всякого очень любопытно!

Ганау, пространный, красивый и прелестными окрестностями украшенный город. Собственно, о нем не скажу ничего потому, что пробыл в нем не более получаса; но здесь очень кстати описать тебе бывшее сражение у баварского генерала Вреде с войсками Наполеона; а чтоб яснее описать самое сражение, обратимся назад и посмотрим предшествовавшие ему обстоятельства.

Обстоятельства, предшествующие битве при Ганау

Наполеон оставил Эрфурт 13 октября 1813 и пошел к Готе. 14 октября большая армия союзников двинулась вслед за неприятелем. Австрийские войска и российская гвардия пошли влево чрез Шмалканден по Тюрингскому лесу. Князь Шварценберг имел в сей день главную квартиру свою в деревне Ельлебен, на пути между Веймаром и Арнстатом. Войска графа Витгенштейна и прусского генерала Клейста получили повеление обложить Эр-

фурт. Фельдмаршал Блюхер 14 числа пошел, с силезскою армиею, к Готе и Эйзенаху, нанося беспрестанный вред задним войскам отступавшей армии. Храбрый генерал Рудзевич, настигнув неприятельский отряд у Готы, отхватил две тысячи в плен, а прусский генерал Йорк, став на дороге, в долине Горзельской, близ Эйзенаха, отнял у неприятельской пехоты Эйхрод и, устремя все силы свои против 4-го французского корпуса, отбросил его от Эйзенаха и загнал в Тюрингский лес, из которого он, окольными путями, едва мог пробраться к Ваху.

Отступление французской армии к Рейну

Французская армия с такой поспешностью отступала чрез Фульду к Франкфурту, что передовые войска союзных армий с большим трудом могли иногда только настигать ее. Солдаты сей бегущей армии обнаруживали тогдашнее состояние ее: везде мертвые и умирающие; везде оставленные пушки и брошенные обозы. Леса и горные ущелья наполнены были больными и ранеными, усталыми и скитающимися бродягами французскими.

Смятение и беспорядок были почти таковы, как в прошлом году на реке Березине. Конные войска союзников, сторожа под дорогою, всякого, кто только от толпы отлучался, хватали и часто на целые колонны, из узких мест выходящие, нападали храбро. Проворные казаки, с графом Платовым и генералом Иловайским, заскакивая вперед, бегущим пути копьем и саблею загоразивали. Но столь решительной, жаркой и славной битвы, как в 1812 году 6 ноября под Красным, не было. Однако ж много причинено вреда бегущим истреблением хлебных запасов, оттого-то они сотнями умирали с голоду.

Генерал Чернышев 13-го, а граф Платов 15-го нападали внезапно: первый при Ельстероде, близ Эйзенаха; а второй, между Гейсом и Гунфельдом, при Роздорфе. Желанный успех увенчал оба нападения, 15-го числа генерал Чернышев, соединись с Иловайским, ударил с крыла на выходящую из Фульды молодую французскую гвардию. Полковник Бенкендорф, отряженный вперед, привел 500 пленных и сжег магазин[60] с хлебом.

С сего времени армия французская ускори-

ла и без того поспешный ход свой; ибо Наполеон, как мы сказали выше, предчувствовал приближение Вреде, долженствовавшего отсечь ему путь к Маинцу. С усугублением скорости хода усугублялось число усталых и отстающих.

Оба союзные императора неотлучно находились при главной своей армии, князем Шварценбергом предводимой. Армия сия, пройдя Смалканден и Мейнинген, потянулась к Франкфурту по двум дорогам, разделяясь на две половины: одна проходила Фульду, Шлюхтер и Гебгаузен; другая следовала чрез Швейнфурт и Ашафенбург. Фельдмаршал Блюхер не оставлял наносить удары правому неприятельскому крылу, обходя оное чрез города Гиссе и Ветцлар. Граф Витгенштейн выступил из Готы 18-го; а Эрфурт облегли войска генерала Клейста; принц же Шведский с особою армиею пошел чрез Кассель на север Германии, дабы, воюя отдельно от прочих, те страны от многих и сильных еще неприятелей очистить. Между тем время обратить взор на войска баварские, храбрым генералом Вреде предводимые. Три дивизии пехоты

и три бригады легкой конницы баварцев да две пехотных и одна конная дивизия австрийцев составляли армию Вреде. 3 октября генерал граф Вреде как принял главное над нею начальство, так и выступил тотчас в поход, 5-го главная квартира его была в Ландсгуте, 6-го в Необурге, 7-го в Донауверте, 8-го в Нердлингене, 9-го в Динкельсбюле, 10-го в Аншпахе, а 11-го в Оффенгейме. Таким образом войска сии в восемь дней сделали более 40 немецких миль, то есть около 300 верст[61]. И в хорошее время года поход сей почелся бы довольно поспешным, но среди дождей и непогод осенних, по скользким горным путям он, конечно, показался бы для войск несносным, если б не подстрекало их желание достигчь цели и биться с врагом. 10 октября Вреде получил приятное известие о великой победе, одержанной союзниками на полях Лейпцигских. Баварцы приняли весть сию с восторгом и общим голосом просили боя. Прекрасно укрепленный город Вирцбург стоял у Вреде на пути. Должно было продолжать чрез него путь силою и оружием. Главнокомандующий сделал все нужные к тому распоряже-

ния. Два раза посылали к коменданту, требуя сдачи; но гордый француз не хотел и слышать о ней. Тогда вместо мирных убеждений генерал Вреде употребил другие, приличнейшие обстоятельства средства. Он подвез 82 пушки и, щадя сколько возможно город, открыл пальбу по замку. Три тысячи выпущенных бомб и ядер и все приготовления к приступу склонили коменданта к уступчивости; он оставил город и засел в нагорном замке. Генерал-майор Спретти, со многими батальонами, обложил неприятеля, 15-го генерал Вреде прибыл в Ашафенбург, а 16-го велел одному легкоконному баварскому полку занять Ганау.

Бои при Ганау

Вреде никак не предполагал, что встретит целую армию Наполеона; но высланные наездники вскоре донесли ему о приближении ее в грозных, сильных и великих еще толпах. Тогда генерал баварский решился стать при дороге и наносить идущим мимо всевозможный вред, не вступая, однако ж, в открытый бой, столь для него неравный. Между тем разные бродящие ватаги французов, выходя из

ближних лесов, бросались в Ганау, и некоторым из них удавалось отнимать город у легких баварских войск. Ганау переходил из рук в руки. Разные бои, с переменным счастьем, происходили впереди и около города. Наконец 17-го числа Вреде, призвав генералов Чернышева и Орлова-Денисова с их казаками, а полковника Менсдорфа с его партизанами, основал главную квартиру в самом Ганау и все свои войска в сем месте сосредоточил. В сие же самое время сделал он двойное распоряжение: приказал, во-первых, графу Рехберху идти из Ашафенбурга чрез Зелингенштат, Офенбах и Сахзенгаузен вперед для занятия и удержания за собою Франкфурта; а потом велел австрийской бригаде, с генералом Волькманом, двинуться к Гельгаузену для нападения на неприятеля сбоку. Дивизия Ламота подвинулась туда же; отряд оный занял городок Лангензельбольд. Несколько батарей устроены в приличных местах. Такие приготовления сделаны к бою. Густые леса скрывали и ход и силы неприятеля. Наконец, в 3 часа пополудни, показался он. Это был сам Наполеон: он шел страшен и лют, как дикий зверь;

грозен, как гневная туча, мечущая во все стороны молнии свои. Из России бежал он робким оленем!.. Баварцы, стоявшие в лесу, вступили было в бой; но, видя, что левое крыло французов начало обходить их, уступили место. Неприятель пустил на городок Лангензельбольд тучу бомб и гранат и вырвал его из рук баварцев. Одна дивизия Ламота устояла на своем месте.

Несмотря на сии, по-видимому, неудачи, союзники забрали у неприятеля в плен 100 офицеров и до 5000 рядовых. Если сравнить Лейпцигское сражение с Бородинским, а Кульмское с Мало-Ярославским, то нельзя не сравнить и сих боев Ганавских с боями, бывшими при Красном. Но должно согласиться, что война Отечественная (1812) числом великих жертвований и блеском успехов своих превосходит войну заграничную (1813).

С 17-го на 18-е число Наполеон ночевал в Лангензельбольде. С утра произошла авангардная схватка; а потом Вреде построил войска к важнейшему бою, сбоку от города. Правое крыло свое оградил он речкою Кинцигом, впадающею в Маин; а левое поставил на са-

мой Гельдгаузенской дороге. На сей же дороге выставлено большое количество пушек, чтоб сбивать неприятеля, выходящего из лесов. Под выстрелами сих пушек устроена конница; запасной же отряд стоял на левом берегу Кинцига и подкреплялся бригадою австрийцев, занимавших город.

В самый полдень многочисленные колонны французские показались на опушке леса. Они хотели было прорваться сквозь средину союзников; но залп из шестидесяти орудий тотчас обратил их назад. Видя, что ничего не выигрывает тут густым строем, неприятель начал действовать врассыпную. Две тысячи стрелков высыпали из леса на правое крыло союзников; но после жаркой перепалки и сии были сбиты и загнаны обратно в лес. Таким образом, все усилия французов идти вперед не имели никакого успеха до трех часов пополудни. Но к сему времени все войска Наполеоновы собрались уже вместе: число их простиралось до 60 000, следовательно, вдвое против войск Вреде.

Наполеону некогда было заниматься великими движениями и вступать в общее сраже-

ние, ибо армии союзников следовали по пятам; ему надобно было только пробиться. На сие-то и решился он, склубя все войска вместе и выдвинув 120 пушек вперед. Генерал Нансуги, с 12 тысячами конницы, первый бросился напролом. Буря картечи, а потом и вся конница баварская встретила, расстроила и отбросила было его назад; но генерал Друет, прыскавав с 50 пушками, восстановил бой, и неприятель всеми силами двинулся на левое крыло союзников. Столь сильный натиск Наполеона и недостаток в зарядах заставили Вреде уступить противнику своему дорогу; он отслонил сперва левое крыло, потом средину и, наконец, и все войска перевел за Кинциг и расположился на ночлег при мызе Лергоф. Города же Ганау он, однако ж, из рук не выпустил и вверил оборону оною бригаде австрийцев. Первые часы ночи прошли спокойно; но к свету французы начали бросать в город бомбы и гранаты, зажигать дома и врываться в улицы. Австрийские гренадеры отражали наглость силою и стояли храбро; но число наступающих беспрестанно возрастало и стрельба по городу увеличивалась.

Тогда Вреде, щадя прекрасный город Ганау, приказал уступить его без драки, опасаясь, чтоб французы в злости не выжгли всех домов; но 4-й французский корпус, не довольствуясь снисходительностью, начал вызывать баварцев на бой и жестоко нападавал на правое крыло их. Сражение загорелось и продолжалось чрез целый день. Французы при всяком разе, когда бывали отбиты, укрывались в городе, где, подкрепясь новыми силами, выступали на новый бой. Тогда генерал Вреде, желая положить всему конец и взять город с тем, чтобы уже никогда его опять назад не отдавать, повел войска на валовой приступ. Тут нужна была храбрость, и военачальник баварский показал ее в лице своем. Взяв баталион австрийских гренадер и баварских егерей, он сам первый бросился с восклицанием «ура!» к воротам Нюренбергским; ворвался в улицы и занял вмиг половину города, несмотря на то что все улицы завалены были повозками и защищаемы стрелками. Оставалось взять Кинцигский мост. Неприятель столпился за оным и палил по союзникам гранатами. Неустрашимый Вреде невзи-

рал ни на что: он идет впереди всех, и неприятель приходит уже в смятение, как вдруг ружейная пуля тяжело ранит этого храброго генерала и лишает на время войско присутствия его. Но баварцы, мстя за кровь любимого вождя, бросаются с отчаянием на мост и на пушки; австрийские гусары пускаются вплавь через Кинциг, и неприятель, отовсюду стесненный, бежит, зажегши мост.

Генерал Фреснель принял начальство после Вреде. Лишь только город был занят, то правое крыло союзников, сделав, в свою очередь, жестокий удар на левое крыло французов, завладело совершенно полем сражения.

Между тем Наполеон целый день тянул войска свои мимо Ганау через Вильгельмсбад и Гогхстет, откуда сворачивал опять влево на большую дорогу.

На другой день вломился он во Франкфурт и вскоре очутился за Рейном, где почувствовал почти то же, что и по переходе за Березину. Трофеями несколькихдневных битв при Ганау были 15 000 убитых и раненых и 10 000 пленных. При Красном в 1812 году победители насчитали пленными и убитыми более

этого числа в один только день 6 ноября, когда генерал Милорадович истребил войска маршала Нея. Через несколько дней большие армии союзников прибыли во Франкфурт, где, постояв нарочито долгое время, потянулись вверх и вниз к Рейну для вступления с разных сторон во Францию.

Дорога от Ганау до Франкфурта настоящий сад. Длинные просади из острых тополей, пруды, деревни, башни, замки представляют картину самой живописной, цветущей и счастливой страны. Здесь нет клочка земли, который бы не был нивою, и нет нивы, которая не обещала бы богатой жатвы. Справа остался у нас Вильгельмсбад, где, говорят, так весела природа, что самый задумчивый, самый угрюмый человек не может не улыбнуться, гуляя там. Слева провожала нас до самого Франкфурта прелестная река Майн.

Франкфурт-на-Майне

Франкфурт прекрасный, великолепный, величественный и вольный город. В стенах его заключается целый народ. Жителей считают до 50 000, в том числе 7000 жидов. В правительстве участвуют две воли: воля стар-

шин и воля народа. Такое правительство называется *Аристо-демократическим*...

Годовой доход с города 500 000 флоринов. Франкфурт можно почесть средним магазином Европейской торговли и общею меновою конторою Германии и Франции. Положение на Майне и при Рейне делает его к сему способным. Мятежи беснующейся Франции нанесли много вреда и благоразумному соседу ее Франкфурту. В 1796 году город был бомбардирован французами; но жители вели себя как люди вольные и честные.

Франкфурт удостоен присутствием человека, который жил некогда в великолепных дворцах, управлял пространством государством и славился делами. Теперь он в двух комнатах Английского трактира; управляет только своими страстями и славится — великодушною твердостью, с которою сносит превратности своего, жребия...

Согласись, друг мой! что наш век есть век великих превратностей: никогда общества людей не были подвержены таким бурям, волнениям и переменам. Одна только великость души не подвержена никаким бурям

жизни, никаким превратностям случая. Давно ли минули времена тихие, когда спокойствие почивало над главами народов? Цари в великолепном могуществе своем сияли на престолах, как солнца в небесах; мир, правосудие, чистая вера и наследственные добродетели делили благоденствие поровну между всеми состояниями людей. Тогда еще не имели понятия о великих ударах рока, о злополучии государей, о кровавом праве войны, о смешении племен и народов... Люди чех счастливых времен в каком-то приятном усыплении провождали беспечный век свой. Они, конечно, не могли чувствовать всей сладости безмятежного благополучия своего, ибо человек тогда только узнает настоящую цену здоровья, когда постигают его болезни; а цену счастья познает во время бед! Но настоящее поколение людей, рожденное в бурях, в дни ужаса, смятений, великих страхов и тяжелых печалей, когда ничего более не слышно, кроме звуков оружия и стонов человечества, неутешно рыдающего в бедствиях войны; нынешнее поколение, говорю я, не может вспоминать без сердечной грусти о благополучии

времен протекших. Каких превратностей не были мы свидетелями? Слепое счастье водило иноплеменных завоевателей из края в край земли; сила наглою стопою попирала древние рубежи царств; безбожие, смеясь, разрушало алтари веры, но, пораженное громом небесным, само упало у подножия его. Никогда не был так переменен вид Европы: мирные города мгновенно ограждались стенами; древние стены и твердыни мгновенно рассыпались в прах, природные государи становились простолюдинами; люди из глубокой неизвестности, раздвигая толпы мятущихся народов, восходили на троны их. Но торжество порока, при всех превратностях мнений людских, никогда не сравняется с торжеством добродетели; никакой блеск, никакое могущество не могут защитить первого от тайной ненависти людей; никакое злополучие не может лишить последней ее достоинства и уважения благородных душ...

Во Франкфурте имели мы удовольствие встретиться с генерал-майором Рейхелем, бывшим полковым командиром в Апшеронском полку. На это время занимал он почет-

ное звание военного коменданта в городе.

Маинц

Звон колоколов, стук проходящих конных и пеших войск, бряцание оружия и шум народа неслись навстречу нам из-за высоких окопов Маинца, когда мы приближались к нему. Недавно редела там смерть. Рейн, величественный Рейн явился тут глазам нашим. В великолепном течении своем орошает он прекраснейшие страны Германии. Сколько народов жили и погреблись на берегах сей древней реки; сколько столетий гляделись в водах ее!..

Едем чрез длинный на судах мост; справа замечаю ряд плавучих мельниц. Входим в Маинц. До какого жалкого безобразия можно довести прекрасный город!.. Лучшие палаты, дома и церкви превращены или в арсеналы, или в казармы, или в магазейны. Бледность — общий цвет лиц, и даже прекрасного пола, который здесь опять прекрасен. Велико было несчастье жителей маинцких. Они только что вырвались из страшных когтей смерти!.. Ужаснейший мор свирепствовал в стенах осажденного града. В течение трех ме-

священников умерло 6000 жителей и, как говорят, до 20 000 солдат. Первых хоронили по кладбищам; других с утра до вечера возили возами, как дрова, и бросали, как ничтожных тварей, по рвам и вертепам за городом. Хищники Европы валялись в снедь хищным вранам, и на распутьях, казалось, земля не хотела принимать отягченных преступлениями. Ужаснейший разврат, лютейший самой язвы, свирепствовал в сии дни гнева небесного. Воспаленные огнями сладострастия солдаты врывались в дома, исторгали трепещущих дочерей из рук их родителей и увлекали в змеиные норы свои. Часто груды тлеющих трупов служили им постелью. Ни слезы, ни моления невинности не умягчали злодеев, отнимавших у нее жизнь и честь. Замученные женщины валялись по улицам.

Франция

«La belle France! Прелестная Франция! — восклицают беспрестанно французы-учители. — Вот земной рай!.. Переезжайте Рейн, и вы увидите цветущую землю, счастливый народ, на каждом холме — виноград, в каждой долине — деревню! На что ни взглянете, все

удивит, утешит и очарует вас. Там (во Франции) деревья обременены плодами, нивы — волнующимися жатвами, окрестности веселящимся народом. Переезжайте за Рейн, и вы увидите страны благополучные, изобилием и многолюдством кипящие». Вот в чем уверяют бродяги французские и вот чему, к несчастью, верят люди русские!.. Переезжают за Рейн — и где *votre belle France!* Где ваша прелестная Франция... Ужасно опустелые края, земля нагая, деревья увядшие и повсеместное безлюдье. Вот что представляется глазам: вижу пространство, но не вижу деревень; поля необработаны, окрестности унылы, тернии и волчцы растут на месте жатв!

В городах лучшие дома — казармы или больницы. Толпы нищих встречают, провожают и всевозможными хитростями и уловками нападают на кошелек и сердце проезжего. Один пугает вас своими ранами, другой рассказывает о своем увечье, третий кричит, четвертый поет. «Вот бедная сирота! — говорит какая-нибудь старуха, подводя к вам маленькую девочку. — У нее нет ни отца, ни матери; одно сострадание проезжающих кормит

и одевает ее»... Просительную речь свою говорит она целую четверть часа, а в заключение восклицает: «Дайте ей франк!» «Что-нибудь убогому старику!», «Что-нибудь бедному мальчику!», «И мне!..», «И мне!..» или «Купите у меня цветов!», «У меня сладких пирожков!», «У меня ягод» и проч., и проч. Вот что услышите, приехав на станцию. Но тут уж лучше просто давать милостыню, нежели что-нибудь покупать, ибо продавщицы цветов и лакомств с прегрязными руками и в презапачканных лохмотьях.

Странно, что во всех местах, которые мы проехали, только и видны дети да старики, женщин множество. Где ж цвет юношества? Он подкошен косою смерти на полях войны! Народ и благоденствие его поглощается военным правительством. Что есть тут хорошего, так это большие дороги: чудесные дороги! Проезжаем несколько станций, не спускаясь, не возвышаясь, все по ровной глади, как по натянутому холсту; ничто не остановит повозки, нигде не получишь толчка. Дорога чиста, как ток: на ней, как говорится, ни сучка ни задоринки. Я в первый раз отроду по такой

прекрасной еде. Около себя видишь горы, а под собой не чувствуешь их. Чудесная здешняя дорога проведена в виде огромной толстой плотины или наподобие крепостного вала. В прямом направлении пробитые горы, срезанные холмы, засыпаны рвы и овраги и проложен гладкий путь, *шоссе*. Это шоссе в некоторых местах на два, на три и на четыре аршина от горизонта от земли возвышается. Суди ж, сколько должно было приложить тут трудов и сколько тысяч рук занято сею необъятною работою!.. Но во Франции никогда не было мало рук и счастлива была она, пока руки сии не сделались хищными, дерзкими и не окунулись в крови! Сперва руки поселян возделывали нивы в долинах и лелеяли виноград по горам; руки рабочих строили города, дома и дороги; руки ремесленников ткали прекрасные шелки свои; руки воинов поднимали оружие только в защиту отечества; руки вельмож с честью управляли шпагою и пером; а руки государя крепко держали скипетр. Тогда умы были остры, сердца веселы, души благочестивы. Франция молилась, пела и любила государей своих. Но когда это было?

Очень давно!.. Настали другие времена и привели с собою другие правы: половинное просвещение затмило здравый ум; непомерная роскошь вельмож и богачей расстроила поселян и огорчила бедных; уроки лжеумствователей зажгли страсти; вольнодумство потрясло алтари веры. Тогда излишество рук, употреблявшееся на украшение областей, обращено на совершенное их опустошение. Оружие заменило и плуг, и косу, и мирный посох. Ужасная буря, возраставшая из самого сердца Франции, разрушительными вихрями понеслась по всем концам. Революцией назвали великий перелом древнего порядка вещей, ниспровержение трона и расторжение всех союзов с богом, добродетелями и тишиною.

Революция значит переворот — и конечно во Франции все переворотилось и превратилось!.. «Guerre aux chateaux (война замкам) et paix aux cabannes (и мир хижинам)!» — кричали защитники равенства под предводительством генерала Кюстина и нещадно разоряли и грабили дворцы и палаты. «Да здравствует король!» — кричали защитники трона и дрались как львы с нарушителями прежне-

го порядка. «Свобода! братство! равенство! или смерть!» — кричал беснующийся народ — и свобода, братство и равенство были только на языке и в мечтах, а смерть на самом деле. *Война, смерть и разрушение*, взявшись за руки, ходили по цветущим берегам величественного Рейна. Их след был след кипящей лавы и всепожирающей саранчи. Нож стал тогда любимой забавой безумной Франции: она резала им других и себя. Бури мятежей согнали многие тысячи народа с родной земли под чуждые небеса, *конскрипция*, или перепись, влекущая молодых людей поочередно на убой, повергла земледелие и хозяйство в крайний упадок. Бури, секира, дожди и времена искоренили, истребили, смыли и сгладили сады, винограды и даже следы жилищ человеческих. Левый берег Рейна, всегда улыбавшийся, видя себя столь благополучным в цветах, виноградах и жатвах своих, теперь мрачен, пуст, печален, показывает раны и опалы свои от молний мятежной войны. Вот в каком состоянии нашли мы преддверие мнимопрелестной Франции.

22 мая

Проселком, влево от Маинца, проехали мы через города Киршгейм, Винвайлер и Кайзер-Лаутерн, где, вспав на большую дорогу, идущую из Мангейма, поехали на Гамбург. Пустота, необработанность, безлюдье, дичь — вот слова, из которых путешественник должен составить описания свои страны сей. Кто бывал в польско-жидовских городах, тот разве может иметь понятие о нечистоте, поражающей взоры и обоняние в здешних. Во многих местах видал я на улицах босоногих мальчишек, в лохмотьях, играющих в карты на наземных кучах! Другие полощутся в лужах или валяются в грязи, ни о чем не заботясь. От Кайзер-Лаутерна до Гамбурга, на 28 верстах, встретили мы только трех человек, копающих дикую ниву: двух, работающих волами, и одного, собирающего травы. Где ж земля, кипящая народом? А французы все кричат, что им тесно жить!..

Местоположения здесь есть прекрасные; но не очаровательные. По обеим сторонам дороги холмы и высоты, покрытые развалинами и лесом. Во многих местах, по дороге, встречаются порядочные дома без окон и две-

рей! Здешние деревни совсем не то, что немецкие: тут нет ни красивых улиц, ни светлых домиков, ни порядка, ни опрятности. Один изрядный дом какого-нибудь барона или маркиза в середине, а около него кучи вместе слеplенных, старинною поседелою черепицею покрытых, низких, убогих и часто курных лачужек; улицы в навозе, народ в лохмотьях... Вот картина деревни здешнего края!..

Нашу Россию не называют прекрасною; а селы ее по Волге и Оке в самом деле прекрасны. Дожди здесь сильны, шумны, внезапны и скоропреходящи — не такова ли и слава французов!..

23 мая. Город Сент-Ароль

От Рейна и до сих мест язык французский не есть еще общим и единственным: большая часть жителей говорит по-немецки; но с Сент-Ароля начинается уже повсеместное владычество этого языка. Очаровательные звуки его гремят в палатах и хижинах, на площадях, в лачугах и шинках[62]!..

Здесь, (в Сент-Ароле) язык французский сыграл со мною прекрасную шутку! Приез-

жаю в трактир, мне отводят комнату; вхожу и слышу самый чистый и плавный выговор французский. Привыкнув слышать язык сей всегда в лучших наших обществах, невольно предаюсь мечтам и воображаю, что там, за стеною, сидит какая-нибудь знатная женщина, женщина воспитанная, потому что говорит по-французски, и верно, милая, потому что так нежно произносит слова... Уступаю любопытству, иду заглянуть в другую комнату — это кухня; а та, которой слышал голос, ничего более, как кухарка: но какая кухарка? — не немецкая, а неопрятная, в грязи, в крови и в саже запачканная растрепанная! Очарование исчезло, но представилось рассуждение: сколько, подобных этой, кухарок, прачек и проч., и проч. выезжают к нам в наставницы! Возьми запачканную француженку, брось ее в России, где-нибудь на поле: не пройдет недели — и ты увидишь ее в богатом доме, в роскоши и в почестях. Я читал одну небольшую французскую комедию, где представляется, что на Новом мосту (Pont-Neuf) в Париже сходятся несколько мужчин и женщин. Всякий горюет о своем горе. Из мужчин

одни ушли из тюрем, другим приходилось не миновать их; из женщин некоторые обокрали господ своих, другие потеряли все способы жить на счет своих прелестей. Те и другие по разным причинам, из страха и отчаяния, предвидя казнь, стыд и голод, решаются кинуться в Сену и все пороки и проступки свои утопить с собою вместе. Уже они готовы, берутся за руки, хотят кидаться... как вдруг слышался знакомый голос: «Безумцы! Что вы делаете? Вы отнимаете у себя жизнь, в которой можете найти еще тысячу радостей, тысячу наслаждений... Вы страшитесь бедности и презрения; оглянитесь назад — богатство и уважение ожидают вас! За мною, товарищи! за мною: я укажу вам земной рай для французов; переселю вас в страну, где ласки, подарки и деньги посыплются на вас как дождь!» «Что за страна эта?» — восклицают все в один голос. «Россия!.. Россия!..» — отвечает бродяга. «В Россию! В Россию!» — кричат все вместе и бегут садиться в дилижансы или почтовые коляски. Я это читал; а те, которые жилали в Париже, говорят, что можно это видеть, и видеть не на театре, а на самом деле.

Нет ничего противоположное, как француз, женатый на немке: это буря с тишиною. Сердит на русских, нагл в обращении, говорлив и хвастлив — верно француз!.. «Отчего у вас так разорено и пусто?» «Где!» — говорят французы и дивятся: им кажется, что земля их цветет и блаженствует. Однако лучший из писателей их, Делиль (в своем *L'Homme des champs*), горько оплакивает упадок земледелия, явно жалуется на разорительные последствия войны и громко порицает растление нравов. «Франция, — говорит он, — подобна кораблю, который буря гонит по неизвестным морям и ветры терзают со всех сторон». В другом месте уподобляет он отечество свое увенчанной лаврами могиле: извне обманчивая зелень, внутри тление и смрад! Этих стихов, однако ж, нет в изданиях парижских.

24 мая

«Не ездите чрез Мец: там бунтуют и режут русских!» — твердили нам на всех почтах. Мы из Курсета взяли правее и выехали прямо на Гравло, оставя Мец слева. «А! Вот куда собрались они, вот где можно видеть людей!» — сказал я сам себе, подъезжая к Мецу. Множе-

ство домов, мыз, деревень, садов, рощиц, перелесков, дорог, обсаженных высокими деревьями, и туда и сюда идущих, едущих и гуляющих по ним людей представляется глазам в окрестностях Меца. Окрестности эти в самом деле красивы и живописны, и если б вся Франция была подобна им, то и я невольно воскликнул бы: прелестная Франция! Тут под каждым холмом деревенька, на каждой высоте дом с башнями; скат каждой горы одет виноградником. Сам Мец — старинный город, окруженный огромными валами, которые заросли садами и деревьями. Пушки покоятся под тению рощей. Теперь в нем буря и буйство. Мы переехали прекрасную речку Мозель. Франция есть земля вин: Мозельское славится между прочими. Его получают тут, около Меца. И здесь дороги удивительны: французы растворили горы, чтоб их провести; а где утесы слишком высоки, там дорога извивается улиткою по ребрам их и нечувствительно возводит вас на самый верх.

Опять по-прежнему: «Та же пустота!» — сказали мы, проехав с милю за Мец. С высоты горы, по которой шла дорога, видны откры-

тые холмистые и ровные поля; но ни больших сел, ни садов, ни Виноградов уже не видно было. Здесь-то не научиться земледелию! «Как зовут эту реку (Мозель)?» — спросил я у своего извозчика. «Рекою!» — отвечал он и уверен был, что дал самый удовлетворительный ответ. Я не знаю, в чем нельзя уверить французов! Люди, порядочно одетые, стало не простые крестьяне, спрашивали у меня на последней станции, известно ли нам, русским, что пленные французы, сосланные в Сибирь, соединились с турками и разоряют Россию!.. Хорошо знают географию!!!

«От кого можем мы получить квартиру для ночлега?» — спросили мы, приехав в Гравелот. «От господина мэра!» — отвечали нам. «А где ваш господин мэр?» — «В своем присутствии». Идем вслед за проводником — и что ж за присутствие, где заседает мэр? Простая изба-мазанка, в сенях коровы и свиньи; около — навоз. Сам мэр завешен фартуком и шьет сапоги. Около него несколько мальчиков твердят склады. Этот мэр вместе и школьный учитель. Господин мэр принимает нас довольно ласково, отпускает несколько острых слов на

счет русских, оставляет шило, берет перо и пишет нам билеты для квартир. Благодарим, хотим уйти... «Постойте, постойте, милостивые государи! — закричал он нам вслед. — Вы недавно из России: скажите, какие меры приняты против французов, соединившихся с турками?» «Отсутствие войск наших, — отвечали мы, — не позволяет принять надлежащих мер, и новое бедствие угрожает еще России: беспокойные крымские татары вступили в тесный союз с сердитыми чукчами»... Ты смеешься, а господин мэра и учитель поверил — и мы расстались. Невежество мэра напомнило мне о невежестве одного француза, который в письме (перехваченном нами в прошлом году) советовал сыну своему, чтоб он вперед писал к нему именно, в какой части света и в каком государстве находится Кенигсберг. Билеты господина мэра не принесли нам никакой пользы: хозяйки домов, высокого роста, с сердитыми глазами, с большими крестами на груди и с бранью на устах, стали у дверей и, ругая мэра, объявили, что не пустят нас ни за что без заплаты. «Да мы заплатим вам охотно!» И двери отворились.

Сколько проехал — я не знаю, как одеваются французские женщины. Деревенские обертывают голову какую-нибудь тряпицею и называют это *bonnet*; их обувь — деревянные башмаки (*sabot*), выдолбленные колодки на ноги. Наши лапти гораздо красивее, легче и покойнее. Но вывези к нам *сабо* и — чего доброго! — они как раз войдут в моду и будут в чести! <...>

Шалон-на-Марне

Шалон — большой старинный город на Марне. Он кажется лучше всех, доселе виденных нами; однако красивыми домами — и чистотою улиц он похвалиться не может. При самом въезде сломалась у нас повозка; нам отвели квартиру в глухой улице, в бедном доме. Ни с кем не знаком, идти некуда, что делать? Сижу, думаю, вспоминаю, соображаю то, что считал, с тем, что слышал; распутываю происшествия, пристально смотрю на карту и рисую тебе картину военных действий от Рейна до Парижа. Покуда люди, известные ученостию и прославившиеся в военном ремесле, начертают пространное историческое изображение сей знаменитой войны,

ты получишь некоторое о ней понятие, взглянув со вниманием на картину, начертанную слабым пером твоего друга. Разумеется, что при этой картине должна быть и верная карта: ты ее имеешь.

Картина военных действий от перехода союзников чрез Рейн до взятия Парижа.
(Писана в Шалоне-на-Марне)

«Чтоб лучше представить себе страх, отчаяние и смятение жителей Москвы теперь, как мы (французы) уже заняли Смоленск, то вообрази себе, друг мой, что вдруг каким-нибудь несодеянным случаем русские вторглись бы во Францию и заняли Шалон-на-Марне: что б тогда было в Париже!»... Так писал в августе месяце 1812 года один французский офицер из окрестностей Смоленска к другу своему в Париж. «Но, — продолжает он, — многие веки пройдут в вечность, прежде нежели нога северных варваров ступит на землю прекрасной Франции. Париж, столица вкуса и веселий! Наслаждайся покоем в приятном шуме забав твоих; долго, долго не посмеет коснуться слуху твоему беспокойный шум оружия» И проч., и проч. (Слова из перехваченного фран-

цузского письма).

На слова француза скажем его же пословицу: предполагает человек, а располагает бог! Не веки протекли в вечность; но едва прошел год и семь месяцев, и русские не только что в Шалоне, но и в самом Париже!!! Так, никогда действия провидения, для подкрепления правых и уничижения противников их, не были очевиднее, как в эту войну Европы с Францией. Казалось, что десница божия, объемлющая все сердца царей, соединила их воли и оружие народов их для покорения преступнейшего из вождей ослепленного народа. Не более как в три месяца союзники пришли от Рейна к Парижу и преклонили буйную голову Франции к стопам законного короля, не вонзая, однако ж, меча мщениия в мятежное сердце ее. Последний месяц 1813 года был только свидетелем вступления союзников во Францию. С января 1814 начались важнейшие действия и кончились в марте важнейшим из всех происшествий — взятием Парижа. Итак, окинув глазами декабрь прошедшего, рассмотрим внимательно январь, февраль и март настоящего года.

Месяц декабрь 1813 года застал Европу в крови и пламени, но радующуюся о изгнании лютого виновника бедствий ее. Еще дымились свежие раны, еще пугало повсеместное разорение, но уже не было разорителя. Рука великодушных отвела змея от сердца Европы, из которого в течение стольких лет сосал он жизнь и кровь. Прошли времена сердитые, смягчился гнев судеб; победные клики из-за Рейна разносились по всей Германии.

Большая союзная армия из австрийцев, под начальством князя Шварценберга, и россиян, под предводительством Барклая-де-Толли состоящая, направляясь вверх по правому берегу Рейна, вступила в Швейцарию, дабы напасть с слабейшей стороны на Францию. Грозный ряд рейнских крепостей почитался оплотом необоримым, и никто не ожидал, чтоб буря и беда вошли во Францию со стороны Альпийских гор. 8-го и 9-го чисел декабря сия армия союзников в числе 180 000 человек, перейдя Рейн, в разных местах между Базелем и Шафгаузенем, разные отделения свои

по разным дорогам во внутренность Франции двигала. Тогда каждый день был днем занятия большого пространства зарейнских областей, 16-го числа уже союзники владели Вализскою землею.

3

Около сего же времени и Блюхер, с силезскою армиею приближавшийся к Франции справа, переходит Рейн, между Майнцом и Кобленцом у Кауба, и тотчас, обложив частью своих войск крепости Люксембург, Тионвиль, Мец, Верден и Лонгви, идет с остальными к Нанси, дабы, усилив себя сближением с главною армиею, предприятия и действия свои с движениями и действиями ее согласить. Армии, во Францию вступившие, старались одна другой подать руку и не спускать друг с друга глаз. Но не одна только Франция была тогда полем сражений. Глухие отзвуки войны в разных местах по Европе еще слышны были, и возженные прежде пожары на севере и юге пылали. Принц Шведский сражался, переговаривал и опять возобновлял бои с датчанами. Австрийцы воевали в Италии. Веллингтон бился с маршалом Сультом у подножия

Пириней и готов был вести толпы неустрашимых испанцев и свои английские войска в южные пределы Франции. Все крепости по Висле, вместе с мечтами и надеждами народа, пали. Дух польский отложил ретивость свою. Долго противился Данциг: французы называли его оплотом неодолимым; но и он устоять не мог. В один и тот же день, то есть 21 декабря, россияне вступили в сию крепость, а австрийцы заняли Женеву. Таким образом, войска, тысячами верстами разделенные, но одну мысль, одно желание и одну цель имевшие, как будто по некоему тайному условию, в важные города на двух противоположных концах Европы входили. Таковы происшествия, и в Отечественной войне в России неоднократно случавшиеся, наблюдательный потомок не отнесет к пустой случайности; но предпишет невидимому содействию провидения, в кровавой тяжбе за счастье человечества правую сторону покровительствовавшего.

4

В таком состоянии были дела Европы в последних днях последнего месяца 1813 года. Но

обратимся опять за Рейн и встретим 1814 год под веяньем знамен союзных уже на древних рубежах Франции. Первые дни января текущего года увидели большую армию союзников, миновавшую Альзас и достигшую в Шампани до Шалона и Лангра, где некогда Юлий Кесарь одержал столь знаменитую победу над храбрыми народами Гельвеции. Блюхер 3-го числа вступил в Навей. Таким образом, пространные области между Рейном, Мозелем и Моасом заняты и одним только смелым движением союзников, без пальбы и крови, покоряемы были. 12-го числа Мюрат, король Неаполитанский, предложивший уже усердие и оружие свое на защиту правого дела, занял Рим. И в сей же день, по приказанию князя Шварценберга, 3-й и 4-й корпуса напали при Бар-Сюр-Обе, между Коломбо и Фонтенем, на французского маршала Мортье. Нападение увенчалось успехом. Полки французской армии расстроены, и маршал отступил к Труа и Шалону; а главная квартира союзников перенесена в Бар 18 января. Фельдмаршал Блюхер, с своей стороны, старался также в ходе и подвигах от главной армии не отстать. С боль-

шою поспешностью шел он от города Туля вверх к реке Марне. 11-го числа он велел дивизии князя Щербатова сделать мимоходом приступ к Биньи и укрепленный сей город взять, 13-го тот же князь Щербатов выбил неприятеля из Сент-Дизье и преследовал его до Витри; а 14 пошел влево к городу Бриенне для соединения с войсками генерала Сакена. Генерал Ланской, с небольшим конным отрядом, удерживал Сент-Дизье, поджидая прусского генерала Йорка.

5

Таковы были первые шаги союзников во Франции. Пространство исчезало под стопами их; Рейн был уже далеко назади, а Париж почти в глазах!.. Наполеон находился в Париже и громкими воззваниями, льстивыми словами и пышными обещаниями забавлял и очаровывал миллион ветреных голов в столице Франции. Но, видя грозные тучи, несущие громы свой прямо на чело сей самой столицы, он воспрянул в полной ярости своей и бросился на поле битвы. 13 января поутру поручил он жену и сына под защиту городской народной гвардии. При сем случае ложь и

притворство доведены до высшей степени. Он показывал себя пред глазами народа важным отцом и супругом, изъявляя чувства, которых, может быть, в сердце своем не имел [63]. Он хотел положить на слабую голову младенца (короля Римского) корону, которую с собственной его главы всеми, видимо, срывала невидимая рука провидения.

6

Распростясь с столицею и ветренным народом ее, бросается он в коляску и скачет на почтовых к армий в Шаблон. На берегах Марны собрано было 80 000 лучших войск. 14-го под вечер весь Шалон закричал: «Да здравствует император!» Войско повторило клик народа. Раздался звук труб, и поднялись знамена; гром пушек и звон колоколов возвестил прибытие Наполеона. Он прибыл и действует: берет 25 000 и пускается вправо. Шаг — и в Витри; другой — и отнял Сент-Дизье.

7

Между тем видит он, однако ж, что Блюхер уже подает руку Шварценбергу, что войско соединится с войском и сила подкрепится си-

лою. Страшно для него соединение сие; воспрепятствовать ему есть цель желаний его. Для сего-то с большою частию своих войск и бросается он на самый меньший отряд союзников, с тем чтоб уничтожить оный, между двух армий стать.

8

Призвав все войска маршала Мортье из города Труа от реки Оби, для подкрепления правого крыла своего, Наполеон вдруг появился 17 января, в половине дня, пред городом Бриенною. Он пришел с великими силами и с твердою решимостью дать великий бой. Блюхер ясно видел силы и намерения неприятеля, но с мужеством принял вызов к сражению. И тут-то под стенами и в стенах города, который почитался колыбелью Наполеоной славы[64], произошло первое важное, по переходе чрез Рейн, сражение. Несмотря на превосходство войск неприятельских, союзники, искусно пользуясь своею конницею, сбивали ею левое крыло французов. Генерал Олсуфьев держал Бриенну. Наполеон не пощадил города, в котором провел первые лета своей молодости. Он велел палить по нем из

всех своих орудий — и город запылал. Наступившая ночь и смятение, произведенное жестоким пожаром, обхватившим город, способствовали солдатам маршала Виктора прокрасться к Бриенскому замку и, после упорнейшей схватки, овладеть оным. Тогда Блюхер, видя превосходство неприятеля и следуя предпринятому уже намерению соединиться с князем Шварценбергом, спокойно отступает по дороге Бару на Оби. Маршал Виктор и генерал Груши подвинули вслед за ним колонны свои и 18-го числа остановились на выгодном местоположении, заняв войсками правого крыла Диенвиль, утверди средину в Ларотьер, а левое крыло загнув вверх к Шоменилю.

9

Союзники, с своей стороны, все свои войска и силы вместе совокупили. С разных сторон разные отряды присоединились к Блюхеру, который на дороге к Бару остановился при Тране и расположил войска свои с большою выгодною на протяжении холмов, идущих от большой дороги вправо. 18-го генерал Йорк вырвал из рук неприятеля Сент-Дизье, а граф

Витгенштейн вошел в Васси и опередил Вреде, который с своими баварцами шел чрез Жуанвиль на левое крыло французов, против которого наступательное действие поручено было принцу Виртембергскому. Австрийцы с графом Гиулаем должны были напасть на правое крыло, а русские с храбрым генералом Сакеном на самую средину линий французских. Столь грозное положение наших и неприятельских войск и неуступчивость с той и другой стороны предвещали упорную битву в окрестностях Бриенны. Битву сию начал принц Виртембергский, нанеся первый удар на Шомениль, где находился маршал Виктор. Тут спорили о победе по крайней мере три часа. Принц входил в Шомениль; французы вытесняли его; но после многих усилий место боя осталось наконец за ним. Из средины французской линии войска поспешили на подкрепление левого крыла; а генерал Сакен, пользуясь сию минутою, стустив полки свои в боевые колонны, бросился на средину и пробился было до самой церкви селения Ларотьер. Наполеон, видя опасность и беду, с лучшими войсками устремился к сво-

им, а Блюхер подкрепил Сакена, и жестокий бой загорелся. Бонапарт, кажется, забыл тут о жизни, думая только о выигрыше, которого Блюхер не хотел ни за что ему уступить. Тот и другой были всегда впереди. Под первым застрелена лошадь, когда он сам повел молодую гвардию; подле другого убит в то же время казак. Опасность угрожала равно обоим, но слава победы досталась одному. Союзники восторжествовали и поделили по-братски лавры и трофеи. Корпус Сакена взял 30 пушек; граф Вреде 26; а принц Виртембергский 11, Граф Вреде выбил Мортье из Морвильера, обошел совсем левое крыло неприятеля, и все войска его отступили. Союзные гвардии, под начальством графа Милорадовича, подоспели весьма кстати, непосредственно участвовали в счастливом окончании сражения. Союзные монархи, очевидные свидетели битвы, праздновали победу на месте самого боя.

10

Лишенный многих войск и дерзости нападать, Наполеон отступил в Труа и далее. Тут открылись для союзников пространные поля действий и пути к Парижу. По берегам Мар-

ны и Сены пошли они к столице Франции. Если кто означит с одной стороны течение Сены, а с другой впадающей в нее Марны и проведет в первую поперечную между обоими речку Обь, тот будет иметь в начертании своем полное пространство, на котором происходили главные бои того времени. Последуем за главною армиею, несущую знамена свои по берегам Сены. Французы поспешно оставили город Труа; союзники вступили в него. Оттуда распространились действия их к Сансу, Ножану и Мери. С другой стороны Блюхер, перейдя на берег Марны, выбил неприятеля из города Шалона. Через несколько дней главная квартира прусских войск подвигалась в Вертю и Этожа; а войска Сакена и Йорка, занимая Монмираль и Шато-тьери, подходили даже к Лафорте-су-Жуар и Мо.

Наполеон стоял в твердой позиции при Ножане и не двигался с места. Оба крыла его были далеко обойдены, и война гремела уже в самых близких окрестностях Парижа. Военская деятельность его, казалось, на минуту вздремала: он был в глубоком размышлении о том, что начать. Его способы в войне давно

известны: первый, чтоб, разделя неприятельские войска по частям, на каждую особо с превосходными силами нападать; второй великий способ (*grand moyen*) состоит в обходах, чрез которые, становясь в крыле или с тылу неприятеля своего, принуждает его к отступлению. Для первого способа необходимы бои; последний совершается часто без оных, одною только поспешностию хода. Последний из сих способов, по словам Наполеона, есть способ воевать ногами. На сей раз, не щадя ничего, употребил он и оба сии способа и все свои силы вдруг.

11

Все действия союзников от Рейна до Парижа можно разделить на три периода: *первый*, от перехода за Рейн до сражения при Бриенне, стоил мало крови, а доставил много выгод. *Второй*, от сражения Бриенского до боя при Арсис-Сюр-Об есть период жарких битв и больших выгод для Наполеона, нежели для союзников. *Третий* период есть время побед на пути к Парижу и блистательных торжеств в стенах оною.

Мы уже описали первый из сих периодов;

теперь следует заняться вторым.

Наполеон решился идти вперед, но на первом шагу должно б было ему блеснуть успехом в глаза войск и народа. Для первого удара избирает он Блюхера и, с силою и быстротою вырывающегося из тесноты вихря, бросается вверх к Марне на войска полководца сего. Первый, сделавшийся жертвою стремительного порыва Наполеона, был генерал Олсуфьев. Небольшой отряд его при Шантобере служил, так сказать, звеном, соединявшим войска Блюхера с войсками Сакена. Многочисленность и сила французская, несмотря на самое крепкое сопротивление, поглотили малое войско генерала сего. Отряд его разбит, забран и вместе с ним уведен в Париж на показ и утешение жителям. Захватив Шантобер, Наполеон разрезал силезскую армию надвое и, став в середине, угрожал тылу той и другой половины. Однако генерал Сакен, не пугаясь сих угроз, призвав к себе дивизию Йорка, нападет сам на французов при Монмирале. Схватка тут была жаркая, особливо при деревне Марте. Победа ни на ту, ни на другую сторону приметно не склонялась. На другой день Са-

кен отступил за Марну в Шато-тьери. Наполеон погнался было за ним пристально, надеясь, что жители разорят мост на Марне и генерал сей будет его второю жертвою. Но, к счастью, надежда эта не сбылась, и Сакен отступил благополучно к Реймсу.

12

Всякий понимающий тогдашнее расположение союзных войск, по частям разделенных, ясно видит, что Наполеон имел удобность нападать с превосходными силами на каждую из них порознь. Но зато и сам он не мог сделать лишнего шагу, чтоб не иметь в тылу или в крыле своем какого-нибудь неприятельского корпуса. Преследуя с жаром одного генерала, он подавал способ вредить себе другому. Так случилось с Бонапартом после Монмиральского боя. Блюхер, стоявший при Этоже, пропустил его погнаться за Сакеном, а сам (1 февраля) жестоко напал на маршала Мармонта, который с небольшим корпусом маячил пред Этожем, желая закрыть движение главных сил французских. Разумеется, что Блюхер опрокинул Мармонта, прогнал его и (чего бы не должно было делать)

преследовал даже за Шантобер. Минутный успех сей имел невыгодные последствия. Сим успехом Блюхер оттянул, правда, Наполеона от Сакена, но навлек на себя в то время, когда не имел довольно силы, чтоб сделать отпор приличный натиску.

13

Наполеон, прослышав, что Блюхер зашел далее пределов осторожности вперед, бросился быстро назад. Ведя пешую гвардию скорым шагом, а всю конницу на рысях, он шел целую ночь и к утру соединился с Мармонтом. Это было 2 февраля. Блюхер почувствовал невыгоду своего положения и, прислонись к Вошану, решился защищаться. В 8 часов утра французы пошли на него открытым боем. За деревню Вошан пролили много крови. Наполеон привел впятеро больше конницы, нежели было ее у Блюхера. Ее-то повел он справа и слева по полям, ею занял деревни и ею окружил пруссаков со всех сторон. Храбрые пруссаки строятся в каре. Французы рыщут около них. Штыки и мужество первых отражает сабли и дерзость последних. Неприятельская пехота засела было в Этоже, но генералы

Клейст и Капцевич пробились сквозь нее штыками. Ночь прекратила бой. Но Блюхер уже вырвал войска свои из беды. Он идет в Шалон, заслоняется Марною, призывает к себе Сакена и Йорка, подкрепляется корпусами Ланжерона и Сент-Приеста и, ощутив силы свои, помышляет сам о действиях наступательных.

14

Никогда, как в то время, которое мы описываем, успехи и неудачи не стояли так близко одни подле других. Между тем как Бонапарте, пользуясь минутным успехом, гнался за Сакеном за Марну, генерал Винценгероде выдержал бой недалеко от Лаона и ворвался 2-го в Суасон. 3000 пленных и 13 пушек достались победителю. Таким образом, дни побед Наполеоновых, с одной стороны, были днями неудач его с другой. Народ не ведал, радоваться ли или печалиться ему должно было; но, по врожденному легкомыслию, веря всякой приятной молве, радовался. Нельзя отвергать, чтоб именно на сей раз Париж не был защищен быстротою движений Наполеоновых; но был ли он защищен надолго, то увидим из по-

Обратив все внимание на действие при берегах Марны, мы совсем было забыли о том, что делалось на Сене. Вслед за течением реки сей союзники быстро подвигались вперед. Тотчас по отдалении Наполеона сбросили они все французские отряды с левого берега Сены и в разных местах перешли сами на правый. Уже дивизии графа Вреде и Витгенштейна достигли до Провена и шли чрез Нанжи к Мелену, а войска графа Платова и Бианки пробрались из Монтеро до самого Фонтеббло, которое и заняли 5 февраля. Париж содрогался, слыша так близко от себя шум войны. Успехи союзников на Сене отрывали Наполеона от Марны. Чтоб действовать с равным успехом на сих обеих реках (которые были тогда настоящими операционными линиями), должно было двум Наполеонам быть и по крайней мере вдвое больше войска иметь. Однако Наполеон заменял все недостатки сил быстротою. Он как будто в кармане носил войско свое и метался с оным из края в край. Эти действия вождя французского напомина-

ют о действиях короля-полководца в Семилетней войне. Душою военного искусства великого Суворова была также быстрота... Посаждая пешую гвардию свою на подводы, а коннице велел нестись на рысях, Наполеон помчался от Марны к Сене и 5 февраля (когда Платов занял Фонтенебло) внезапно нагрянул на графа Витгенштейна при Нанжисе, одержал верх и вытеснил войска его за Сену. Маршал Макдональд и Удино оставлены были на правом берегу Сены, чтоб его вовсе очистить и сберечь.

16

Невозможно описать, до какой степени, от мгновенных успехов сил, возросла гордость Наполеона. Известно, что в это время после переговоров в Шатильоне на Сене предлагали ему мир; но презорства исполненный вождь отверг предложения, сказав: «И теперь ближе к Вене, нежели они к Парижу». Конечно, союзники утратили почти все выгоды, которые доставило им сражение при Бриенне; но не должно никогда ослепляться успехами, особенно в войне!.. Когда союзники праздновали победу на полях Бриенских, то казалось, что им только один шаг оставался до Парижа... И

теперь, когда Наполеон, очистив Марну и Сену, шел биться на Обь, казалось также многим, что союзникам занятых ими областей не удержать. Французы называли вождя своего *наперсником судьбы* (*l'homme des destinees*); а вождь сей бесстыдно кричал: «*aut Caesar aut nihil!*» («или все, или ничего!») — и вел солдат своих на верную смерть, дозволяя им, для потехи, грабить собственную землю свою. Тут кончится второй период мгновенных удач наполеоновых, и начинается, вопреки всем мечтам и надеждам его, период полной славы союзников.

17

Князь Шварценберг, убедясь в невыгодах действовать разделенными силами, решился сосредоточить их вместе. Он стоял в Труа. Прусский полководец, подкрепясь корпусом Бюлова, Винценгероде, Воронцова и принца Саксен-Веймарского, в самом деле пошел было чрез Мери к Сене. Ожидали, что общими силами дадут общее сражение. Но вдруг Блюхер, круто оборотясь назад, бросился к Севане и 12 февраля побил там Мармонта. Наполеон, преследовавший австрийцев, отделил часть

войск для обеспокоивания тыла силезской армии. Маршал Виктор, Удино и Макдональд врывались в Бар-сюр-Об, но князь Шварценберг двинул силы свои и отразил их (15-го числа).

18

Наполеон, увидевши себя между армиями силезскою и князя Шварценберга, пошел на первую. На пути присоединил он к себе Мармонта у Сезаны, Мортье у Лаферте-су-Жуар. Блюхер, видя приближение противника своего в превосходных силах, переступил с левого берега Марны на правый. Один французский корпус занял Реймс и угрожал сообщению союзных армий; но, к счастью, за несколько пред сим дней взят был Суасон, и Блюхер, отступая чрез него, занял позицию между сим городом и Лаоном при Краоне. У преддверия Бельгии — в Лаоне поставлен был генерал Бюлов.

19

Уже на закате было солнце Наполеонова счастья, и день славы его приметно вечерел. Еще одержал он некоторую поверхность при Краоне, где для союзников тесно было поле;

но Блюхер собрал и поставил все войска свои у Лаона. Тут произошло жаркое сражение 25 февраля — и французы, под личным предводительством самого Наполеона, остались побежденными: пруссаки гнали их за Суасон, 50 пушек наградили победителей.

20

Около сего времени известный генерал российский Сент-Приест, придя с 16 000 из Шалона к Реймсу, отнял город приступом у генерала Корбино. Это было 1 марта. Но на другой же день сам Наполеон, прослышав о случившемся, привел множество войск к Реймсу. Мужественный Сент-Приест, невзирая на неравенство сил, не отказался от боя. Храбро сражался он тут и с честью положил жизнь свою за правое дело. Под веянием знамен российских сомкнул он очи свои, сей достойный всякой хвалы француз! Россия помнит услуги, враги — силу руки, а друзья и подчиненные — любезные свойства души его.

21

Смерть храброго Сент-Приеста открыла пространное поле для лжи и хвастовства Наполеонова. Он трубил во всех печатных ли-

стах того времени, что та самая батарея, из которой вылетело смертоносное ядро для великого Моро, выслала тут другое на пагубу Сент-Приеста. И вон как, восклицал он, карает провидение французов, врагов Франции! Но святое провидение уже готовило, уже наводило гром свой на буйное чело самого Бонапарта!.. Видя армии свои ослабевающими, он прибег было к народу. «Вооружайтесь, жители Шампани! Вооружайтесь, французы! К оружию, великий народ! Северные варвары хотят стереть Францию с карты Европы! Силою и хитростью — всем ополчайтесь. Истребляйте, губите, режьте, где, как и чем только можно, всегда и везде!» — так вопиял Наполеон, советуя, особенно женщинам, приманивая неосторожных прелестями своими, губить их по ночам ножом. Не все зловерные семена его остались без прозябения; в некоторых местах народная война начинала уже возгораться! Но великие успехи союзников вскоре положили всему конец.

22

Уже протек февраль, столь обильный происшествиями, боями и превратностями. 5

марта в последний раз прошел Наполеон чрез Эперне с 40 000 своей гвардии. В последний раз польстили слуху его клики народа, проводившего войско на бой. Марна, привлекая опять к одной себе Наполеона, выдала Сену союзникам. Быстро подвигались они по знакомым путям вперед. 4 марта дивизия графа Витгенштейна была уже в Провене. Наполеон из Шалопна пустился еще раз поискать счастья на Оби, умышляя обойти Шварценберга, который, вместе с союзными государями, находился 6 марта в Труа. Но союзники, остерегаясь, отступили к Бару; а Наполеон 8 прибыл в Арсис, что на Оби. 9-го в сем месте произошел сильный бой и французы отброшены на северо-восток к Витри. Тут можно уже было сравнить Наполеона с тигром, окруженным искусными охотниками: ярость его не приносила более пользы.

23

Стеснялся круг действий Наполеоновых, умалялись силы, но замыслы его все еще были пространны. Перейдя Марну в Витри и вступя в Сент-Дизье, он хотел ворваться в Лотарингию, вызвать из всех крепостей гарни-

зоны, составить новую армию и броситься на тыл союзников. Но союзники, провидя несбыточность сих предприятий, выслав к Сент-Дизье генерала Винценгероде, обменялись дорогами с Наполеоном: пожелали ему доброго пути к Рейну, а сами пошли к Парижу!

Между тем и с юга приходили приятные вести. Ожеро уступил Лион австрийцам. Веллингтон поражал Сульта. Блюхер из Шалона подал Шварценбергу руку — и все двинулось к столице Франции.

24

Поход на Париж

На первом шагу своем союзники встречаются, при Фер-Шампенуазе, 13 марта, дивизии Мармонта и Мортье. Увидеть, напасть и разбить было для них дело одного мгновения. Оба маршала имели только 25 000. Союзники подавили их ужасным натиском всех своих сил. Сто пушек, 7000 пленных и открытый путь к Парижу достались победителям.

25

Сим последним пользуясь, союзники, свернувшись в пять больших колонн, под веяньем победоносных знамен, с веселыми кли-

ками надежды и радости быстро подвигались к последней цели своей, 16-го перешли они Марну в Трипоре и Мо, а 18 люди, воспоенные водами Оки и Волги, прошедшие из отдаленных краев хладной Сибири, от знойных берегов Каспийского моря, от хребтов грозного Кавказа — сии люди увидели окрестности Парижа! Надобно поставить себя на месте тех, которые прошли столь необъятные пространства, выдержали столько ужаснейших боев, подъяли столь великою истому, столь неопи- санные труды; и наконец, по полям, облитым кровью, по тлеющим развалинам городов, сквозь огонь, чрез воды и среди смертей, достигли конца своего пути и вершины славы; надобно, говорю я, поставить себя на месте их, чтоб постигнуть чувство, наполнившее тогда сердца подступивших к Парижу.

26

Но совсем противное было в Париже. Невеселые слухи приходили от Марны и Сены; задумчивость и уныние начинали появляться в шумных толпах вечно поющего народа. Правительство, с своей стороны, зная ветренность жителей, распускало слухи о небывалых успе-

хах. Толпы подкупленных и легковверных разглашали их по улицам. Истина спорила с ложью. Но вывоз сокровищ, отъезд Иосифа Бонапарте и самой императрицы показали ясно Парижу настоящее его положение. Громкой барабанный бой на утренней заре 18 марта пробудил беспечных жителей столицы, и тогда только поверили, что более 100 000 победителей стояли уже за высотами, заслоняющими город их.

27

Париж имел несколько тысяч гарнизона, мог выставить до 30 000 народной гвардии и всеми силами войска подкрепить корпуса, разбитые при Шампенуазе. Природа оградила город, в долине стоящий, высотами Бельвильскими, холмом Бютшомон и горою Монмартр. Канал Уркской служил также некоторою обороною.

28

Защитники Парижа расположились следующим образом: справа занимали они Бельвиль, Менильмонтан, Бютшомон и Венсенский замок; их середина расположена была за каналом Уркским, имея за собою Монмартр,

который весьма б был страшен, если б был укреплен; а левое крыло их простиралось до Нельи. Весь этот строй имел вид выгнутой Дуги.

29

Распоряжение союзников было следующее: армия силезская должна была идти справа чрез Сент-Денис к Монмартру; гвардия российская и прусская, под начальством графа Милорадовича, занимали средину, двинувшись от Бонди к Пантеню; генерал Раевский управлял нападениями на Бельвиль; а принц Виртембергский, на левом крыле, должен был занять Венсен и наблюдать за Шарантоном. Генерал Сакен и баварцы оставлены в Мо, чтобы противустать Наполеону, если б он вздумал воротиться к Парижу.

30

Бой при Париже

Между 5 и 6 часом утра раздалась пушечная пальба, и сражение загорелось. На твердые позиции: Бельвиль, Ромен-виль и Бютшомон напали прежде всего. Генерал Раевский выбил из Пантеня неприятелей штыками. Другие высоты старались обходить. Множе-

ство стрелков распущено было по садам и перелескам. Ружейная пальба гремела беспрерывно. Но Блюхер и принц Виртембергский не могли так скоро, по назначению своему, справа и слева, прийти. Одним же войскам Раевского, начавшим сражение, поддерживать его было тяжело. Наполеон мог поспешно возвратиться и внезапно загреметь в тылу. Париж, услыша гром его, стал бы защищаться до последней невозможности, и тогда союзники, на краю желаний своих, увидели бы себя в положении крайне невыгодном. Одна минута могла дать крутой оборот делам; но генерал граф Барклай-де-Толли сделал решительное соображение, пустил лучшие резервные войска в дело — и дело взяло счастливый ход. Граф Милорадович ввел все гвардии в огонь и управлял движениями оных. Тут напрасно уже старался неприятель, с отчаянною храбростью, лишить союзников приобретенных ими выгод: все его усилия обращались в ничто. Это взаимное бореие продолжалось большую половину дня, но прибытие силезской армии решило судьбу битвы. Корпус графа Ланжерона пошел прямо на Монмартр, а

Клейст и Йорк устремились в Лавильет и прочие в той стороне лежащие места. Граф Мило-
радович сам повел всех гренадеров на при-
ступ в Бельвиль — и грозная высота сия поко-
рилась. Генералы граф Ламберт, Воронцов,
Паскевич, Ермолов, Чеглоков и прочие по гру-
дам неприятельских тел взвели войска свои
на высоты, облитые кровью, и гордый Париж,
со всеми своими замками, храмами, дворца-
ми, палатами и садами, на необозримом про-
странстве лежащий, представился глазам
удивленных победителей. Гром битвы и об-
щее «*ура!*» всех соединенных войск наполни-
ли окрестности бранною грозою и шумом, ко-
торого они с самых давних времен не слыжа-
ли. Множество пушек взлетело на холмы и
направилось прямо на столицу. Огненная бу-
ря готова была понестись на разрушение со-
мнением и ужасом волнуемого града. Ударил
последний час, и острый меч вознесся над
главою его... Но при грозном течении гремя-
щих строев, в дыму и в пламени жестокого
боя, когда ничего не слышно было, кроме
громких восклицаний победителей и глухого
стона побежденных, вдруг настала торже-

ственная минута глубокой тишины: страждущее человечество возвысило голос свой. Сей голос достиг до сердца управлявшего судьбою браней государя и подвигнул его к милосердию. Александр I изрек великое слово благодати — *помилование!* И тысячи храбрых опустили оружие — и Париж спасен!!!

31

Знаменитое сражение при Париже и счастливейшие последствия оно уже довольно известны по множеству сделанных о них описаний; а я крайне несовершенную картину мою окончу последними чертами, означающими отчасти дух жителей Парижа в роковой для них день. 1) Один капитан, смело ведя роту из города в Бельвиль, вдруг узнает, что перемирие положило конец войне. С чувством глубокого прискорбия вонзает он шпагу в землю и, сказав: «Солдаты! Нам нельзя уже сражаться за отечество, так будем плакать о нем!», закрывает лицо руками и плачет. 2) Ученики Политехнической школы, не имевшие еще, по молодости лет, довольно сил управлять оружием, с большою храбростью защищали мост в Шарантоне. 3) Когда

русские входили в Бельвиль, один шестидесятилетний старик до тех пор стрелял и бросался на гренадер с ножом, не приемля пощады, покуда не упал мертв к ногам их. На другой день пришло на то место большое семейство оплакать и похоронить убитого[65]. Довольно этих примеров, чтоб опровергнуть клевету, впоследствии сплетенную, что будто Париж уловлен хитростью и, не желая защищаться, покорил себя добровольно.

Нет! Он защищался — и побежден!.. Русские покорили столицу Франции мужеством, а удивили ее великодушием. Никто не отнимет у них *славы, победы и славы, добродетели!*

Шалон-на-Марне, 2 июня

Скучная квартира и скучное положение наше вдруг переменялось. Брат пошел к коменданту и узнал в нем совоспитанника своего по Морскому корпусу Н. Ногаткина. Этот прелюбезный молодой человек всеми здесь любим и уважаем. Нам отвели прекрасную квартиру у предоброго хозяина, начальника здешних почт, господина Дюленя. С удовольствием записываю имя его: оно сохранится не

в одной записной книжке, но в сердце и в памяти моей. Он принял, обласкал и угостил нас так, как будто самый добрый саксонец. Во Франции не имели мы вовсе такого приему.

Шалон, 3 июня

Все войска возвращаются из Парижа и спешат оставить Францию. Сегодня прибыл граф Милорадович сюда, в Шалон. Он приобрел новые лавры, украшен новыми знаками отличия, но принял нас с прежнею благосклонностью. Мы получили позволение съездить в Париж. С нами едет один молодой француз Б...м из Лангра, знакомый Но-ну.

Шалон

Я просидел целую ночь напролет! К нам зашел с вечера бывший в корпусе майор Бровков да адъютант наш С**. Речь зашла о Париже. Разговор о нем неистощим. Мы рассматривали план и бродили по улицам, площадям, садам и гуляньям. Много видели они в Париже любопытного; немало хорошего и очень много худого. На Париж должно смотреть как на самый шумный, многолюдный и запутанный лабиринт. Французы раскинули все сети, расставили все приманки и не щади-

ли никаких уловок, никаких средств, чтоб только наших заманить, очаровать и обобрать!.. По общему совету располагали мы, где лучше остановиться по приезде в Париж и что за чем осматривать, чтоб в самое малое время осмотреть как можно больше.

Вот какую сделали мы *записку*:

1) Остановиться в Отель де Валуа, в улице Ришелье, насупротив Пале-Рояль, чтоб быть поближе к Тюльерийскому дворцу.

2) Взять в услужение на время Н. Ипполита.

Осматривать:

1) Музеумы; 2) площадь *карусельную*; 3) чрез мост Пон-Неф, в древнюю церковь de Notre Dame; 4) сад растений; 5) Пантеон; 6) дом инвалидов; 7) Законодательного сословия палаты; 8) Люксембургский дворец; 9) площадь Вандомскую; 10) сад Тиволи, где гулянье и освещение бывает по четвергам и воскресеньям ввечеру. Тут и оптические картины. Потом театры: 1. Большая опера; 2. Французский; 3. Фейдо; 4. Варьете и проч., и проч. Не знаю, успею ль я все это увидеть, ибо долго в Париже быть не могу.

Город Шатотъери, 5 июля

Шампания, известная своими прекрасными винами, не есть прекрасная область. Она пуста и песчана. В местечке Эперне пили мы самое лучшее шампанское, и я должен был признаться, что до этого времени не пил настоящего. Оно не мутится и не имеет кислорезкого вкуса, потому что не подделано; не бушует, потому что без поташа. Тихо льется оно в стаканы алою или златовидную струею, услаждая обоняние и вкус. Деревня Аи производит лучшее шампанское. Досюда ехали мы в двухколесных почтовых тележках. Завтра поместимся в огромную почтовую карету, которую здесь называют дилижансом.

Город Мо, 6 июля

Дилижанс — преогромная и превыгодная карета, в которой всяк за сходную цену может нанять себе место. Тут сидишь, как в комнате, в обществе пятнадцати или шестнадцати разного звания, разных свойств и часто разных наций людей. Монах, лекарь, офицер, дряхлый старик и молодая девушка нередко случаются тут вместе. Всякий делает, что хочет. Один читает, другой говорит, третий дремлет,

четвертый смеется, пятый зевает. Я смотрел окрестности, отыскивал места недавно бывших боев и любовался течением Марны. Резвая Марна, разгуливая по долинам, бежит вместе с нами к Парижу. Сперва видели мы ее справа (по выезде из Шалона); потом вдруг перерезала она нам дорогу (в Шатотьери) и замелькала слева; потом должны были мы еще раз ее переехать; и теперь она уже течет все левою стороною. Сена ожидает подругу свою с отверстыми объятиями в ближайших окрестностях Парижа, близ Шарантона.

Тут дрались русские, говорили мне французы, указывая на Шатотьери. Они пришли из Шалона, прямою дорогою чрез Этож на Монмираль и, заняв слева цепь гор, отрезали французскому корпусу дорогу у Лаферте, успев прежде него занять высокую гору, на которой стоит селение Жуар. О, и русские умели находить дороги во Франции!

Лаферте-су-Жуар значит в переводе Лаферте под Жуаром, то есть деревня Лаферте у подошвы, а село Жуар на вершине горы. Тут холмы одеты виноградниками, украшены рощицами, долины населены и обработаны.

Здесь почти нет места, где бы не дрались. В
Мо также было сражение <...>

Трактир в Бонди

Вот уж мы под самым Парижем! Слышим, как он шумит; кажется, чувствуем, как шевелится; но еще не видим его. Он там скрывается за высокими холмами и не хочет быть виден издалека. Наконец, думал я, увижу и я тот город, в который стекаются любопытство, золото и страсти из самых дальних краев Европы; город, который называется столицей света, источником просвещения и вкуса, жилищем роскоши и мод. Такой город должен быть огромен, великолепен, чист, светл, просторен и опрятен. Еще несколько минут — и завеса вскроется! Поверю в описание, рассказы молвы; увижу и узнаю. Дилижанс остановился на несколько минут у трактира в селении Бонди. Так это водится. Все подорожные зашли в трактир отдохнуть или прохладиться. Я смотрю пристально на окрестности. Окрестности в городе то же, что предисловие в книге. Парижские довольно приятны для глаз; а для воображения, напитанного французскими романами, они должны казаться

восхитительны. Рыцари Крестовых походов, воспетые Тассом, не с такою приятною тревогою чувств приближались к цели дальних походов и великих трудов своих, как питомцы французского воспитания приближаются к столице Франции. Что шаг, то напоминание!.. Проезжают чрез лес Бондийский (*foret de Bondi*) — и тысячи приключений, случившихся в нем, по сказанию романов, представляются воображению их. Увидят Венсен — и слышат тайное щекотание в сердце: им представляется, как известный счастливец в любви Ришелье заманивал в этот лес жен и дочерей маршалов и герцогов, княгинь и княжон; забавлял их пирами, музыкою, освещенными без ведома их мужей; шалил с ними, как с аркадскими пастушками, и вовлекал их в приятные глупости (*des folies agreables*), и проч., и проч.[66]. Но с этого времени окрестности Парижа доставлять будут русским и веем благомыслящим европейцам воспоминания чистейшие и благороднейшие. Здесь, скажут они, смотря на Монмартр, Бельвиль, Пантень и Сент-Винсен, здесь покрыли себя бессмертною славою герои союзных народов в глазах

государей своих! Все села и деревни около Парижа обстроены хорошо; замки, сады, палаты, роции, водопроводы, фонтаны и Уркский канал пестрят и украшают окрестности. Поселяне живы, веселы, поют и говорят без умолку; живут в красивых домиках. Молодые девушки гуляют хороводами или прыгают поодиночке с корзинками в руках. Они не столько прекрасны, как милостивы. Стройная кофточка, передник и соломенная шляпка или красивый чепчик составляют их наряд. Словом, около Парижа увидели мы гораздо более довольства, нежели где-нибудь во Франции. Только по всей дороге к Парижу и в окрестностях несносный запах часто заставляет зажимать нос. Тысячи худо зарытых тел и множество совсем не зарытых лошадей, разрушаясь на жару, заражают воздух. Французы в утешение себе говорят, что это русские и немцы тлеют на их земле. Да кто бы ни были, а их надобно погребсти порядочно! Своевольные ветреники судят по-своему, они говорят: «Это дело правительства!»... Но дилижанс готов, все садятся — едем в Париж!

V ОПИСАНИЕ ПАРИЖА

Париж Он засинелся перед нами, как пространный разлив воды да гладкой долине или как дремучий лес в отдалении. Многие города блещут издали кровлями дворцов, палат и раззолоченными главами храмов; Париж темнеет в густоте теней. На необозримом протяжении над 20 000 как будто вместе слитых домов выказывается готическая башня-церковь (Notre Dame); возвышается кругло-видный Пантеон и сияет в позолоте купол Инвалидного дома. Все прочее серо и пасмурно. Мы въехали в старинные ворота Сент-Мартен. Дилижанс остановился в обыкновенном своем заездном доме. Нас высадили. Молодой француз Б *, спутник наш, прыгал от радости, видя себя в первый раз в Париже!

«Что вам угодно, милостивые государи! Господа путешественники! Что вам угодно?» — кричали со всех сторон прислужники за деньги. Нам надобен фиакр (карета) — и

явился. Мы положили свои чемоданы и велели вести себя в улицу Ришелье, в отель де Валуа, что против Пале-Рояль.

«Так это-то Париж!» — думал я, видя тесные, грязные улицы, высокие старинные, запачканные дома и чувствуя, не знаю отчего, такой же несносный запах, как и за городом от тлеющих трупов и падали. Это-то перевозносимый, великолепный, прелестный город!.. Но чем далее в середину, тем лучше и красивее. Наконец остановились мы подле огромного дома, гостиницы Валуа (hotel de Valois). Француз Б* выпрыгнул из фиакра и побежал к хозяину справиться о комнатах, о цене и о прочем. Торг скоро кончен, чемоданы наши внесены, а деньги с нас за все взяты. И вот мы уже в Париже и на квартире!.. За три великолепно убранные комнаты со всеми выгодами, с постельми, диванами, люстрами и зеркалами с нас берут 15 руб. в сутки. Это дорого, но так берут только с русских! Французы в обыкновенное время платят за такие квартиры вдвое меньше: и тогда это дешево!

Нас проводили в комнаты и забыли про нас! Одни, без слуг и без знакомых, мы бы

могли просидеть целые сутки, и никто бы об нас не позаботился. В немецких трактирах иначе: трактирные служители входят очень часто к приезжему, предлагают свои услуги, спрашивают, не надобно ль кофе, пуншу и проч., и проч. Тут опять совсем другое: в доме, где отдают покои в наем, ничего не держат. За кушаньем, кофе и проч. посылать надобно своего человека в рестораны, кофейные дома и проч., а для всего этого и необходимо иметь лон-лакея. Мы тотчас по приезде спросили об Ипполите, который служил у адъютантов наших Паскевича и Сакена, но нам обещали представить его не иначе, как завтра. «Вы видите, — говорили нам с сердцем, — сегодня в Париже ничего ни найти, ни достать не можно!»

В самом деле я заметил, что в Париже случилось что-то очень необыкновенное: в нем не видать было ни того шума, ни того движения, которым он обыкновенно наполнен бывает: Париж приутих! Это случилось с ним в 20 лет в первый раз! Король из уважения к великому празднику (Fete Dieu) приказал запретить все лавки, трактиры, питейные дома и

даже самый Пале-Рояль; отворить же велел только одни церкви. Хвала государю, обращающему внимание на нравственность народа!.. Но при всех важных переменах нужна чрезвычайная осторожность. Раны на теле закрываются не вдруг, а постепенно!! Французы теперь очень похожи на спутников Улисса, превращенных в свиней: купаются в грязи разврата и ропщут за то, что их хотят сделать опять людьми! Однако, несмотря на повсеместное закрытие лавок в городе, товарищ наш Б* сбегал в Пале-Рояль и привел нам человека с готовым платьем. Мы купили сюртуки, круглые шляпы, чулки, башмаки, тоненькие тросточки и вмиг нарядились парижскими гражданами. Так все наши делают; ибо русский офицер в мундире встречает везде косые взгляды и тысячу неприятностей. Разумеется, что с нас взяли втрое за все, что мы купили. По записке, которую сделали в Шалоне, узнали мы, что недалеко от нашей квартиры ресторация Бовилье. Идем к нему ужинать. Прощай!

Париж. Вечер

Я сейчас был в парижской ресторации и

признаюсь, что в первую минуту был изумлен, удивлен и очарован. На воротах большими буквами написано: «Бовилье». Вход по лестнице ничего не обещал. Я думал, что найду, как в Германии, трактир пространный, светлый, чистый — и более ничего. Вхожу и останавливаюсь, думаю, что не туда зашел; не смею идти далее. Пол лаковый, стены в зеркалах, потолок в люстрах! Везде живопись, резьба и позолота. Я думал, что вошел в какой-нибудь храм вкуса и художеств! Все, что роскошь и мода имеют блестящего, было тут; все, что нега имеет заманчивого, было тут. Дом сей походил более на чертог сибарита, нежели на съестной трактир (Restauration). Хозяйка, как некая могущественная повелительница в приятной цветочной рощице, среди множества подле, около и над нею расставленных зеркал, сидела на несколько ступеней возвышенном и ярко раззолоченном стуле, как на троне. Перед нею лежала книга, в которой она записывала приход и расход. В самом деле она в своей ресторации царица. Толпа слуг по одному мановению ее бросается в ту или другую сторону и

выполняет все приказания. Нам тотчас накрыли особый стол на троих; явился слуга, подал карту, и должно было выбирать для себя блюда. Я взглянул и остановился. До ста кушаньев представлены тут под такими именами, которых у нас и слыхом не слыхать. Парижские трактирщики поступают в сем случае как опытные знатоки людей: они уверены, что за все то, что незнакомо и чего не знают, всегда дороже платят. Кусок простой говядины, который в каких бы изменениях ни являлся, все называют у нас говядиною, тут, напротив, имеет двадцать наименований. Какой изобретательный ум! Какое дивное просвещение! Я передал карту Б*. Он также ничего не мог понять, потому что, говорил он, у нас в губернских городах мясу, супу и хлебу не дают никаких пышных и разнообразных наименований: эта премудрость свойственна только Парижу. Отчего ж, скажешь ты, мы так затруднялись в выборе блюд? Оттого, что надлежало выбрать непременно те именно, которые тут употребляются в ужине. Попробуй спросить в ужине обеденное блюдо, которое тебе пришлось по вкусу, и тотчас назовут

тебя более нежели варваром, более нежели непросвещенным: назовут тебя *смешным* (ridicule). Тогда ты уже совсем пропал: парижанин скорее согласится быть мошенником, нежели прослыть смешным! Предварительные наставления приятелей наших в Шалоне вывели, однако ж, нас из беды. Мы выбрали кушанья, поели прекрасно, заплатили предорого, получили несколько ласковых приветствий от хозяйки и побежали через улицу в свою квартиру.

Париж. Ночь

Взгляд на Пале-Рояль

Здесь в полночь еще очень рано, а в 2 часа ночи — не поздно. Сажу у растворенного окна и смотрю на Пале-Рояль, который еще светится, но не шумит. Король не велел ему сегодня шуметь. Двадцать лет сряду он бесился день и ночь и в первый только раз замолк.

Вот огромный дом, вот замок, вот целый город, называемый Королевскими палатами (Пале-Рояль). Напиши подробную историю Пале-Рояля, историю его владельцев — и будешь иметь историю всех важнейших перемен во Франции, историю изменения нравов

и упадка их.

В 1636 году кардинал Ришелье воздвиг огромное здание в улице Сент-Оноре и назвал его Кардинальскими палатами. Многие нашли название это высокомерным, неприличным. Об этом происходили жаркие споры, но Анна Австрийская пресекла их, назвала палаты вместо Кардинальских Королевскими (Royal) и поселилась в них. Людовик XIV отдал на время дом сей брату своему, герцогу Орлеанскому, который и назвал было его своим именем. Во время революции назывался он *палатами равенства* (palais d'egalite). Но наконец, гораздо прежде, нежели сам король Французский, вошел он в древние права свои и стал называться опять Королевским. В сем-то Пале-Рояле человек может найти все, что нравится благородному и низкому вкусу; все, что очаровывает, острит и притупляет чувства; все, что крепит и разрушает здоровье; все, что украшает и *зарезывает время*[67]; и, наконец, все, что питает развратные склонности и выманивает из сердца добрые навыки, а из кошелька деньги! Развертываю книгу «Указатель Парижа» и смотрю, что в ней ска-

зано о Пале-Рояле. «Честь и добродетель изгнаны из мест сих. Алчность к золоту, картежная игра, плуты, обманщики и целые толпы прелестниц со всеми силками и приманками их встречают тут неопытную юность! — так говорит писатель о *верхнем этаже* и продолжает: — Обманутые иностранцы называют Пале-Рояль средоточием деятельности, удовольствий и забав Парижа; а человек благоразумный назовет его средоточием соблазнов!» Вот что говорят сами французы о Пале-Рояле в книгах своих, продающихся в самом же Пале-Рояле. Завтра осмотрю и опишу это любопытное здание, а теперь уже поздно. Прощай! <...>

Площадь Карусельская

Вот чистая, просторная, красивая площадь, которая теперешнее название получила оттого, что еще Людовик XIV, в молодости своей, забавлялся на ней рыцарскими играми древних каруселей. Наполеон, уничтожив кучу старых строений, придал, ей много красоты и пространства. Здесь-то любил он дивиться и забавлять народ парижский блестящим строем своей гвардии. Известный Изабе обес-

смертил в знаменитой картине Наполеона и гвардию, представляя их в полном, воинском блеске на этой площади, которая, расстилаясь пред самым дворцом Тюльерийским, ограждена красивою решеткою. О площади довольно, но скажем о том, что почитается главным украшением ее. Против самой середины устроены пышные триумфальные ворота по образу знаменитых врат Септимия Севера; и на сих-то воротах представлена колесница, управляемая двумя позлащенными *богинями побед* и запряженная *четырьмя бронзовыми конями*. Ни колесница, ни победы, новыми французскими художниками сделанные, не остановят знатока, но *кони* заслужат полное удивление его, дивя и изумляя даже и не знатоков.

Они полны огня и жизни, сии четыре коня!.. Какая красота в статях, какая правильность в размере!.. Мы видим их на полном бегу, или лучше сказывать, в полете!.. Кажется, слышишь, как храпят и сарпают, и видишь с искрами дым! Сие совершенное произведение древнейших художников переходило из века в век и почиталось драгоценнейшим

трофеем разных побед. Чудесна судьба сих коней! Сотворенные одним из величайших художников греческих, долго украшали они великолепный Коринф. Победоносный Рим, отняв у Греции свободу и сокровища, почитал коней сих *перлою* добыч своих. Рим гордился ими, доколе Константин, перенеся престол в Византию, велел перевезти туда и их. Из Константинополя перешли они на площадь святого Марка в Венецию, а оттуда на площадь Тюльерийского дворца! Приятно видеть такое уважение народов к великим произведениям искусств. Но странно, *что*, уважая творение, часто забывают творца. Гомер и Корреджио, которых произведения живут в веках, умерли с голоду! Где дарование, которое бы вполне награждено было при жизни?

У людей часто нужно только умереть, чтоб сделаться бессмертным. И *начинают жить со дня, как будут мертвы!*

Так сказал о великих людях один из почтенных отечественных писателей наших.
<...>

Опера

Кардинал Мазарини первый ввел во Фран-

цию оперу, известную дотоле только в Италии. В 1646 году итальянские актеры в первый раз забавляли Двор. Вскоре изобретены удивительные машины, которые впоследствии усовершенствовались до чудесности. Музыкальные творения Люлли и Рамо долго были единственными сокровищами этого театра. Глюк и Пуччини появились после них. Каждый из обоих имел за себя множество голосов. Французы спорили с жаром о преимуществе дарований, и сей-то спор произвел две стороны, известные под именем *глюкистов* и *пуччинистов*. Но спор прошумел и кончился, а сочинения обоих музыкантов обогатили навсегда оперу французскую. В другом отношении прославились Вестрис и Гардель. Первый, особенно в чудесных плясках своих, искусными телодвижениями умел выражать все оттенки чувств и страстей, умел, так сказать, *говорить глазам зрителей*. Теперешний Оперный дом построен уже в 1793 году. Снаружи нельзя узнать, чтоб это был храм муз, но зато, побывав внутри, признаешься, что это точно храм муз и вместе храм очарований.

Здесь-то представляются восхищенным глазам вашим все изменения природы, все чудесные картины этого и того света. Тут часто видят светлый *Олимп*, украшенный всем, что небо имеет в себе прелестного, и вслед за сим является мрачный ад со всем, что только есть в нем ужасного. Вечное пламя стелется по глубоким мракам подземной ночи: картина ужасная! Но вдруг является картина очаровательная: вечная весна, неувядаемая зелень, прелестное жилище радостей представляется глазам вашим, и узнаете *поля Елисейские!*.. Теперь, как мы были в *опере*, повторилось в балете пред глазами нашими плавание Клеопатры по реке Сидну. Мы вошли в ложу, очарование махнуло волшебною ширинкою — и 18 веков исчезли. Поднялся занавес, пролилась река — и я увидел корабль Клеопатры. Это точно тот, на котором плыла сия чудесная женщина! Розовые, лиловые, белые и голубые паруса вместе с радужно-цветными флагами веяли от дуновения зефиров. Серебряные весла двигались по звуку златострунных лир. Амуры порхали по снастям. Все было в золоте, в хрусталях и в освещении!.. До *ста*

особ появились вдруг на сцене в пестрой толпе действующих лиц. Телодвижения или пантомимы довольно совершенны. Только жена Антониева, кажется, уж слишком ломалась. Чтоб представить ослепленному страстию супругу святость его обетов, несчастье детей и собственную скорбь, ей было довольно указать на небо, на детей и на сердце свое.

Чрезвычайными певцами опера похвалиться теперь, кажется, не может. Здешнее пение не введет русского в такой восторг, чтоб он мог забытья, забыть своего Самойлова, Злова и не вспомнить о Сандуновой. Но машины в декорации неподражаемы, чудесны! <...>

Взятие Парижа

Есть слова (говорит Фонтенель), которые *воют* от ужаса и удивления <qui hurlent de depot), когда их сблизят вместе. Таковы-то и сии непонятною судьбою сближенные два слова: *взятие Парижа!* Как, почему и кем взята столица сия? Да разве знаменитый Монтеスキю не сделал замечания, что местное положение Парижа есть самое выгодное для собственной его и целой Франции безопасности?

Разве у нас не было с одной стороны моря, с другой высоких гор, а с третьей двух грозных рядов неприступных крепостей для защиты столичного города? Разве не было у нас храбрых, многочисленных легионов, чтоб отстоять его грудью? Кто ж мог преодолеть все сии препоны и достигнуть до стен столицы, какой из народов Европы? — Целая Европа! — Какая ж была причина столь неожиданного события? — Честолюбие одного человека. Любовь к отечеству, усилясь до степени страсти в сердце моем, заставляет меня и на *краю могилы*[68] принимать живейшее участие во всех его несчастиях, надеждах и превратностях. Часто обозревал я в уме все бедствия, могущие постигнуть столицу Франции; но никогда не смел вообразить, чтобы она пала под оружием чуждых войск. В течение XIII веков слыла она *непокоримою*. Разумеется, что я не считаю покорением нечаянного занятия Парижа при Карле VII. Одни крамолы призвали и ввели, а глупость короля и измена поддерживали тогда англичан. В наше время нетрудно было предвидеть, что Франция, выхлынувшая из пределов своих и, подобно великому

разливу вод, потопившая Европу, Франция, изнуренная страшными налогами, бесчисленными жертвованиями, изнемогающая под тяжкою ношею окровавленных лавров, должна была ожидать всеминутно великого удара судьбы! Вся Европа восстала на притеснителя. Соединенные армии ее, ища мира, пришли войною на берега Сены. В 15 месяцев совершились события, которых, по обыкновенному ходу дел, довольно б было и на 1–5 лет! Из всех зрелищ, которые были когда-нибудь показаны французам (ибо у них все сделалось театральным зрелищем), любопытнейшее и вместе ужаснейшее было, конечно, зрелище великой битвы, долженствовавшей решить судьбу Франции. Прошли столетия, и Париж не слышал грома войны. Звук оружия раздавался только на площадях учебных, и жены парижан, подобно женам спартанским, смело могли сказать: «Мы никогда не видали, как пылают огни неприятельские на бранных полях!» Буря шумела над Парижем, а парижане дремали!.. Коварное правительство играло доверенностью народа, забавляя его обманами. Уже неприятель гремел при Мон-

мартре, а бюллетени все еще, по старой привычке, трубили о победах! 28 только марта (по новому исчислению) открылись глаза парижан, и все прояснилось! Поразительные явления представились на бульварах. Прелестные гулянья эти, где привыкли видеть ряды богатых карет а толпы блестящих всеми украшениями роскоши женщин, в эти ужасные минуты наполнены и покрыты были ранеными солдатами и толпами отчаянных поселян, со стоном бежавших от пылающих хижин своих. Там семейства, лишённые жилищ, мо­стились в простых телегах, тут несколько ку­лей соломы или связок сена служили постелью обремененным усталостью. Многие посе­ляне, ехавшие на ослах, гнали перед собою овец и коров. Любопытство граждан было неопи­суемо. Их сострадание к пришельцам делает также им честь.

В полдень картина совершенно пере­менилась: все, что было поражением сердец, стало забавою глаз; бульвары наполнились опять гуляющими; беспечность взяла по-прежнему верх над всеми беспокойными ощущениями, доверенность возвратилась, и народ легко-

мысленно успокоился. Хотя и появлялись еще толпы обезоруженных беглецов, распуганных громом войны поселян и раненых солдат, но свежие войска стройно выступали из города на бой, и город был покоем. Народ не только не пугался более прежних явлений; но с удовольствием толпился еще, как обыкновенно, вокруг гаеров, шарлатанов и фокусников. И люди, сетовавшие за час пред тем о судьбе своего отечества, с непритворным восхищением любовались кукольным театром!

Такие же страхи, как вчера, взволновали было умы на другой день; но теми же средствами, как и накануне, успокоены были. Потомство, конечно, не захочет поверить, чтоб целая столица не прежде могла узнать о приближении 200 000 армии неприятельской, как послышав гром пушек у ворот и гром барабанов на всех улицах своих!.. В минуты близкой опасности смятение сделалось опять общим. Многолюднейшая из столиц европейских содрогнулась и восстала. Ужас сковал миллион сердец! Бесперывный барабанный бой призывал народную гвардию к защите города, который оборонять невозможно и не

должно было. Везде раздавался плач жен и детей при расставании с супругами и отцами, летевшими на бой. Следуя закоренелой привычке обольщать и обманывать народ, правительство разгласило накануне, что к стенам Парижа подходила какая-то отбившаяся от армии колонна (*une colonne egaree*), которую парижане могли истребить в один миг; но следующий день обнаружил ложь. С высоты Монмартра увидели приближение 200 000! Союзники вели пехоту свою по всем дорогам во множестве; многочисленная конница их покрывала все поля; 600 пушек гремели на холмах! 12 часов продолжался бой. Но когда уже все, кроме чести, потеряно было, когда король (Иосиф) бежал, сокровища увезли; когда победоносные армии союзников, как темные тучи, шли прямо на Париж, когда все сердца цепенели под шумом военной грозы, и все ожидали падения громов и гибели народа — вдруг какая-то непостижимая сила остановила союзников у самых ворот столицы! Воины великодушные, после столь дальних походов, столь тяжких трудов и столь кровопролитных битв, достигли наконец столь во-

жделенной цели, и — о верх благородства и чести! — они не употребили во зло победы своей. Великие государи, управлявшие сердцами войск, пеклись о целостности столицы французской, как будто о родном своем городе. Пример великодушия неслыханный до наших времен! История изумит потомство, представляя великое событие это в настоящем виде его. Ночь 30 марта (по новейшему исчислению), долженствовавшая быть свидетельницей великих пожаров, бесчисленных убийств и страшного разлития крови, сделалась, напротив, свидетельницей торжества, единственного в летописях мира, — торжества великодушия над мщением, добродетели над пороком! Эта ночь прекратила пятнадцатилетнее рабство и восстановила, древний порядок вещей. Столь великие события в столь малое время совершены, что все происходившее казалось только обольстительным сном.

30 марта Франция была еще под ярмом в томительных муках ожидания; 31 свободна и в торжестве!.. С первым лучом солнца неопи- санное чувство радости, чувство неожиданно-

го счастья пробудило весь Париж. Большая половина жителей выхлынула из домов, и площади, бульвары и улицы закипели народом; все окна наполнились зрителями. Такова была встреча в благородном городе благородным воинам, которые, сочетав лавры с оливами, приобрели сугубую славу победителей и миротворцев. Появление ополчений, притекших с берегов Волги, Шпреи и Дуная, на первых порах изумило парижан и извлекло было слезы из очей страстных любителей отечества; но невероятное великодушие этих питомцев отдаленнейших стран успокоило совершенно волнение сердец и умов. Жители не находили слов к изъявлению благодарности своим *пощадителям* и готовы были боготворить великого монарха Севера.

Инвалидный дом (в Париже)

Читал ли ты описание Валгалы в Северной Эдде?[69] Если читал, то припомнишь, конечно, те прекрасные награды, которые сплетатели северных баснословии сулили героям своим в будущей жизни. Бесперывные войны гремели по лесам и пустыням древнего Севера. Звание военного человека уважаемо было

всеми. Люди, в которых семейственная жизнь и мирные занятия умягчили ретивость сердец и утолили жажду к брани, не могли без живейшего участия сердечного смотреть на тяжкие труды и мужественную смерть великодушных блюстителей их спокойствия, выгод и прав. От этого родились понятия утешительные для воинов. Служители алтарей освятили, а стихотворцы украсили их всеми цветами воображения своего. Тогда верили, что *богини* (Валш), цветущие красотой и младостью, невидимо слетали на поля брани и, принимая в нежные объятия *души храбрых*, уносили в жилище радостей, в Валгалу. Правители воинственных народов, для очевидных польз своих, долго поддерживали эту веру. Но понятия мечтательные уступили место существенности, очарование исчезло, а войны продолжались, и воины желали быть успокоенными на той земле, которую защищали утратою здоровья и членов своих. Кровавые раны становились устами и вопияли за них. Священный глас веры, здравый рассудок и чувствительные сердца вступились за великодушных стражей отечества. В разных госу-

дарствах прилагали разные способы для доставления наград и покоя пострадавшим и потрудившимся в бранях. Но ни одно государство в Европе (думаю, кроме Англии) не похвалится таким прекрасным *заведением*, как Франция. Оно есть перлою столицы ее. Я был сегодня в *инвалидном доме* и признаюсь тебе, друг мой, что все мечтания о древней Валгале слабы пред теми существенными благами, которые доставляет тут безмятежный отдых поседевшим в военных трудах. В двух словах расскажу историю инвалидного дома, а потом опишу его наружный и внутренний вид.

Людовик XIV, желая успокоить храбрых со-трудников своих, повелел воздвигнуть великолепное здание в 1671 году. Здание это, помещающее покойно и выгодно до шести тысяч жильцов, есть одно из огромнейших в Париже. Наружность величественна и важна. Многие статуи, по приличию расположенные, возвышают красоту его. С необыкновенным чувством удовольствия рассматривали мы внутренность дома. Огромные залы, где накрыты были обеденные столы; кухни, где готовили простую, но вкусную пищу, и *гид-*

равлическая машина, провождающая свежую воду во все жилья дома: все возбуждало любопытство наше. Но картина благоденствия здешних жителей в полном блеске своем открылась на переднем, зеленью и цветами украшенном дворе. День был прекрасный: множество жильцов, оставя комнаты, вышли наслаждаться благоуханием насажденных ими же цветов. Здесь только можно видеть полную картину сколь жестоко изувеченного, столь великодушно утешенного в невозвратных потерях своих человечества. Деревянные ноги и костыли тут слишком обыкновенны. Многие лишились обеих ног и одной руки. Таковых сажают в тележки, которые, легко приводясь в действие стальною рукою, возят их по песчаным дорожкам. В толпах покрытых сединою воинов мелькают и молодые лица. Не одно число лет службы, но и тяжкие раны дают право на помещение в жилище этом. Здесь к попечениям правительства присоединяются попечения родства и дружбы. Там молодая жена уверяет супруга, что раны, обезобразившие вид его, нисколько не переменили ее чувств. В другом месте видим милую деви-

цу, с нежною заботливостью поддерживающую престарелого отца, или юношу, заменяющего собою костыль деду и с восторгом читающего славу подвигов его в ранах и знаках, украшающих ветхую грудь. Недавно один из парижских живописцев нарисовал прекрасно одного из престарелых инвалидов, с отеческою нежностью ласкающего милую девушку, питомицу свою. Он вынес ее еще младенцем из одного горевшего города во время войны и воспитал как дочь. Кисть живописца представила разительную противоположность двух возрастов. Лицо седого старца покрыто морщинами, а на лице белокурой красавицы играет румянец роз. Милая невинность прекрасными голубыми глазами благодарит виновника благополучия. Чувствительное сердце для услаждения своего найдет много, подобных этой, не рисованных, но живых картин в доме инвалидов. Вообще, все лица цветут улыбкою непритворного удовольствия. Люди без рук и без ног довольны состоянием своим, и, несмотря на раны и увечье, здесь реже, нежели где-нибудь, услышишь вздохи и стон. Но чтоб получить точ-

ное понятие о всем, что тут есть превосходного, непременно должно войти в домашнюю церковь инвалидов. Какая церковь? Это храм, и храм великолепный!.. Золотой купол его сияет, как солнце, над пасмурновидным Парижем.

Вхожу с благоговением и дивлюсь великолепию храма. Везде мрамор, памятники и редкая живопись. Пол из мрамора, мозаика. *Памятные скрижали* заслуживают особенное внимание. На них начертаны *имена* прославивших себя подвигами и честною смертью за Отечество. Но вот памятник мужа благородного в героях, искусного в полководцах — памятник Тюренья. Художник представил его в последнюю минуту жизни. Распростертый на львиной коже, Тюренья умирает в объятиях вернейшей спутницы своей — *Победы!* Победа, в виде величавой женщины, одною рукою поддерживает слабеющую голову умирающего, а другою с улыбкою готовится возложить на нее *венец бессмертия*. Вся душа героя вместе с его взорами устремлена на сию лестную награду. Величественный орел, подле сидящий, также быстро смотрит на сей венец. *Муд-*

рость и храбрость в образе двух женщин неутешно рыдают. *История* пристально смотрит на великого, чтоб не уронить ни одной черты его дел.

Все сии изваяния из лучшего белого мрамора. Внизу на меди выпуклая картина Тюрк-Геймского сражения. Вот все, что я умел тебе сказать об инвалидном доме, на который только что успел взглянуть и о котором много думал после. Так вот средство воспламенить юношей, ободрять мужей и покоить старцев!.. Взглянув на жилище сие, молодой воин охотно вырывается из объятий семейства, слепо следует гласу вождя и легко подымлет бремя свинцовое военных трудов. Грозные битвы, дальние походы, бури и зной, степи и горы не страшны ему. Ядро отрывает руку, пуля пролетает сквозь ногу, он плавает в крови; но *надежда*, подобно богиням Валгам, слетает утешать его в лютейшей скорби час. Не будет влачить дней своих без верного крова и надежных подпор; нужда не заставит его вымаливать крохи насущного хлеба под окнами бесчувственных. Не будет застигать его темная ночь в неприютном шатании по чуж-

дым полям, и снег не посыплется на главу, лишенную покрова: он имеет верное для себя убежище, куда вводят заслуги и где покоит отечество! Конечно, устройство и содержание инвалидного дома стоит великих денег!.. Войска наши слишком многочисленны, число заслуженных велико, и устройство здания, подобного описанному, кажется невозможно. Но другое великое и благодетельное предначертание, плод глубокой мудрости и чувствительности монарха нашего, готовить счастливый жребий верным отечества сынам. Оседлость войск есть предприятие, способам и местности России совершенно приличное. Я уже вижу в приятном мечтании те счастливые времена, когда по утихшим бурям процветут в различных краях отечества новые военные села. Порядок, к которому издавна привыкли, чистая нравственность, которою везде отличались, умеренность, с которою всегда жили, и вера и верность, которые нигде их не оставляли, поселятся и заживут вместе с воинами русскими.

Руки, сеявшие смерть в кровопролитных битвах, посеют и пожнут свои мирные поля.

Тогда-то воины — спасители отечества, поддержавшие падение древних престолов и вынесшие на мощных раменах[70] своих из пропасти уничтожения славу Европы, восчувствуют все сладости благополучия мирного. Они изгонят роскошь и не допустят к себе бедности. Тогда странник, укрытый гостеприимным воином от бурной осенней ночи, увидит картину домашнего благополучия, которой подобных еще нигде не видал; он увидит израненного старца, поучающего сына-воина искусству управлять плугом, а внука, юнейшего из членов *военного семейства его*, искусству владеть оружием. Тут в веселом пиру товарищей за ковшами пенистой браги шли за чарами иди же добытого хлебного вина воины мирные на приволье с неизъяснимым умилением беседовать станут о прежних днях побед и настоящей славе монарха — благодетеля своего.

Париж

Возвращаясь из инвалидного дома в свою квартиру, мы завернули по дороге в Пале-Рояль, смешались с толпою и исчезли в ней. Я еще не сказал тебе о здешней торговле разными

ми мелкими сочинениями. Сотни мальчишек промышляют ею. Шумными толпами бегают они туда и сюда, мечутся из угла в угол и, громко провозглашая заглавия новейших сочинений, стараются сбыть их с рук. Один кричит: «Ссылка Наполеона на остров Эльбу стоит франк!» Другой, еще громче: «Прибытие Людовика XVIII в Париж, цена 2 франка!» «Вот прекрасное сочинение „Волшебный фонарь“! Оно обратило на себя внимание публики! Вот того же сочинителя „Прощание русских с парижанами“, покупайте скорей, это последний экземпляр во всем Париже!» «Неправда, он врёт, — кричит голос из толпы, — у меня их целая корзина!» Заглавие мне показалось любопытным, я хотел купить, и целая толпа продавцов ринулась ко мне с печатным товаром. «Я уступаю вам это сочинение за 20 су», — говорил *первый*. «Возьмите у меня за 15», — кричал *второй*. «Вот вам оно за 10», — закричал громче всех *третий* и, вынырнув из толпы, проворно сунул его мне в руку. Бросаю 10 су и — опрометью домой. Таких ежедневных и, смело можно сказать, *однодневных* сочинений выходит здесь великое множество. То,

которое я купил сейчас, любопытно: в нем можно видеть, как француз заставляет наших русских прощаться с своим Парижем. Прочти и посмотри, что говорит француз о русских и что заставляет русского говорить о французах. Вот перевод «Прощания русских с парижанами».

После двухмесячного пребывания в Париже, показав пример самого строгого повиновения к уставам службы и самого дружеского обхождения с парижанами, русские возвращаются опять в свое отечество. Не без сердечного сожаления оставляют они этот город, которого жители не преставали оказывать им всевозможные знаки приязни и уважения, должного избавителям народа. (Жаль, что сии красивые слова не оправданы делом.) Вот как *русские* в тот час, когда уже походные ранцы были у них за плечами, прощались с Парижем и парижанками: «Прощайте парижане, прощайте, добрые приятели наши! — говорили они. — Мы никогда не забудем ваших чудесных трактирщиков, купцов и конфетчиков!.. Прощайте, почтенные меновщики парижские! Мы довольны бескорыстием ва-

шим: вы давали нам золото за бумагу; однако ж признайтесь, что этот промен вам не внаклад!..

Актеры и актрисы, певцы и певицы, прыгуны и прыгуньи, прощайте!.. Мы уже не будем более есть апельсинов в комедии, восхищаться прыжками в опере, забавляться ухватками плутоватых гаеров на *булеварях*, мы не увидим чудесных прыгунов по канату в Тиволи, обезьян на площади Музеума, ораторов в Атенеи и китайских теней в Пале-Рояле. Прощайте, милые, прелестные очаровательницы, которыми так славится Париж: вы, блестящие в *опере*, разгуливающие по булеварам и порхающие в галереях и садах Пале-Рояля!.. Забудем ли ваши прелести, ласки, ваше *постоянство!* Нет! С берегов Невы и Дона будем мы посылать к вам страстные вздохи свои. Вы смотрели не на лицо, но на достоинство... Брадатый казак и плосколицый башкир становились любимцами сердец ваших — за деньги! Вы всегда уважали *звенящие добродетели!* Прощайте, Софии, Эмилии, Темиры и Аглаи! Прощайте, резвые пламенные смуглянки, томные белянки, прощайте, черные и

голубые глаза; мы не имели ни средства, ни времени списывать портреты ваши, но мы имеем другие памятники: ваши стрелы у нас в сердцах и полученные от вас *раны* долго будут напоминать нам о вас. Прощайте, умные, догадливые французские слуги, вы, которым щедрая русская плата придавала крылья; вы, знакомые со всеми закоулками Парижа и ведающие всю подноготную в нем!.. Прощайте, поля Елисейские, прощай и ты, Марсово поле! Мы расположили на вас биваки свои, застроили вас хижинами, шалашами, будками и жили в них, как в палатах. Нередко милые городские красавицы навещали кочующих соседей своих. Они не пугались ратного шума и прыгали зефирами по грудам оружия при блеске полевых огней или тихими павами выплывали из-за деревьев, как тени, при тусклом мерцании луны. Каких наслаждений не приносили они с собою!.. Прощайте, господа повара, кондитеры, портные, сапожники, слесаря и седельники; вы долго не забудете неимоверной щедрости русской. Бог знает что бы случилось с вами без нас! Уже заимодавцы ваши ополчались всею строгостию зако-

нов, уже отпирались двери темниц... но провидение привело в Париж русских, и вы свободны и богаты! Стройте новые дома и пишите на них: „От щедрот русских!“ Прощайте, гда книгопродавцы! Чур, не пенять! В военном переполохе мы не успели познакомиться с вами короче! Опера, Фейдо, Варьете, Водевиль и Амбигю[71] поглощали весь наш досуг! Но погодите, из отдаленных краев отечества нашего будем мы присылать к вам русские деньги на французские книги! Французские книги у нас в великой чести! Прекрасный язык ваш гремит и славится даже и в самых пустынях Севера!..

Прощайте, блестящие общества *лучших людей*, людей лучшего тона. Мы имели счастье иногда помещаться в кругах ваших! Какое обхождение! Какая учтивость! О французы, одни только вы умеете жить. У вас мужчины просвещенны и образованны; женщины — милы, умны, веселы и всегда *благопристойны* (!!). Любезные французы! Прелестные француженки! Вы нас пленили, очаровали, просветили, вы офранцузили нас!.. Читайте ж в душах наших усердное, пламенное желание

подражать вам всегда! Так, мы употребим все усилия, чтобы *общества* обеих столиц наших одушевились, украсились умом и духом французским. (Так говорит француз за русских, а истинные русские, верно, повторять будут в утренних и вечерних молитвах своих: „Избави, господи, от мора, потопа, огня и *французского духа!*..) Прощайте ж, любезные, умные, храбрые, роскошные и ветреные парижане, прощайте!.. Под шумом бурных морей, в наших снежных пустынях, от Бельтских до Каспийских вод, везде будет греметь в устах народов имя прелестного Парижа! О, град утех и наслаждений! Все *твое* будь *нашим!*.. В науках, художествах, промышленности, а более всего в великом *умении жить*, будем мы подражать одному тебе! Немного погостили, но многому научились мы в стенах твоих!.. Твои обычаи и нравы процветут в пределах русских. (К несчастью, они и без того уже там цветут. Дай бог, чтоб поскорее завяли.) Придет, придет то счастливое время, когда храбрые россияне достигнут лестной славы называться *северными французами*, когда“... Но довольно! довольно!.. Да мимо идет

чаша сия! Нельзя ли обойти нас производством в *северные французы*? Мы, право, еще не стоим этого. Разница между нами и вами, господа французы, еще очень велика: *Москва и Париж* свидетельствуют в том! <...>»

Париж (накануне отъезда)

Место в дилижансе заказано, завтра едем, сегодня спешим бросить последний прощальный взор на Париж.

Смотр французских войск в Елисейских полях привлекает всеобщее внимание. Народ валит толпами к Тюльери. Одни хотят увидеть короля и принцев, другие увидеть что-нибудь, а третьим хоть ничего не видеть, только б смотреть!.. Мы предались влечению толпы и очутились у дворца. Перед воротами очищено место. Ожидали выхода герцога Ангулемского, ему надлежало осматривать войска. Подвели статную серую горскую лошадь, всю в золоте. Народ любовался ею. Долго дожидали герцога Ангулемского. Герцог Берри показался на минуту и скрылся! Два или три генерала и несколько придворных бегали взад и вперед. Наконец появился герцог Ангулемский: бодр, свеж и блистателен. Народ от-

шатнулся — герцог мигом на лошадь, еще миг — и он бы полетел вихрем... Но престарелый инвалид схватил одною рукою лошадь за повод, а другою подал ему прошение. Пожилых лет женщина подошла с другой стороны и подала также бумагу. Я только и ждал, что герцог скажет: «Не время!» — и полиция схватит просителей, но к чести герцога, к утешению французов и к собственному моему восхищению — я ошибся! Герцог принял *просьбы* милостиво, взглянул на просителей ласково, тихо поворотил лошадь и быстро с места помчался как вихрь. В ту минуту, когда герцог принял просьбы и, не передавая никому, клал их, расстегнув две пуговицы, к себе за мундир, как будто говоря сим движением: «Я принимаю прошения несчастных близко к моему сердцу», — в ту самую минуту вся толпа народа, до того молчавшая, как будто по какому волшебному знаку крикнула в один голос: «Vive le Due d'Angouleme!» (Да здравствует герцог Ангулемский!) На этот раз крик сей не был обыкновенным пустым приветствием, встречающим государей: он был отголоском сердец, восхищенных благородным поступ-

ком. Мы — иностранцы, но с удовольствием подражали в этом случае французам и кричали вместе с ними. Благородные подвиги совершаются для всех народов и всех времен. Войска были построены по аллее Елисейских полей. Герцог скакал по рядам; Кирасирские дивизии, гренадеры, мушкетеры и егери кричали (и кажется, не по заказу): «Да здравствует герцог!» «Да здравствует король!» — закричал герцог, и войско повторило клик сей.

Париж. Вечер

Всякую неделю бывает гулянье в Тиволи. Мы сейчас оттуда. Какое прелестное гулянье!.. Сад — волшебный чертог! Деревья, ограды, долины унизаны, уставлены, осыпаны фонарями и плошками. На одной половине сада не было неосвещенного места, между тем как другая столько освещалась отблеском первой, что можно только было видеть темноту ее. Где ни прислушаешься — музыка! Куда ни помотришь — танцы! В одном углу видишь фокусников, в другом — ворожей, в третьем — колдунов-отгадчиков. Картина этого общественного гулянья пестра, блистательна и разнообразна. В одном месте открытый театр,

осыпанный алмазными огнями. Высоко от земли перетянуты канаты, на которых пляшут, прыгают, сидят и ложатся удивительные искусством и ловкостью смельчаки. Вдруг зашумело что-то сзади; оглянулись — пожар искусственный! Там зажгли фейерверк. Какой великолепный, пышный, разноцветный пожар!.. Золотое, лиловое, розовое пламя широкими радугами расстилалось по воздуху; алмазам, яхонтам и изумрудам подобные искры с треском и блеском летели вверх! Другой фейерверк изображал сражение. Звук, стук, перекаты грома, точно как в сражении!.. Наконец все сгорело, угасло, померкло и смолкло: общая участь всех блистательных явлений в мире!.. К 12 часам сад опустел. Вот каким гуляньем можно наслаждаться здесь за 2 франка! Сегодняшний вечер в Париже последний, завтрашнее утро застанет нас уже в дилижансе — в дороге!.. Прощай!

Выезд из Парижа

С первым лучом зари оставили мы квартиру свою, а восхождение солнца увидели уже за Парижем, по дороге в Мо. Огромный Париж со всем блеском, шумом, великолепием

и миллионом народа своего скрылся от нас как волшебный сон!.. Так уходил от глаз моих прелестный Дрезден, так исчезла пышная Варшава... Не так ли, о друг мой! исчезнет и скроется от потухающих взоров и великая картина мира с священными красами вечно-го неба и живописными видами земли, когда душа, превратись в один последний вздох, вырвется и улетит? Прости! Такие мысли поражают меня всегда, когда удаляюсь от большого города, в шуме, блеске и вихрях которого проводил несколько дней...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восемь частей «Писем русского офицера», обещанные издателем оных, скоро отпечатаны будут и одна за другую на суд просвещенных читателей предстанут[72]. Как неопытный и еще безвестный сочинитель писем сих, с невольным трепетом ожидаю приговора оным. Утешаюсь только тем, что не корысть или другие подобные ей побуждения, но единственное желание угодить соотечественникам побудило меня писать о войне под звуком громов ее, изображать вид сражений почти в самом пылу оных, делать повсюду наблюдения и все замечания, мысли и чувства свои осмелиться излагать на бумагу. Счастлив буду, если не обманутый в надежде и цели моей заслужу благосклонное внимание просвещенных читателей. Оно послужит мне лестнейшею наградой за слабый, но усердный труд. Счастлив буду, если книга моя принесет хотя малое удовольствие вам, почтенные сыны России, храбрые воины, пожавшие лавры на родных и чуждых полях!.. Пусть напоминает она вам, отдыхающим ны-

не от кровавых трудов в объятиях родных и друзей, о прошлых временах грозной войны, когда смерть с огнем и громом носилась над главами вашими, когда темные ночи застигли вас в трудных походах, а зори утренние возвещали кровавые дни битв. На сырой земле было ваше ложе, под открытым небом жилище, у полевых огней пристанище! Усердно работали вы отечеству и верно *служили и прямили* царю! Счастлив буду, если и граждане мирные, давно или никогда не видавшие кровавых позорищ войны, получают довольно живое понятие об них из моих описаний и если хотя слабо и как будто издалека увидят в них картины великих событий чудесного превратностями и славою времени. Еще более почту себя счастливым, когда, находя в книге верное описание нравов и обычаев народов, усердную, из глубины сердца излившуюся похвалу добродетели и безщадное порицание порока, *отец* велит читать ее своему сыну и *мать* не отнимет из рук у дочери. Но свыше всех мер награжден буду, если удостоверюсь, что книга моя не недостойна быть в руках будущего Историка нашего времени и

потомства. Много погрешностей найдет строгий взор разборчивости в незрелых трудах моих, и я заранее уже взываю к снисходительности читателей.

Да уважат обстоятельства, в которых я писал: они были слишком затруднительны для писателя[73]. Последняя часть «Писем русского офицера» оканчивается описанием столицы французской. Из Парижа, проезжая по направлению к Стразбургу, познакомился я короче с Франциею. С любопытством обозревал Лотарингию; провел несколько приятных часов в Нанси и с особенным удовольствием любовался прекрасными окрестностями Стразбурга, плодоносными полями Эльзаса и прелестными картинами природы на тихих берегах величественного Рейна. Несколько незабвенных дней провел я в прекрасном герцогстве Баденском, в стране, почитаемой «садом» Германии. Я жил в Бруксале и видел Карльс-руте, видел родину добродетельнейшей из государынь, видел я родину Елизаветы, вожделенное присутствие ее придавало новый блеск тем местам и новое счастье жителям оных...

Я видел Лейпциг и обозрел на веки прославленные знаменитою победою поля его. Проезжал я счастливое герцогство Дессауское, видел еще раз величавую Эльбу и гулял в одном из первейших садов Европы в Вирлице. В Берлине был свидетелем блистательнейших торжеств, устроенных народом, приветствовавшим героя и отца-монарха. Я видел государя, возвращенного к счастью Пруссии, видел его семейство, двор, знаменитейших генералов и осчастливлен был особенным воззрением великодушного монарха сего[74]. Я проехал потом земли между Одером и Вислою, видел области, древним немецким рыцарям принадлежавшие, и был в одном из лучших основанных ими городов — в Кенигсберге. Этот древний сосед морей обогащается плодами торговых сношений, цветя и богатея под покровом мудрого правительства своего. По всей дороге к Тильзиту не переставал я удивляться искусству, с каковым множество водяных сообщений в странах сих учреждено. На берегах Немана (в Тильзите) генералы русские устроили прощальный пир и, угощая им офицеров и солдат, благодарили их за вели-

кие опыты мужества в боях, твердости в трудах и усердие, всегда и повсюду оказанные в течение последней беспримерной войны. Тут простилось войско русское с странами чужеземными и, со множеством лавров и трофеев, вступило в отечество свое. Все, о чем я намекнул здесь только слегка, описано довольно пространно в походных записках моих и может прибавить еще два тома к вышедшим. Но я не успел еще привести в надлежащий порядок записок сих и, судя по обстоятельствам, в которых нахожусь теперь, не надеюсь сделать этого скоро.

Человек, не имеющий ни средств, ни способ, ни свободы располагать собою и временем своим, не может отвечать за свое будущее. Вразумленный опытом, перестал я верить золотым посулам слепого счастья и любимцев его, всегда превратных, как оно. Не имея ничего верного и не смея загадывать даже на завтрашний день, я предал себя всемогущей воле Строителя миров и святому покрову провидения его...

Примечания

Печатается с сокращениями по тексту: Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год. М., 1870 (*Здесь и далее примечания составителя, примечания Ф. Н. Глинки отмечены **).

[^^^]

Степенные книги — свод исторических сведений о России от древнейших времен до Ивана Грозного, составленный в XVI веке.

[^^^]

Макиавель — Макиавелли Николо
(1469–1527) — итальянский политический деятель и писатель.

[^^^]

Маркиз Куева де Бедмар (1572–1655) — испанский дипломат, посол в Венгрии; описан французским аббатом и историком Сент-Реалем (1639–1692) в книге «История заговора испанцев против Венецианской республики в 1618 году» (1647 г.).

[^^^]

Гедеон (ок. 1726–1763) — придворный священник при императрице Елисавете Петровне, славившийся своими проповедями.

[^^^]

6

Имеется в виду укрепленная позиция близ г. Дриссы на левом берегу Западной Двины.

[^^^]

Имеется в виде «Фарсалия» — поэма Лукана (39–65), римского поэта, в которой прославляется Катон Младший как воплощение гражданской доблести.

[^^^]

Имеется в виду популярный в свое время роман французского писателя Мармонтеля Ж. — Ф. (1723–1799) «Велисарии».

[^^^]

*Три старших сына этого почтенного дворянина были уже на службе. В продолжение войны четверо из них ранены.

[^^^]

Колоцкий монастырь — расположен близ села Бородина, где произошло генеральное сражение 26 августа 1812 года.

[^^^]

*Табор — бивак (bivoi que).

[^^^]

Лейбниц.

[^^^]

13

Имеется в виду 1-й кадетский корпус.

[^^^]

*Выражение из сочинений Гуфланда.

[^^^]

Позорище (*устар.*) — зрелище.

[^^^]

Речь идет о персонажах романтической идиллии «Поль и Виргиния» французского писателя Бернардеча де Сен-Пьера (1737–1814).

[^^^]

Сие выражение принадлежит почтеннейшему А. С. Шишкову.

[^^^]

*6000, сдавшихся добровольно, препровождены были тотчас, со всевозможными выгодами, в главную квартиру. Им оставили даже повозки с грузом, бывшие при них, и все, кроме оружия.

[^^^]

Имеется в виду ложный маневр, с помощью которого Наполеону с остатками «великой армии» (ок. 30 тыс. человек) удалось ускользнуть на Березине от преследования намеревавшихся его пленить адмирала Чичагова и графа Витгенштейна.

[^^^]

Клястицкие поля — севернее г. Полоцка, в районе которого произошло сражение между войсками корпуса генерала П. Х. Витгенштейна и французскими войсками маршала Удино.

[^^^]

Валахия — юго-западная часть Румынии.

[^^^]

Аббат Сабатье (1682–1742) — французский монах и теолог, критически изучавший Библию.

[^^^]

Арминий (I в.) — вождь древних германцев, победитель римской армии полководца Вара в Тевтобургском лесу (9 н. э.).

[^^^]

Кунтуш — польский кафтан.

[^^^]

Орден св. Владимира III степени.

[^^^]

Фукс Б. Е. — секретарь А. В. Суворова, автор книги «История генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымникского».

[^^^]

Баярд — легендарный средневековый французский «рыцарь без страха и упрека».

[^^^]

*Ротмистр Мариупольского гусарского полка.

[^^^]

Вильсон Роберт (1777–1849) — английский генерал, в 1812 г. находился в русской армии в звании великобританского комиссара.

[^^^]

Костюшко Тадеуш (1746–1817) — руководитель Польского восстания 1794 г., участник войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг.

[^^^]

*Старый Фрауштат состоит из площади, окруженной домами, имеющими одну кровлю и тесно один с другим слеplенными. Новый город построен недавно после бывшего пожара.

[^^^]

ОГОНЬ! (*нем.*)

[^^^]

Драбанты — телохранители, слуги.

[^^^]

Водомер (устар.) — фонтан.

[^^^]

Оратория — музыкальное произведение для певцов-солистов, хора и оркестра.

[^^^]

М. И. Кутузов умер 16 апреля 1813 г. в Бунцлау.

[^^^]

Траверс — земляная насыпь для закрытия
внутренности укрепления от поражений с
флангов или тыла.

[^^^]

*Рескрипт сей, вместе с подробным описанием всех авангардных и арьергардных дел, напечатан будет в особой книге под заглавием: «Подробное описание действий аван- и арьергарда армии в 1812 и 1813 годах». Там объяснятся все затруднительные случаи, в которых войска сии находились, и как благоразумие, мужество и военный глазомер начальствующегоими доставляли им победы.

[^^^]

Кроаты — здесь: хорваты.

[^^^]

*Он теперь произведен в генерал-майоры за сражение при Кульме, где был ранен двумя пулями в руку.

[^^^]

Жомини А. (1779–1869) — барон, военный теоретик и историк, в 1804–1808 гг. — начальник штаба Нея, с 1813 — генерал русской армии.

[^^^]

Это значит карта Германии, напечатанная на платке, которую можно носить в кармане и мыть.

[^^^]

Улисс — Одиссей, герой древнегреческого эпоса, царь о. Итаки.

[^^^]

Энгельгардтом А. В.

[^^^]

Щербинины — офицеры квартирмейстерской части.

[^^^]

Ахшарумов Дмитрий Иванович (1785–1837) — русский военный историк, генерал-майор, в составе лейб-гвардии Егерского полка участвовал в войнах с Турцией и Францией в 1806–1814 гг.

[^^^]

*Эти подчиненные, любезные молодые люди:
Пик. Фед. Смир-в и Ад. Фе. Жур-й.

[^^^]

Бергман — углекоп (нем.).

[^^^]

Вопрос.

[^^^]

50

Ответ.

[^^^]

Берд (бёрдо) — гребень, являвшийся одной из основных частей ткацкого станка.

[^^^]

*Суворов послал вперед русских, совершенно знавших польский язык и в польские мундиры переодетых, которые тотчас сорвали передовые пикеты без выстрела.

[^^^]

Стерн Лоренс (1713–1768) — английский писатель. Зачинатель литературы сентиментализма.

[^^^]

Радклиф Анна (1764–1823) — английская писательница. Ее романы воссоздают атмосферу «ужасного» и «таинственного».

[^^^]

Ключ-войт (ключовойт) — староста волости, голова.

[^^^]

*Эта записка получена мною от почтенного Федора Ивановича Лыкошина, который при последнем выборе общим голосом дворян избран в губернские предводители.

[^^^]

Фиял — кубок, чаша.

[^^^]

Ф. Глинка приводит первые строки стихотворения Ю. Выбицкого «Мазурка Домбровского», ставшего национальным гимном Польши.

[^^^]

*Бауцен назывался прежде Будисином и на старинных картах под сим именем означен.

[^^^]

Магазин — здесь: военный склад для хранения огнестрельных припасов и продовольствия.

[^^^]

*Генерал Милорадович сделал 200 верст в два дня, когда вел войска из Калуги к Вязьме.

[^^^]

Шинок (устар.) — небольшой питейный дом.

[^^^]

*Уверяют, что славный актер Тальма учил Наполеона накануне, как представлять лицо нежного отца и супруга.

[^^^]

*Известно, что Наполеон первые познания в военном искусстве приобрел в Бриенской школе.

[^^^]

*Этот случай рассказал мне самовидец одного Ахтырского гусарского полка ротмистр Пороховников.

[^^^]

*Смотри на французском книгу: «Тайные похождения герцога Ришелье», соч. Рюльера.

[^^^]

*Французы часто употребляют выражение:
egorger le temps — *зарезать время!*

[^^^]

*Француз, сочинитель Статьи сей, умер вскоре по издании оной.

[^^^]

Эдда (Старшая) — древнеисландский сборник мифологических и героических песен, бытовавших в устной традиции у германских народов.

[^^^]

Рамена (*устар.*) — плечи.

[^^^]

*Имена французских театров.

[^^^]

*Первое издание «Писем русского офицера»
состояло из восьми частей (М., 1815–1816).

[^^^]

Еще раз осмеливаемся напомнить почтенным читателям, что записки, служившие основанием книги сей, составляемы были среди всех ужасов войны, часто под открытым небом, у полевых огней, после проведенного в трудах и сражении дня. Не благоприятнее были обстоятельства и тогда, когда автор полевые записки свои в некоторый порядок приводил. Заботы по жизни слишком стесняют его. Писатели, занимающиеся трудами своими в тишине светлых и теплых кабинетов, не знают, что значит писать в квартире, где от холоду стынет чернило или от угару кружится голова!..

[^^^]

В Берлине король Прусский вручил Ф. Глинке орден «Pur le me-rite» за битву при Бауцене.

[^^^]